

Дмитрий Егорченков

необъявленная

ВОЙНА

РОССИЯ

В ОГНЕННОМ
КОЛЬЦЕ

Аннотация

Устранив в конце XX века с мировой арены своего главного геополитического конкурента – СССР, американская элита периода холодной войны двигалась по инерции, то есть продолжая борьбу с «красной угрозой» даже после ее «устранения». Заточенная на противостояние политическая механика западного мира не могла действовать иначе. Те же люди и те же геополитические условия. Все это наложилось на совершенно нормальную в рамках мировой хозяйственной системы конкуренцию за рынки и ресурсы. Остановки или перерыва в этом движении не будет. Технологии государственных переворотов, осуществляемых США в разных странах мира, совершенствуются день ото дня. Главной же мишенью для Америки, так же, как и в 90-е годы, является наша страна. Тогда зарубежным «друзьям» с помощью нашей продажной элиты удалось развалить самое большое государство в мире – СССР.

Сегодня Россия, в буквальном смысле слова, находится во всеоружии. Но и Запад не дремлет. Работа с оппозицией, попытки организовать протестное движение в крупных городах России провалились, и западные политтехнологи перенесли свою активность в регионы РФ. Их цель – отколоть от России куски, развалить её на части, как когда-то был развален Советский Союз. Дмитрий Егорченков – политолог, директор Института стратегических исследований и прогнозов (ИСИП) РУДН. С 2002 по 2008 гг. на дипломатической работе в Ираке, Алжире, центральном аппарате МИДа России.

Дмитрий Егорченков Необъявленная война. Россия в огненном кольце

* * *

С искренней признательностью Петру Фролову, доброму другу и историку, без которого эта книга была бы иной.

Вступление

Ничто не является настолько опасным или пугающим, как неведение.

Дж. Кеннан

Не спрашивайте о вещах, которые огорчат вас, если станут вам известны.

Коран. Сура 5. Трапеза

Этот XXI век, то фактическое будущее, в котором мы живем, стал временем глобальных слияний и конвергенции далеко не только в науке и технологии. И уже совершенно очевидно, что **внешний и внутренний политические периметры** не просто связаны, а непреложно обуславливают друг друга.

Такая более жесткая, чем когда-то раньше, привязка этих двух составляющих политического процесса – одна из примет времени. А затрагивает она отнюдь не только наших заокеанских партнеров и влияние американской политической сцены на глобальные

процессы, а также обратное влияние, например, пресловутой «русской угрозы» на внутреннюю политику США. Только что мир прошел через очередной американский президентский избирательный цикл, а теперь следит за свежими и не очень инициативами хозяина Овального кабинета. Почему внимание приковано к фигуре Дональда Трампа?

Во-первых, таких выборов в США на нашей памяти не было. Ужасный недуг, поразивший североамериканские политические элиты 20 лет назад, имя которому – безнаказанность, покалечил не только внешнеполитический контур «града на холме», но даже с большим эффектом – заложенные еще отцами-основателями смысловые и этические доминанты самой политической системы США. *«Вникните в причины всякой распушенности, и вы увидите, что она проистекает от безнаказанности преступлений, а не от слабости наказаний»*¹. Так говорил великий француз Монтескье.

Действительно, ко второй половине 2000-х годов неоконсервативная элита США, полностью подавив любое инакомыслие в рамках системы коллективного Запада, перешла к открытой неокOLONиальной модели. Всплеск «арабской весны», «украинский разлом», подавление «нового социализма» в Латинской Америке – прямые тому доказательства. На внешнем контуре американские элиты начали действовать строго в соответствии с классическим определением фашизма, данным в 1935 году лидером Коминтерна **Георгием Димитровым** : **« Открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»**². Не будем разбирать по слогам, скажем только, что глобальные (американские) финансовые элиты построили модель **экзофашизма** , то есть фашизма на экспорт, для внешнего использования, но на него по факту опирается все остальное – вся американская политэкономическая система.

Однако если вспомнить слова Антонио Грамши, то любое *«государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых»*³. То есть власть держится не только на насилии, но и на «согласии». К середине 2010-х этот мировой консенсус начал нарушаться. Причиной тому стали конкретные результаты деятельности американцев по всему миру. Такие фигуры, как Джордж Сорос, продолжали зарабатывать, а миллионы людей умирали и скатывались в темные провалы «нового Средневековья». Ближний Восток стал ярким примером и даже испытательной площадкой для такой активности идейных **экзофашистов** .

Во-вторых, прошедшая избирательная кампания в стране, претендующей на роль глобального лидера, обладающей порядка 700 военных баз по всему миру, превратилась в откровенно глупый и до предела циничный спектакль, когда «сцена» содрогается от истошных криков, а зрители не видят вариантов эстетического катарсиса. При любом сценарии развязка оставляет открытый финал. А на рампе – вместо чеховского ружья – стоит ржавое ведро с помоями, которое по законам жанра опрокинется в зал после того, как занавес упадет. В итоге, когда рассеялся дым, президентом стал Дональд Трамп.

Тут же зазвучали голоса о «правом развороте» в американской и мировой политике, о **прагматизации** системы международных отношений. Причина тому – надежда на лучшее. Однако тем временем **постколониализм** , ярким выражением которого является распад

¹ *Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. – М.: Гослитиздат, 1955.*

² *Димитров Г. «Наступление фашизма и задачи коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» в кн.: VII конгресс Коминтерна и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975. С. 204.*

³ *Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Издательство политической литературы, 1991.*

глобализированного мира на политэкономические «орбитальные системы», окончательно перешел в стадию **постимпериализма**. В контексте данного процесса «гравитационные центры силы» – Китай, США, отдельные страны ЕС, а с недавних пор в догоняющем режиме и Россия – приступили к формированию своих обособленных Commonwealth. С тем прицелом, что взаимодействие между такими пространствами станет сутью международной экономики во второй половине XXI века.

Значит, по большому счету от результатов прошедших выборов общая **направленность американской внешней политики вряд ли значительно изменится**. От конкуренции не уйти. И что бы нам ни говорили американские политики, нет у них иного наработанного невоенного инструментария решения своих болезненных вопросов, кроме испытанных **гибридных технологий**.

Фактические доказательства тому в момент написания этой книги еще не появились. Если только не учитывать следующую **занимательную беседу** в эфире американского телеканала MSNBC.

МИКА БЖЕЗИНСКИ, ведущая MSNBC: Дональд Трамп продолжает набирать свою команду по национальной безопасности. Никто не знает об этой проблематике больше, чем...

ДЖО СКАРБОРО, ведущий MSNBC: ...чем я?

МИКА БЖЕЗИНСКИ: Нет, не ты, а бывший советник по национальной безопасности президента Картера доктор **Збигнев Бжезинский**. Не ты!

ДЖО СКАРБОРО: Ну да, он очень умен. Он хорошо в этом разбирается.

МИКА БЖЕЗИНСКИ: Вчера мы поговорили с моим отцом. Для начала мы спросили его об угрозах и возможностях, связанных с поворотом Дональда Трампа к России.

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ, бывший советник президента США по национальной безопасности: **Угрозы очевидны, они могут породить множество недоразумений с обеих сторон**, а также разочарование и обиду. Так что действовать надо очень обдуманно и осторожно. В целом же это [улучшение отношений с Россией] весьма желательно. Я думаю так. Во-первых, **Россия больше не коммунистическое государство**. Очень важно это понять. Но она еще, по сути, **не выбрала путь демократии**. Там по-прежнему неопределенность. И много обиды, в том числе на нас. Итак, это страна в стадии перехода. И, думаю, **если мы поведем себя умно, мы, может быть, поможем им совершить этот переход** и стать конструктивным, важным членом мирового сообщества. Войти в тройку лидеров: США, Китай и Россия.

МИКА БЖЕЗИНСКИ: Избранный президент, еще когда вел предвыборную кампанию, часто говорил о Китае и о Владимире Путине. Его часто критиковали за слишком теплые слова о нем [о Путине], за то, что между ними нечто вроде броманса⁴... Что бы вы посоветовали избранному президенту касательно отношений с этими лидерами?

ЗБИГНЕВ БЖЕЗИНСКИЙ: Продолжать эти отношения, предпринимать все усилия, но спокойно и терпеливо, понимая, что стоит на кону. Думаю, **наша роль в мире если и не господствующая в упрощенном понимании этого слова, тем не менее самая выдающаяся**. Америка необходима для более широкой коалиции, которая могла бы решать глобальные проблемы. И в этой более широкой коалиции, конечно же, Америка, Китай – и меняющаяся Россия! – могут играть ведущую роль⁵. (Дата выхода в эфир – 23 ноября 2016 года.)

⁴ Прекрасное определение Wiki: «Bromance (рус. броманс) – тесные несексуальные отношения между двумя или более людьми, как правило, мужчинами, форма гомосоциальной близости».

⁵ <https://russian.rt.com/inotv/2016-11-24/Bzhezinskij-Rossiyu-nado-demokratizirovat-i>.

В 80-х годах XVII века Исаак Ньютон, великий британский физик и мистик, писал в своих *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* («Математические начала натуральной философии»): «*Всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние*»⁶. Он был весьма конкретен, описывая инерцию физических тел. Тела же политические ведут себя весьма похожим образом. Об этом много позже развернуто говорил выдающийся отечественный социолог А. А. Зиновьев, называя законом социальной регенерации. Если социальная система разрушена, но **«сохранился тот же человеческий материал и геополитические условия его существования, то новая система создается во многих отношениях близкой к разрушенной»**⁷. Касается такой принцип, на наш взгляд, и систем международных отношений, которые, по сути, состоят из взаимозависимых и соприкасающихся социальных и политических систем отдельных государств или в новых условиях даже «экономических субрегионов».

Устранив в конце XX века с мировой арены своего главного геополитического конкурента – СССР, американская элита периода холодной войны двигалась далее во вполне ньютоновских координатах. Двигалась по инерции, то есть продолжая борьбу с «красной угрозой» даже после ее «устранения». Заточенная на противостояние политическая механика западного мира не могла действовать иначе. Те же люди и те же геополитические условия. Именно об этом сказал «Большой Збиг» в интервью NBC. Все это наложилось на совершенно нормальную в рамках мировой хозяйственной системы конкуренцию за рынки и ресурсы. Остановки или перерыва в этом движении не будет. А значит, не пропадут и наработки гарвардской политологической школы, а такие люди, как профессор **Джозеф Най**, продолжат генерировать смыслы, лежащие в основе **механизмов** американских действий в политике (и здесь мы намеренно уходим от определения – внешней или внутренней). То есть концепции «мягкой силы», «умной силы», «управляемого хаоса», «гибридных войн» и «цветных революций» никуда из нашей реальности не уйдут. Возможно, они **поменяют названия** в угоду сиюминутной политической конъюнктуре (*«не господствующая, тем не менее самая выдающаяся»*), но суть и цели от этого не изменятся.

Еще в 2003 году упомянутый выше профессор Най предложил некий интегральный термин *smart power* – «**умная сила**», подразумевающий в его версии почти дословно следующее: концепция, призванная противостоять неверным представлениям о том, что «мягкая сила» может быть единственным инструментом эффективной внешней политики. Сила при этом понимается как возможность влиять на поведение других игроков, чтобы это способствовало получению необходимого вам результата. А это, по мнению профессора Ная, достигается тремя основными средствами: **принуждением, подкупом и обаянием**. Таким образом, «жесткая сила» использует принуждение и подкуп, а «мягкая сила» – обаяние. В статье журнала *Foreign Affairs* в 2009 году он делает вывод, что только **сочетание «мягкой» и «жесткой» силы – то есть «умная сила»** – способно генерировать необходимые внешнеполитические результаты. Как отметил в этой связи один американский аналитик: «*Най никогда не забывал, что “умная сила” – это такой способ достижения того, чего хочет Америка, при котором БПЛА*⁸ *и спецподразделения всегда видны где-то во втором ряду*».

Оппоненты Ная вполне обоснованно говорят, что его «умная сила» появилась на свет в качестве ответа на критику неэффективности механизмов «мягкой силы» в новом (после 11

⁶ *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989.

⁷ <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-novom-tchelveke.pdf>.

⁸ Беспилотный летательный аппарат.

сентября 2001 года) историческом контексте. В каком-то смысле это похоже на правду, потому что, как показала практика, концепция *smart power* означает лишь применение в качестве силового инструмента всего, чем можно «ударить по голове»⁹.

Надо сказать, что именно в таком контексте концепция *full power* («в полную силу») активно поднималась на щит администрации Барака Обамы и лично Хиллари Клинтон. О чем она, в частности, многократно публично говорила сама. Наиболее яркие примеры нам дает, как мы уже говорили, Ближний Восток. Но, думается, развитие кризиса на Украине – лучшее доказательство того, что, несмотря на разницу в бюджетах с Пентагоном более чем в 12 раз, Госдеп фактически из механизма дипломатии давно стал еще одним орудием гибридной войны.

Впрочем, острые на язык республиканские политологи уже вдоволь поиздевались над словосочетанием «умная сила», красочно описывая просчеты той же Клинтон. Так, например, известна фраза бывшего представителя США при ООН Джона Болтона о том, что представления Хиллари о нацбезопасности всегда были не глубже, чем яркие «наклейки на бампер» – вроде «умной силы». И в целом американская пресса полна статьями, обыгрывающими в негативном свете это словосочетание с привязкой к политике Обамы. И «глупая сила» – это еще не самый саркастический вариант трактовки.

В общем, соглашаясь с главным тезисом профессора Ная о **разумности использования всего ассортимента сил и средств в ходе решения внешнеполитических задач**, наверное, все же нужно поздравить его с успешной попыткой теоретически переформулировать, видимо, недостаточно известный в экспертной среде принцип **кнута и пряника**. Оговоримся только, что если он внимательно изучал историю внешней политики, то знает, что этот принцип применялся и работал еще на Древнем Востоке, о чем мы достоверно знаем из документов амарнского и богазкёйского архивов (древнеегипетские и хеттские документы XIV века до нашей эры). Уже не говоря о тысячелетнем опыте Византии, тесно связанном с нашей родной историей.

То есть американские СМИ частично правы: здесь у профессора Ная получилась такая «умная сила» для тупых, представляющая из себя «старые песни на новый лад» – деньги, шантаж и силовое принуждение. Эта хорошо известная классическая триада всегда работала. Поэтому, наверное, стоит в ближайшем будущем ожидать от американских политологов очередного **ребрендинга** в стиле «правого разворота», однако повторимся: суть происходящих процессов от этого не изменится.

Очевидно, что «прагматичная» задача «мягкой силы» – это формирование внутри конкретной страны (объекта воздействия) благоприятной позиции ее лидеров, элит, граждан по отношению к политико-экономическим действиям другого государства (субъекта воздействия). В этом аспекте «мягкая сила» совпадает с целями так называемой **стратегии непрямых действий**, теоретическим разработчиком которой являлся британский военный историк **Б. Лиддел Гарт** ¹⁰.

Постулируя, что средства стратегии непрямых действий использовались в вооруженных конфликтах практически с момента формирования устойчивых государственных образований, британский исследователь подчеркивал, что XX век стал переломным для ее методологии и инструментария в силу существенного роста возможностей опосредованного воздействия на лидеров, элиты и граждан стран – участников вооруженного противостояния.

Ключевое значение в таком аспекте приобрели имеющиеся каналы массовых коммуникаций – телевидение, радиовещание, книгоиздательство, журналистская работа, Интернет. Степень вовлеченности человека в электронную коммуникацию фиксируется уже

⁹ Как говорят в Америке – To kick smb.'s ass.

¹⁰ Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. – М., 2014.

не по наличию стационарного телефона или персонального компьютера, а по использованию **смартфона**, на котором «по умолчанию» установлено необходимое программное обеспечение для коммуникации в Глобальной сети.

В результате социальность получает надстройку в виде **виртуальности**, однако эта виртуальность становится лишь «интерфейсом», набором определенных простейших инструментов, благодаря которым может конструироваться определенный взгляд на социальную действительность. Вроде предустановленного Google как поисковой машины или приложения Facebook для мобильных устройств. Достаточно сравнить результаты поисковых запросов, к примеру в «Яндексе» или любой другой системе, чтобы почувствовать разницу. Набор источников, ссылок и тому подобного окажется разным – соответственно, и восприятие информации будет разным. Особенно если не будет потребности найти альтернативу.

При этом если поисковые машины в теории не несут ярко выраженного персонального начала (то есть единообразны для всех пользователей), то френд-ленты в социальных сетях становятся элементами тонкой настройки внешнего информационного фона. Человек оказывается заложником иллюзии, что чтение новостей в каком-нибудь «Твиттере» или «ВКонтакте» освобождает его от воздействия пропаганды, ведь он не смотрит телевизор, а черпает новости из Глобальной сети.

Что характерно, телевизор не может вступить в дискуссию. А вот в соцсетях, напротив, может возникнуть эмоциональное обсуждение (хотя вопрос о степени его эмоциональности остается открытым, так как верификация участников спора чаще всего происходит по степени активности собственно в сетевом сегменте, а значит, не исключен вариант «монолога в диалоге с телевизором»). Таким образом, наличие смартфона оказывается своеобразным пропуском в мир глобальных коммуникаций. Его отсутствие, напротив, выключает человека из коммуникационной среды, вернее, из определенного сегмента этой коммуникации. По всей видимости, остановить этот процесс невозможно. И пространство электронной коммуникации будет лишь увеличиваться – по аналогии с развитием письменности, технологии печатной книги, радио и т. д. Поэтому и «мягкосиловые» инструменты будут совершенствоваться, постепенно уходя от шаблонных решений.

Речь, конечно, не только о США. Очевидно, что **значение обновленной «мягкой/умной силы» в общем балансе власти всех государств должно со временем неминуемо возрасти**. Напомним, что речь председателя КНР Си Цзиньпина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была соткана из различных проявлений инструментов «мягкой силы». Причин здесь несколько. В частности, существуют тенденции к сокращению возможностей применения государствами военной силы для разрешения собственных проблем (из-за взаимного переплетения экономик, больших издержек, связанных с применением современного оружия, а также снижения значения «военной доблести» в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ). К тому же в нынешнюю информационную эпоху фактор привлекательности той или другой страны имеет гораздо большее значение, чем раньше. Здесь ключевым моментом становится **противостояние идей**, концепций, мировоззрений и пропагандистских механизмов, которыми, будем реалистами, активно пользуются все международные игроки.

С чем же внутри тех или иных обществ резонируют, вступают во взаимодействие эти высокие политические технологии? Прежде всего с **мировоззренческими максимумами**. Поэтому в рамках дискуссии о будущем России, как представляется, важной доминантой является размышление о смысловой, идейной составляющей этого будущего. Потому что жизнь или исторический процесс в целом идет по вполне опознаваемому эволюционному пути. Как любят говорить философы, через человека материя осознает саму себя, то есть движение осуществляется от неразумного через менее разумное к более разумному. Или, в терминологии великого Гегеля, от субъективного духа через объективный дух к абсолютному духу. Или, если мы говорим об обществе, от нравственного хаоса к некоему своду общечеловеческих ценностей. Сразу оговоримся, это движение нелинейно и

часто общечеловеческая цивилизация блуждает в темных тупиках, а потом возвращается на проторенную дорогу.

Размышляя о таких тупиках и современной западной цивилизации, социологи активно используют понятие **пост** : постмодерн, посткультура, постобщество и даже постчеловек. **ПОСТфактическое** . Подразумевается под этим начавшийся в середине XX века процесс отмирания традиционного и духовного в западной культуре (и самой культуры – в гуманистическом значении слова, в значении «титанов Нового времени»).

Основная черта этого процесса – смена логики мышления и стандартизация всех элементов жизни при общей **фетишизации и одновременной подмене смысла понятия «свобода»** . При этом классические эстетика, нравственность, антропный принцип искусства признаются ушедшими в историю. Проще говоря, если в традиционных обществах основой была иерархия, в обществах модерна – человек-творец, то в постмодерне – ничто, пустота, хаос, бруновское движение.

В некотором смысле такое размывание устоявшихся представлений и подмена общепринятых понятий напоминают противостояние софистов и философов Древней Греции. Отрицание норм морали и нравственности, их условный характер, примат личных интересов над общественными, абсолютизация принципа индивидуальной свободы, релятивизм, противостояние «объективных» законов природы «субъективным» законам конкретного общества – все это, по мнению некоторых исследователей античной философии, способствовало в свое время крушению античной культуры. Хотя, по всей видимости, сами софисты рассматривали свое учение не столь категорично и были уверены в правоте собственных взглядов. От знаменитого высказывания Протагора: «Человек есть мера всех вещей» переход к тезису об «освобождении человека» достаточно очевиден. Понятия добра и зла, правды и лжи, красоты и безобразия становятся объектами культуры и носят искусственный, субъективный характер. Они оказываются подвержены как грубым манипуляциям в духе «окна Овертона», так и более тонким инструментам воздействия, меняющим восприятие привычной социальности.

Глобальные электронные коммуникации в таком контексте оказываются наиболее эффективной технологией по инициированию подобных процессов, переформатируя традиционное сознание, что называется, в повседневном режиме и с учетом личных предпочтений объектов воздействия. Достаточно лишь предоставить свободу выбора из набора уже готовых клише.

В современном обществе мы сегодня наблюдаем схожие тенденции.

В **творчестве** это выражается в профанации и мутации смыслов, в крайних формах шока и провокации, скажем, с прибавлением отдельных органов к брусчатке Красной площади¹¹.

В **политике** – в крайних формах либерализма, экзотизма и двойных/тройных стандартах, разрушении основанной на классических ценностях системы ООН, различных элементах так называемого управляемого хаоса, демократии меньшинств.

В **экономике** – в новых горизонтах цинизма, отказе от социальных завоеваний трудящихся классов, транснациональном неокOLONIALИЗМЕ (ПОСТимпериализме).

В **социальном** – а вот тут есть хорошее слово для выражения тенденций – «теплохладность», то есть духовное равнодушие, расслабленность, пассивность, стояние между добром и злом, размытость ориентиров вплоть до антинаучной множественности пола.

В **совокупности** мы имеем актуальную матрицу евроатлантической идентичности.

Стоит добавить, что процессы кристаллизации европейской идентичности, ее переосмысления в изменившихся условиях общественно-политического и экономического развития отмечались **Освальдом Шпенглером** в фундаментальной работе «Закат Европы».

¹¹ О данной акции см.: <https://lenta.ru/news/2013/11/10/redsquare/>.

Поглощение деревни городом, доминирование техники и ее абсолютизация, кризис религиозного сознания, стремление к мировому господству – эти черты фиксировались немецким исследователем еще в 1918 году (за 21 год до начала новой мировой войны).

Выскажем дискуссионный тезис, что «ПОСТ» – это итог оценки европейским мышлением событий «двойной мировой войны». Это процесс, начавшийся в 1914 году и характеризовавшийся отрицанием прежнего культурного опыта с его верой в гуманность мышления, особенно на фоне гигантских людских потерь на фронтах, изменением представлений о роли государства в общественном развитии, технического прогресса, менявшего привычную ткань повседневной жизни. Все завершилось крахом старой Европы и ее падением в самоотрицание через «ПОСТ».

При том понимании, что «ПОСТ» – результат органического развития культуры мышления на Западе. Безоценочно. Просто так случилось. Эволюционно. С Западом, где постмодерн становится логичной последней стадией развития общества, последовательно отказавшегося от своих традиционных оснований в течение XVI–XX веков на пути к метафизической свободе индивидуального духа. Парадоксальным образом обретенная таким способом «свобода» оказалась в жестком ошейнике внешнего контроля за частной жизнью граждан – через сбор, в случае появления такой необходимости, всей доступной информации о конкретном индивидууме вплоть до признания в нем угрозы, если он не имеет своего аккаунта в социальной сети («значит, есть что скрывать»).

Действительно, если все делится со всеми своей повседневной жизнью – начиная от фотографии утреннего завтрака и заканчивая... На самом деле тут сложно что-то определить, потому что установленные границы весьма и весьма обширны. То возникает та самая «свобода» во всем и от всего – настоящий «ПОСТ», где критерием приличия выступает собственная мера ответственности.

А вот с Россией, Азией, Латинской Америкой, Африкой этого не произошло. Там история шла иначе. Модерн, а затем глобализированная массовая культура, конечно, и здесь оказали влияние, но не изменили глубоких основ мировоззрения этой огромной части мира. Говоря социологическим языком, большая часть мира живет в парадигме премодерна.

И дело тут не в уровне развития, как хотелось бы считать многим. Скорее речь о разности культурных кодов. Как тут не вспомнить **Сэмюэла Хантингтона** с его «Столкновением цивилизаций»:

«Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями»¹².

Но схема может быть и проще. На самом деле непримиримые противоречия налицо только между западной и всеми основными цивилизациями. Потому что Запад – в широком смысле этого слова – несмотря на декларируемый отказ от европоцентризма, по-прежнему воспринимает свою модель развития – политического, экономического, социального, культурного – в качества **эталона для всех остальных обществ**. И эталона не просто в смысле объекта для подражания, а в качестве формы для отливки своего подобия в другом культурном окружении.

Что характерно, если раньше шли дискуссии о превосходстве одной культуры над другой, то сейчас порой все сводится к прагматичным рассуждениям о том, что демократические режимы в целом являются более предсказуемыми, чем авторитарные или другие, следовательно, миссия одного гегемона заключается как раз в том, чтобы **помочь**

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

демократическим институтам распространиться по всему миру . Это будет способствовать снижению конфликтного потенциала в целом, а значит, в конечном итоге снизит риски для самого гегемона в части утраты им своей уникальной роли в сложившейся системе международных отношений.

Вообще-то коллективные Юг и Восток давно, если не сказать никогда, не видели ничего интеллектуально хорошего от Запада. Движение всегда шло в обратную сторону. Духовная база капитализма – веберовская протестантская этика – к подавляющему большинству людей на планете отношения не имеет в принципе. Даже попытка прививки западной, в основе своей коммунистической, идеи на традиционную среду, как ни печально, оказалась малоэффективной.

А сегодня мир и, конечно, **Россия** стоят **перед новым серьезным вызовом** . Культурные различия, разности логик, противостояние постмодерна и традиционного восприятия мира, частной формой которого является исламский фундаментализм, – все это не дает колесам мирового развития крутиться в одном направлении и с близкими скоростями. Что опять же не трагедия, а констатация.

Очевидно, для гармонизации мировых процессов определенно потребуются усилия и лидеры. И видимо, не с Запада. Кто ими будет – Россия, Китай, Япония, Индия, а может быть, «Исламское государство» (организация, запрещенная в Российской Федерации)?

Наша страна прошла самобытным путем развития, в том числе социокультурного. Как всегда, с надеждой на здоровый симбиоз трех моделей – все три парадигмы в России присутствуют. Поэтому агрессивный «ПОСТ» в нашем обществе возможен, но не находит массового отклика. Как романы В. Сорокина. Но при этом и традиционализм с боевым разворотом в прошлое скорее комичен.

Так что Россия по-прежнему раздваивается, и избежать этого позорного глагола нет никаких сил. Вот и выходит, что именно у нас самые лучшие стартовые позиции для синтеза «традиционного» и, простите, «нетрадиционного» в **новую модель интеллектуального будущего** . Так как **отгородиться** от мировых тенденций во взаимозависимом сетевом мире **не получится** . А вот осмысленно создать не ПОСТ-, а СИНТЕЗ-культуру кажется вполне возможным. Подчеркнем, эта СИНТЕЗ-культура, как представляется, в основе своей должна иметь традиционные элементы духовности, уравновешенные лучшими практиками западного модерна – наукой, технологией, правом.

На какой же основе должен строиться этот синтез? Для большинства традиционных обществ такой общей универсальной идеей является понятие **ПРАВДЫ** как неразделимое сочетание факта и морального закона. Последовательное исповедание этого принципа, например, в международных делах приведет к нам многих союзников. Позволит нейтрализовать идейную агрессию западного ПОСТ-культурного яда. А следование этому принципу внутри страны позволит **осуществлять гигантские скачки в развитии** . Потому что правда и свобода мышления являются непререкаемым законом любого движения вперед. Свобода, а не хаос. Потому что в хаосе, даже если этот хаос постмодернистский, никаких направлений нет. Однако вся эта логика сработает только в том случае, если России как государство, как общество, как цивилизация будет **независима в принятии решений о собственном будущем** . А для начала уйдет от своего **нынешнего гибридного статуса** , характеризующегося вполне **независимой внешней политикой и компрадорским социально-экономическим базисом** .

Далеко не всем в мире кажется, что эта наша мысль должна реализоваться. Мы можем их понять – в конце концов, они преследуют собственные цели, решают свои задачи. Более того, в истории человеческой цивилизации не было еще времени, когда жесткая конкуренция между обществами за территории, ресурсы, идеи и технологии была бы забыта. Не было и не будет – отдадим себе в этом отчет. Поэтому противостоять нашим усилиям, например, по восстановлению российского влияния в мире западные политтехнологи будут в том числе с использованием постмодернистской концепции **управляемого хаоса** .

О ее «мягкосиловых» механизмах, применяемых в современном мире, их

геополитических смыслах, угрозе реализации таких сценариев для России и ее многонационального народа рассказано ниже. И прежде всего мы опишем технологии госпереворота, **«цветные революции»** (или, как сокращенно их называют эксперты, «цветник»).

Технологии «цветных революций» (иначе – «мягкосилового» демонтажа политических режимов суверенных государств) – это сегодня **прикладной политический инструмент** в арсенале средств коллективного Запада, в первую очередь США, обеспечивающий решение текущих задач без комплексного применения вооруженной силы и классических методов открытого военного противостояния.

«Цветные революции» позволяют инициатору (внешней управляющей силе) избежать негативных издержек от горячей фазы боевых действий и без фактического объявления войны, следуя лучшим традициям англосаксонской геополитики – **оставаться над схваткой**, но при этом контролируя и направляя события в нужное русло.

Финальными бенефициарами этих процессов становятся западные корпорации, многие из которых имеют американский «порт приписки», но в реальности представляют **наднациональный капитал**, интересы которого в предельной своей стадии не имеют ничего общего с интересами и потребностями тех или иных государств и народов.

Гипотетически именно влияние этой неоформленной силы на политические элиты США может вести к той политике «пули со смещенным центром», которую мы наблюдаем на мировой арене в последние десятилетия.

Нельзя при этом списывать со счетов и объективный фактор общего падения уровня «советологии/русистики» в американской экспертной среде, а такая тенденция все чаще отмечается самими представителями этой среды. В свою очередь это приводит к возникновению авантюристских или откровенно бредовых концепций выстраивания политики США в отношении России. Даже в новых условиях, когда к власти за океаном приходят прагматики, **«оранжевый сценарий» для нашей страны** с большой долей вероятности вновь может появиться на столе Овального кабинета Белого дома. Не об этом ли думал «Большой Збиг»?

Тогда как, исходя из анализа имеющихся данных, такой сценарий может выглядеть?

Дестабилизация ситуации в стране-мишени осуществляется с опорой на объективно существующие в ней **социально-экономические и политические проблемы**. Главным образом деструктивные политические технологии применяются во время электорального цикла, когда политическая система страны наиболее уязвима. Основная роль при этом отводится подготовке и использованию так называемых подрывных сил. В первую очередь **политической агентуры**, которая должна расшатывать внутривнутриполитическую ситуацию, способствовать консолидации оппозиционных групп для того, чтобы в нужный момент возглавить протестное движение и добиться смены существующего политического режима. После этого внешняя управляющая сила получает в свои руки необходимые властные рычаги, добивается геополитической и геоэкономической переориентации государства-мишени. То есть осуществляет фактическую **виртуальную оккупацию**.

Как любая другая технология, «цветник» не стоит на месте. Постоянно совершенствуется и извлекается опыт из прошлых ошибок и неудач. Так, например, в виду отсутствия у российской «несистемной оппозиции» успехов в организации майдана в столице России нашими оппонентами были предприняты действия по усилению протестной активности в **ряде крупных регионов страны**. Этот процесс необходимо рассматривать как подготовительный этап в рамках запланированной кампании по дальнейшему расшатыванию общественно-политической ситуации перед очередным электоральным циклом и президентскими выборами соответственно.

Кроме того, можно констатировать, что активизация протестного потенциала **в узловых точках страны** будет разными средствами поддержана упомянутыми внешними силами, традиционно координирующими и направляющими острие «цветных революций» по всему миру.

Таким образом, главная опасность, содержащаяся, судя по всему, в планах, уготованных России западными политтехнологами, может быть предварительно определена. Ее суть в том, что организация протеста из центра уступает место стратегии поступательных действий **по расшатыванию политической ситуации в субъектах Федерации**. Как мы увидим, силы и средства туда уже вложены. Это серьезный вызов, и работа с ним может оказаться многократно сложнее контроля за деятельностью «несистемщиков» в пределах Садового кольца.

В конечном итоге проектировщики «оранжевых» процессов в текущих условиях могут попытаться «творчески переработать» опыт протестных выступлений в России в 2011–2012 годах, а также киевского Евромайдана 2014 года. Поскольку отработанные шаблоны непрямых действий по отношению к современной российской действительности оказались во многом несостоятельными. А значит, их тиражирование, с учетом беспрецедентного внешнего давления на нашу страну, может быть признано нецелесообразным.

Понимая, что объять необъятное невероятно сложно, в этой книге мы сфокусировали взгляд на **Уральском регионе**. Такой выбор неслучаен. Многие эксперты полагают, что деструктивные технологии в рамках ведущейся против России гибридной войны «хаоса-порядка» будут направлены в первую очередь на **промышленные региональные центры** Урала и Сибири – Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск. При этом старая мечта западных политтехнологов **«разорвать Россию по Уралу»** также никуда не делась из дискуссионного поля.

Чего же в этой связи ждать? Почему Урал так важен для нас и для них? Как деструктивные силы пытаются дестабилизировать регион? На эти вопросы мы постараемся ответить на конкретных примерах.

26 марта: призрак в консервной банке

*History is much more the product of chaos than of conspiracy*¹³.
Zbigniew Brzezinski

26 марта 2017 года в целом ряде городов, преимущественно в крупных административных центрах субъектов РФ, состоялись протестные акции, объединенные **оппозиционной тематикой** и ориентированные на персональную критику в адрес председателя Правительства РФ Д. А. Медведева.

Инициатором протеста выступил все тот же «политик», руководитель Фонда борьбы с коррупцией и лидер незарегистрированной «Партии прогресса» А. Навальный. Организаторами на местах стали так называемые руководители региональных предвыборных штабов Навального.

Обращает на себя внимание то, что основная часть «митингов против коррупции», которые были проведены в городах-миллионниках представителями «команды Навального», оказались **несанкционированными**.

В общей сложности география протестной активности охватила 24 городских центра, в том числе Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Владивосток, Краснодар.

Несанкционированный характер протестных действий предопределил конфликтные ситуации между участниками данных акций и представителями правоохранительных органов. Так, например, в Москве, по информации СМИ, было задержано до тысячи участников митинга. В других населенных пунктах счет задержанных исчислялся десятками. При этом в целом действия органов охраны правопорядка были достаточно корректными: спецсредства для принуждения демонстрантов к соблюдению порядка не применялись, уличных столкновений допущено не было. Впрочем, и участники несанкционированных акций не строили баррикад, не разбивали палаток и не бросались камнями. Использовалась **другая тактика**. Весьма красноречиво общую

¹³ «История гораздо в большей степени продукт хаоса, чем заговора». (Збигнев Бжезинский).

атмосферу несанкционированного митинга в Москве отражает следующая журналистская зарисовка.

«Героями дня стали два подростка, которые еще в самом начале акции залезли на фонарь рядом с памятником Пушкину. Полицейские не обращали на них внимания, пока один из юношей не облил пробежавших мимо стражей порядка водой из бутылки. Омоновцы остановились, отпустили схваченную девушку и окружили фонарь.

– Упс, запалились, – с нервным смехом приветствовал их подросток. – У нас денег нет, но мы тут держимся!

Толпа зашлась в хохоте.

– Слезайте давайте, иначе вы будете задержаны, – потребовал один из омоновцев.

– Ну мы так и так будем задержаны, – вполне логично указал юноша. – Лучше здесь посидим. Весело улыбаясь, подростки начали делать селфи на фоне стоящих внизу омоновцев.

– Молодые люди, немедленно выполняйте законное требование сотрудников полиции! – не выдержав, закричал один из стражей порядка прямо через закрытое забрало шлема. Подростки пару секунд посовещались, а затем выдвинули встречное предложение:

– А давайте мы слезем, но вы нас не задержите?

– Мы не торгуемся, ребята, – веско произнес омоновец. – Мы предупреждаем.

– Мы тут тоже не торгуемся, – крикнул кто-то из толпы, и все начали скандировать: «Не слезай!» Один из полицейских вскарабкался на фонарь и полминуты что-то объяснял парням, потом спрыгнул на землю. Активисты восприняли это как поражение полиции и снова стали кричать «Позор!», после чего шеренга полицейских начала выдавливать их в подземный переход^[14].

В этом диалоге достаточно наглядно отразилась позиция отдельных участников акции – двум подросткам важны были не столько требования «борьбы с коррупцией», сколько «движ», работа на широкую публику, эпатаж.

Молодежный характер акции отметило большинство наблюдателей и экспертов, а фотографии старшеклассников и студентов различных учебных заведений стали визитной карточкой мартовских митингов. Отметим, что часть материалов такого рода была заимствована оппозиционерами с просторов Интернета, поэтому на фото появлялись то латиноамериканские полицейские, то странные участники «шестивия».

С точки зрения мотивации участия в несанкционированных акциях представителей соответствующих возрастных групп явно преобладали не политические требования, а естественное подростковое желание выделиться среди сверстников, показать свою «бунтарность». Сыграл роль и основной инструмент социальной мобилизации – интернет-ресурсы и социальные сети. Мы уже говорили выше о феномене привнесения в политику **молодежной моды на протестность**. Очень ярко он был использован в ходе событий «арабской весны» и Евромайдана.

И разумеется, флешмоб как модель социального действия 26 марта проявил себя в полной мере – участники разного рода монстраций, проводившихся годами в отдельных областных центрах, явно чувствовали себя в знакомой атмосфере. Чему способствовали многочисленные плакаты с провокационным содержанием, желтые детские «утки» в самых разных формах и видах, кричалки и т. д.

Среди лозунгов часто фигурировали следующие призывы: «Коррупция ворует будущее», «Не забудем, не простим», «Жалкий трусливый вор», «Медведев, отчитайся!», «Это наша страна», «Не врать», «Не кради», «Россия – это мы». В ряде городов протестанты запустили кричалку «Кто не скачет, тот Медвед». Использование «майданной» практики в данном случае несколько не смущало **координаторов протестных акций**, что, конечно, можно и нужно рассматривать как симптом.

Но вообще, конечно, символом несанкционированных митингов стали не лозунги против коррупции, а именно желтые утки.

Эта технология – **визуальный символизм** – практически полностью повторяет белую ленту (и ей подобные символы), которую использовали представители несистемной оппозиции в 2011–2012 годах. Тем не менее зачем через пять лет от прежнего символа «болотных процессов» отказались в пользу именно желтой утки. Почему?

«Образ уточки привлекателен своей миловидностью, невинностью, юмором. В эпоху информатизации общества, “мемизации” сознания, особенно в молодежном контингенте, смешная и славная желтая уточка выполняет особую роль.

“Крякание” на улицах, прогулки с игрушками создают видимость забавы и даже аполитичности, миролюбивости толпы, что на первом этапе помогает собрать больше сторонников. Дело в том, что на заведомо прямой конфликт с правоохранителями идти готовы далеко не все. Участвовать в мирном, с элементом забавы, мероприятии согласно намного больше людей»^[15].

То есть детская игрушка становится своеобразным допуском на несанкционированную акцию протеста, превращая политическое действие в некий **карнавал**. И эффект тем сильнее, чем серьезнее правоохранительные органы относятся к исполнению своих прямых обязанностей непосредственно в ходе митинга.

Добавим, так сказать, в скобках, что мем «желтая утка» был запущен блогерами в 2016 году в Китае в очередную годовщину разгона демонстраций в Пекине 4 июня 1989 года. А символ желтой утки на улицах был апробирован в 2015 году в Белграде в ходе протеста против новой застройки^[16]. И конечно, нельзя не упомянуть появление классической эмблемы «цветных» процессов – **сжатого кулака** – на плакатах в ходе несанкционированного митинга в Москве (так же, как и немногим ранее в ходе выступлений «нетунейдцев» в Белоруссии).

Наиболее многочисленные по количеству участников акции предсказуемо состоялись в Москве и Санкт-Петербурге. Всего, по мнению К. Ярмыш, пресс-секретаря А. Навального, «митинги против коррупции» мобилизовали по всей стране до 150 тысяч человек, но это, очевидно, завышенная и тенденциозная оценка. Реальное же количество участников этих акций в масштабах РФ вряд ли превысило цифру в 30 тысяч человек^[17]. Среди них наверняка присутствовали и лица, не разделяющие политических взглядов А. Навального. Так, например, в северной столице России в митинге против коррупции участвовали и противники передачи Исаакиевского собора структурам РПЦ, воспользовавшиеся мероприятием для выражения своей личной позиции.

Тем не менее протест действительно получился достаточно широким с точки зрения территориальных проявлений, хотя в таком разрезе во многом повторил локализацию выступлений «рассерженных горожан» в 2011–2012 годах.

При этом характерной чертой протестной волны марта 2017 года стала ее **внешняя аполитичность** с точки зрения спикеров: митинги против коррупции оказались бессубъектными. Несмотря на разнообразие и многочисленность лозунгов, с которыми вышли митингующие, их политическая «артикуляция» в виде программных заявлений лидеров соответствующих социальных групп не произошла.

Важной особенностью мартовских выступлений против коррупции стало подключение к ним локальной протестной повестки. В частности, Е. Минченко в своем докладе «Brexit-эффект в российской политической системе?», посвященном анализу протестных акций 26 марта в РФ, выделил несколько «кластеров» локального протеста, заявившего о себе в рамках воскресных выступлений, тем самым добавив им массовости:

«1. Непопулярность местных властей: Самара, Челябинск, Новосибирск, Санкт-Петербург, Омск, Тольятти.

2. Тарифы ЖКХ: Тольятти, Новосибирск, Пермь, Самара.

3. Экологические проблемы: Красноярск, Пермь, Иркутск.

4. Нерешенные проблемы дольщиков, вкладчиков: Казань, Кострома»^[18].

Таким образом, митинги 26 марта имели более сложную внутреннюю структуру, нежели массовые выступления против коррупции. В то же время в медиа основной акцент был сделан как раз на консолидацию протестующих по признаку борьбы с коррупцией – и это, по всей видимости, являлось целью «команды Навального».

Более того, мероприятия, организованные «предвыборными штабами», остались без поддержки оппозиционных политических сил – в большинстве случаев на митингах, состоявшихся 26 марта, присутствовала визуальная атрибутика лишь партии «ПАРНАС» (М. Касьянов) и движения «Артподготовка» (В. Мальцев), то есть настоящих «маргиналов» политического поля современной России. Что также было вполне предсказуемо в рамках общей логики дрейфа «либеральной оппозиции» в сторону латентной фашистской

идеологии. Отметим, что ставку именно на альянс подобных политических флангов, как представляется, делают внешние кураторы возможной попытки претворения в жизнь в России «цветного сценария».

Результаты парламентских выборов в сентябре 2016 года показали, что ни оппозиционеры-одномандатники, ни оппозиционеры-списочники не получили серьезной поддержки со стороны подавляющего количества избирателей, принявших участие в голосовании. Отсюда и стремление «маргиналов от политики» заявить о себе через визуальную атрибутику на акциях, подготовленных другими структурами, **застолбить за собой имидж «революционных сил».**

Особенностями несанкционированной акции 26 марта в **Екатеринбурге** стали не только ее массовый характер (по разным оценкам, от 3 до 5 тысяч участников), но и символическое шествие к Ельцин-центру, расположенному в столице Среднего Урала.

Вот как об этом сообщает издание «Вечерние ведомости».

«Спустя полчаса (после начала акции. – *Примеч. автора*) часть наиболее активных участников в количестве около 20 человек неожиданно для большинства начала спускаться по ступенькам к набережной Исети, к подземному переходу, откуда двинулась к “Ельцин Центру”. За ними потянулись все остальные, включая автобусы и уазики с бойцами ППС, которые следили со стороны, не вмешиваясь в происходящее, – в общем, дали порезвиться».

Толпа у “Ельцин Центра” была настроена уже более агрессивно, и это было заметно не только по эмоциональному напряжению внутри митингующих, но и по готовности полицейских, наконец, разобраться с беззаконием – митинг, напомним, был несанкционированным. К “Ельцин Центру” подъехали автобус и два уазика с бойцами ППС в касках.

Митингующие, среди которых, к слову, больше половины были простые зеваки, ждали цепной реакции – приготовив гаджеты к съемке (многие вели прямой эфир), готовились к задержаниям – и дождались. Бойцы ППС, выдвинувшись в середину толпы к памятнику Ельцина, задержали молодого человека с плакатом “Жулик, не воруй”»^[19].

Этот фрагмент примечателен несколькими деталями.

Во-первых, мы видим высокую организованность участников акции – без мегафонов и иных средств массового оповещения значительная часть молодежи в короткий срок перемещается на другую площадку. Вполне возможно, что среди участников митинга были координаторы, то есть те, кто непосредственно управлял движением протестующих.

Во-вторых, обращает на себя внимание стремление участников мероприятия заявить о себе – отсюда многочисленные прямые эфиры с использованием различных гаджетов и коммуникационных программ. То есть налицо победа социальных медиа над традиционными каналами распространения информации, которые используют профессиональные журналисты.

В-третьих, как отмечает автор материала в «Вечерних ведомостях», эмоциональный настрой протестующих изменился, несмотря на отсутствие спикеров, звукоусиливающей аппаратуры и иных традиционных инструментов массовых публичных мероприятий.

Таким образом, перед нами фактически готовая модель самоорганизации значительной массы протестующих, чаще всего не знакомых друг с другом, объединенных по возрастному признаку и «завязанных» на восприятие информационных потоков, генерируемых в определенном сегменте социальных сетей.

Традиционные каналы мобилизации – по принадлежности к конкретному предприятию/организации, через распространение печатных листовок, флаеров, телевидение, радио, посредством пикетов, сбора подписей и т. д. – в рамках акции 26 марта оказались практически **невостребованными.**

В то же время привлечение к несанкционированным акциям молодежи, в большинстве своем не участвовавшей в силу возраста в событиях 2011–2012 годов, продемонстрировало не силу, а слабость оппозиционных структур. По сути, А. Навального отказался поддерживать условный «рассерженный горожанин», который принял деятельное участие в «болотных процессах».

Вместо среднего класса, к которому ранее апеллировал Навальный, в акциях приняли участие граждане, многие из которых еще даже не являются избирателями. То есть весь пафос «антикоррупционных» расследований Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) оказался востребован лишь в сегменте молодежи, увлеченной не столько содержанием, сколько красочной упаковкой.

Безусловно, успехом Навального является «уличная мобилизация» этого сегмента молодежи, но в таком случае популярность «борца с коррупцией» оказывается сопоставимой с известностью отдельных «звезд» молодежного Интернета. И формулирует вопрос о способности «команды Навального» вести продуктивный диалог с широкими массами граждан, обладающих избирательным правом и ведущих активную социально-экономическую жизнь.

В заключение скажем, что прошедшие протестные мероприятия были внешне слабо организованы, напоминали спонтанные коллективные действия, развивались стихийно, без таких элементов, как выступления ораторов, подписание обращений и петиций, сбор подписей и т. д. Однако за всем этим «хаосом» читается истинная цель – **отработка методов и приемов** сбора разнородных протестных выступлений и **управления потоками**, тестирование технологии «омоложения» протестности. Наиболее ярко это было видно в рамках даже не столичных, а региональных выступлений.

Почти же повсеместное участие ультраправых активистов «Артподготовки» в митинге «команды Навального» демонстрирует, что это замеченное ранее взаимодействие носило не эпизодический, а системный характер. Такая радикальная политическая связка, без сомнения, проявит себя в будущем. Опасным считаем то, что в рамках цепи подобных якобы незначительных акций будет проведена полноценная подготовка к массированным выступлениям в 2018 году, приуроченным к президентским выборам в России. Чем все это может закончиться, никому, наверное, пояснять не нужно.

Глава 1. Практика

Нигде в ходе анализа не утверждается, что борьба с диктатурой является легким и не требующим жертв делом. Любые формы борьбы предполагают осложнения и потери. Естественно, что противостояние диктаторам потребует жертв.

Дж. Шарп

И все же начать нужно, как и всегда, с **истории**. Как говорится, с «историй успеха». Рассказать бегло о некоторых удавшихся «цветных революциях» и некоторых «неудачных». Работа по систематизации этой обширной темы была проведена коллективом **Института стратегических исследований и прогнозов РУДН** в рамках проекта «Антимайдан-Аналитика» и вошла в ряд академических публикаций, к которым мы и отсылаем читателя для более системного погружения в вопрос²⁰¹. В нашем же случае коснемся ряда примеров только вскользь – нам будет интересна общность логики происходивших событий. Это должно дать понимание того, как работает **технология государственных переворотов**. И главное – какие силы в нее вовлечены, а какие являются прямыми выгодоприобретателями тяжелых, а подчас и кровопролитных попыток смены государственной власти. Тогда нам станет понятнее, как те же приемы отрабатываются на отечественной почве.

Коричневый майдан 2014-го

В феврале 2014 года новый госпереворот накрыл Украину. Он стал реальным подтверждением идеи о том, что «цветной» госпереворот, если он не достиг своей окончательной цели, может быть осуществлен повторно, так сказать, до полного удовлетворения интересов внешней управляющей силы.

В результате кровавых и массовых беспорядков сначала в Киеве, а затем на значительной части территории страны легитимный президент Виктор Янукович, плох он был или хорош на своем посту, оказался отстранен от власти, едва не убит и вынужден был покинуть страну. Вся же череда событий стала очередным ярким **доказательством вмешательства США** и стран Запада во внутренние дела суверенных государств на геополитическом пространстве бывшего СССР. При том понимании, что и само украинское государство с упорством, достойным иного применения, годами создавало все социально-экономические и общественно-политические предпосылки для реализации подобного сюжета – с **геополитической декомпозицией** в последнем акте: «...был утрачен полуостров Крым, вернувшийся в состав России, а в результате вооруженного конфликта на Юго-Востоке страны, принявшего форму гражданской войны, были утрачены части территорий Донецкой и Луганской областей, на которых созданы непризнанные образования Донецкая Народная Республика и Луганская

Народная Республика. Даже в случае реализации сценария возвращения этих территорий в состав Украины, а это возможно в рамках имплементации Минска-2, это все равно будет другая Украина»^[21]. Интересно, что основным донором бюджета «домайданной» Украины являлся именно Донбасс. Там, по некоторым данным, создавалось около 30 % ВВП, или более 35 % валютных поступлений украинского государства.

Отметим, что основные заказчики и бенефициары киевского майдана 2014 года не изменились со времен «оранжевой революции» 2004-го. Развитие событий показало, что главными режиссерами украинского Евромайдана стали Госдепартамент США, целая сеть неправительственных структур и частных фондов, в разной степени подконтрольных правительственным структурам и финансируемых Вашингтоном.

Одними из наиболее эффективных механизмов «мягкосилового» вмешательства во внутренние дела суверенных государств в руках Госдепартамента США снова стали «Национальный фонд в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy, **NED**), «Дом Свободы» (**Freedom House**), а также Агентство США по международному развитию (United States Agency for International Development, **USAID**). Открытыми кураторами государственного переворота в Киеве были заместитель государственного секретаря по делам Европы и Евразии **Виктория Нуланд** и посол США на Украине **Джеффри Пайетт**.

По словам А. Якименко (в прошлом главы СБУ Украины), **непосредственно причастными к организации переворота** в Киеве также были как минимум следующие известные **украинские олигархи**: Игорь Коломойский, Петр Порошенко, Сергей Тарута, Дмитрий Фирташ, Виктор Пинчук. Они оказали поддержку майдану живыми деньгами, прямо или косвенно выполняя команды глобальных элит, с которыми **накрепко срослись в единые финансово-промышленные конгломераты** за два десятилетия украинской независимости. Все они с готовностью поддержали майдан и стоящие за ним националистические организации, ведь невнимание к интересам Вашингтона и Брюсселя грозило этим господам лишением немалых бизнес-активов за пределами украинской юрисдикции. Кроме материальной поддержки украинские олигархи активно помогали освещать события майдана через подконтрольные им украинские «независимые» СМИ.

Свержение режима в Киеве в 2014 году технологически несколько отличалось от предшествовавшей «оранжевой революции». Спусковым механизмом массового недовольства в этот раз стали не итоги выборов главы государства, а **внешний раздражитель – Соглашение об ассоциации** с Европейским союзом, подписание которого совершенно обоснованно с точки зрения национальных интересов Украины отложил президент Янукович.

Документ предусматривал создание ЗСТ (зоны свободной торговли) между ЕС и Киевом, в рамках которой стороны отменяли импортные пошлины на ввозимые товары. Последствия подписания этого документа касались не только судьбы собственно украинской экономики^[22], но и сказывались на странах Таможенного союза (ТС), в том числе России, на долю которой тогда приходилось около 26,6 % всего внешнеторгового оборота Украины. Сами еврочиновники признавали невозможность одновременного функционирования достигнутых Украиной договоренностей с ТС и соглашения о евроассоциации. Так, автор текста соглашения Штефан Фюле тогда прямо заявлял, что членство Украины в ТС несовместимо с созданием **«углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли»**, переговоры о создании которой Европейский союз вел не только с Киевом, но также с Молдовой, Грузией и Арменией^[23].

В рамках переворота 2014 года на Украине необходимо выделить два технологических этапа – **«ненасильственный»** и **«силовой»**. Схожая гибридная конструкция к тому времени была успешно апробирована в рамках событий «арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Так же как на арабском Востоке, активно использовались зарекомендовавшие себя **«технологии 2.0»** протестной мобилизации. Кроме традиционных СМИ значительное место отводилось **SMS-рассылкам, социальным сетям, мессенджерам и онлайн-трансляциям с помощью видеоблогов**. Это позволяло координировать действия митингующих с помощью мгновенной передачи информации и непрерывных трансляций с места событий. Именно заблаговременно созданные аккаунты в Twitter, Facebook, «ВКонтакте» на протяжении всей фазы дестабилизации вели самую активную пропаганду, а также осуществляли коммуникацию и координацию протестующих. Антиправительственные ресурсы делились на созданные до горячей фазы событий Евромайдана и начавшие деятельность непосредственно во время

массовых беспорядков. Так, для **дополнительного «правильного» освещения** событий во время активной фазы Евромайдана в конце ноября 2013 года были созданы два проекта интернет-телевидения – «Гражданское ТВ» и «Эспресо TV».

С ноября 2013 года все действия оппозиции в Киеве были построены четко по методичкам тактики ненасильственных действий (сопротивления), современным идеологом которой является уже упоминавшийся **Джин Шарп**^[24]. Наиболее системно инструкции по организации массовых беспорядков сведены воедино в его брошюре **«198 методов ненасильственных действий»**.

Выход людей на майдан произошел после публикации поста украинского либерального журналиста и блогера М. Найема (ныне депутат Верховной Рады) в Facebook с призывом «отстоять европейское будущее Украины». Уже спустя час на площади собралось около тысячи демонстрантов, а затем их число стало стремительно нарастать. Попытки правоохранителей разогнать оппозиционный митинг показывали в прямом эфире «Гражданского ТВ», аудитория которого в начале декабря 2013 года выросла до 2 млн человек. Одновременно с этим (уже вдалеке от камер «независимых» журналистов) происходило блокирование правительственных зданий и администрации президента, а также киевской мэрии. Все эти действия, кстати, отлично соотносятся с рекомендациями упомянутой **шарповской методички**. Например, № 172 («ненасильственное блокирование»), № 173 («ненасильственная оккупация»), № 176 («блокирование дорог»), № 183 («ненасильственное овладение землей»).

12 января 2014 года на майдане прошло «Народное вече» – метод № 198 (создание «альтернативного правительства»), участниками которого, по некоторым оценкам, стали около 100 тысяч человек. Параллельно во многих городах Центральной и Западной Украины были организованы автоколонны из сторонников госпереворота (№ 48 – «автоколонны»). В тот же день возле резиденции президента Украины В. Януковича в Межигорье прошел митинг участников этого **автомайдана**.

Янукович на скорую руку решил ужесточить ответственность за участие в несанкционированных митингах, и Верховная Рада приняла пакет так называемых **«законов 16 января»**. Уже 20 января 2014 года Совет министров иностранных дел ЕС призвал украинские власти пересмотреть «законы 16 января» с формулировкой: *«Они значительно ограничат основополагающие права украинских граждан на объединение, свободу медиа и прессы, а также серьезно урежут деятельность общественных организаций»*. В таких условиях оппозиция восприняла все действия Януковича как проявление слабости и перешла к **боевой фазе** дестабилизации.

Так начался заключительный этап госпереворота – открытое насильственное свержение действующего руководства страны. Совершенно очевидно, что для его предотвращения было необходимо своевременное и соразмерное применение жестких сил правопорядка, однако В. Янукович, за годы в политике привыкший разыгрывать мизансцену **«ласковый теленок двух маток сосет»**, опасался осуждения со стороны США и лидеров стран ЕС. В итоге попытки сдержать боевиков майдана силами спецподразделения «Беркут» закончились для бойцов предательством со стороны собственного политического руководства, которое пошло на уступки все более наглюющей от безнаказанности оппозиции и особенно **фашиствующим радикалам**.

В период с 19 по 22 января 2014 года жертвы стали обычным явлением на майдане, ежедневно от действий экстремистов гибли и получали ранения десятки людей. Кстати, от легитимного главы государства отрекся и Киевский патриархат, глава которого Филарет публично отказался от своего ордена «За заслуги» I степени (метод № 53 из методички Шарпа – «отказ от почестей»). 28 января правительство Украины во главе с технократом Н. Азаровым ушло в отставку, а прогнанный под требования заговорщиков В. Янукович начал предлагать министерские портфели представителям различных оппозиционных движений.

Митингующие при этом продолжали давление на власть с использованием всего инструментария сил и средств. Здесь уместно вспомнить и **«печеньки» Виктории Нуланд**, и концерты самых разных эстрадных исполнителей непосредственно на баррикадах, и информационную кампанию в поддержку оппозиции в глобальных СМИ, и подключение к пропаганде майдана мировых знаменитостей, таких как певица Мадонна, актер Джордж Клуни и т. д.

Наиболее трагическим этапом госпереворота стали массовые столкновения в Киеве 18–20 февраля, в ходе которых погибли десятки протестующих и силовиков.

21 февраля загнанный в угол последствиями собственной нерешительности и соглашательства В. Янукович под давлением внешней управляющей силы «революции гидности» принял решение о подписании с лидерами оппозиции соглашения «Об урегулировании политического кризиса в Украине». Для бывшего президента это стало последним шагом в политическое небытие. Приведем здесь полный текст, который лучше всего характеризует глубину беспомощности легитимной власти в Киеве^[25].

«Соглашение об урегулировании кризиса в Украине

Обеспокоены трагическими случаями потери жизней в Украине,

Стремясь немедленно прекратить кровопролитие,

Решительно настроены проложить путь к политическому урегулированию кризиса,

Мы, стороны нижеподписавшиеся, договорились о следующем:

1. В течение 48 часов после подписания данного соглашения будет принят, подписан и обнародован специальный закон, который восстановит действие Конституции Украины 2004 года с изменениями, внесенными до этого времени. Подписанты заявляют о намерении создать коалицию и сформировать правительство национального единства в течение 10 дней после этого.

2. Конституционная реформа, которая уравнивает полномочия Президента, правительства и парламента, будет начата немедленно и завершена в сентябре 2014 года.

3. Президентские выборы будут проведены сразу после принятия новой Конституции, но не позднее декабря 2014 года. Будет принято новое избирательное законодательство, а также сформирован новый состав Центральной избирательной комиссии на пропорциональной основе в соответствии с правилами ОБСЕ и Венецианской комиссии.

4. Расследование недавних актов насилия будет проведено под общим мониторингом власти, оппозиции и Совета Европы.

5. Власть не будет вводить чрезвычайное положение. Власть и оппозиция воздержатся от применения силовых мер. Верховная Рада Украины примет третий закон об освобождении от ответственности, который будет распространяться на те же правонарушения, что и закон от 17 февраля 2014 года. Обе стороны будут прилагать серьезные усилия для нормализации жизни в городах и селах путем освобождения административных и общественных зданий и разблокировки улиц, скверов и площадей. Незаконное оружие должно быть сдано в органы Министерства внутренних дел Украины в течение 24 часов с момента вступления в силу вышеупомянутого специальным законом (п. 1 данного Соглашения). После указанного периода все случаи незаконного ношения и хранения оружия подпадают под действующее законодательство Украины. Силы оппозиции и власти отойдут от позиций противостояния. Власть будет использовать силы правопорядка исключительно для физической защиты зданий органов власти.

6. Министры иностранных дел Франции, Германии, Польши и Специальный представитель Президента Российской Федерации призывают к немедленному прекращению всех видов насилия и противостояния.

г. Киев, 21 февраля 2014 года

От власти: Президент Украины Виктор Янукович

От оппозиции: лидер партии УДАР Виталий Кличко, лидер ВО «Батькивщина» Арсений Яценюк, лидер ВО «Свобода» Олег Тягнибок

Засвидетельствовали:

От Европейского Союза: Федеральный министр иностранных дел Федеративной Республики Германия Франк-Вальтер Штайнмайер, Министр иностранных дел Республики Польша Радослав Сикорский и руководитель департамента континентальной Европы Министерства иностранных дел Французской Республики Эрик Фурнье».

Однако даже такая капитуляция легитимных властей уже не смогла остановить дальнейшее движение госпереворота, а может быть, даже спровоцировала антиправительственные силы.

21 февраля 2014 года на майдане прошло очередное Вече. После речей лидеров госпереворота (см. пункт «От оппозиции») на трибуну поднялся «сотник самообороны майдана» националист В. Парасюк. Он заявил, что митингующие **не намерены терпеть** до декабря 2014 года, и пообещал, что если действующий президент не уйдет до утра, то самооборона вновь перейдет к штурму.

В ночь с 21 на 22 февраля Янукович покинул Киев и уехал в Харьков, где должен был состояться съезд региональных депутатов. 22 февраля Верховная Рада 328 голосами поддержала постановление об отстранении В. Януковича от должности и назначила внеочередные выборы главы государства на 25 мая.

В тот же день Янукович записал телеобращение, в котором назвал события 18–20 февраля переворотом, сравнил их с приходом нацистов к власти в Германии, назвал депутатов, покинувших «Партию регионов», изменниками и заявил о нелегитимности принятых Радой решений. Но было уже поздно.

В апреле 2014 года в интервью телеканалу CNN В. Нуланд заявила, что США с момента крушения СССР выделили порядка **5 млрд долларов** «на поддержку стремления народа Украины к более сильному, демократическому правительству»^[26]. При этом Нуланд отметила, что деньги «не были потрачены на поддержку майдана».

Наполеон когда-то сказал: «*Я не узурпировал корону: я поднял ее из сточной канавы*»^[27]. Ему вторили многие, например социалист-революционер В. Чернов: «*Очень часто даже от министров (Временного правительства) приходилось слышать: если власть не валяется на улице, то она будет валяться, что всякий, кому не лень, может нагнуться и эту власть подобрать и ею овладеть*»^[28]. Что-то похожее произошло в 2014 году на Украине.

В завершение, однако, нужно вспомнить вот что.

В феврале 2017 года в ряде американских городов, а также в Берлине прошла акция «День правды», организованная Шиллеровским институтом. Участники мероприятия распространяли листовки, в которых призывали не закрывать глаза на «цветную революцию», организованную при участии бывшего президента США Б. Обамы и известного финансиста Дж. Сороса.

«*Вам, как и большинству американцев, систематически лгали про то, что произошло во время так называемой “цветной революции” на майдане, и сейчас аналогичная ложь используется для того, чтобы подпитывать национальную истерию против Путина и России. Это чревато риском третьей мировой войны*», – гласил текст листовки.

Ближневосточный театр

Anyone who cannot condemn the hatred, oppression and violence of Radical Islam lacks the moral clarity to serve as our President. <...> The fight will not be limited to ISIS. We will decimate Al Qaeda, and we will seek to starve funding for Iran-backed Hamas and Hezbollah.

D. Trump, 15.08.2016^[29]

Может показаться, что технология «цветных революций» была разработана американскими специалистами эксклюзивно для постсоветского пространства и направлена исключительно против России и ее геополитических интересов. Такие «открытия чудные» нет-нет да и можно услышать в СМИ. Однако практика последних лет показывает, что стратегия управляемого хаоса использовалась США не только для восточноевропейского и евразийского направлений.

Ближний Восток и Северная Африка (БВСА) всегда были сосредоточением самой изощренной «геополитической игры». Стратегические запасы **энергоресурсов** и критические для мировой торговли **транспортные коммуникации** не дают региону выпасть из поля соперничества «великих держав» и более мелких, но часто более амбициозных региональных «шахматистов». Рассмотрим БВСА через призму геополитических задач известных заинтересованных «цветных процессов».

После разрушения СССР в головах и текстах американских неоконцов, которые затем заняли высокие посты, например, в администрации Дж. Буша-младшего, появляется концепция «Новый американский век» (**Project for the New American Century**). В ней была сформулирована предельно простая цель – глобальное лидерство, а параллельно выдвинут тезис о необходимости раз и навсегда покончить с режимами, которые американским интересам враждебны. Отметим – не США, а их интересам, суть которых всегда сводилась к максимально широкому экономическому контролю и доминированию. По означенным выше геостратегическим соображениям внимание американцев в конце XX века было сфокусировано на Ближнем Востоке. Настолько, что даже Латинская Америка (на некоторое время) выпала из зоны непосредственного внимания и ударилась в «социалистический ренессанс».

Наиболее удобной «точкой входа» в БВСА был на тот момент Ирак, руководство которого выставлялось как главная угроза «прогрессивному человечеству». Среди ключевых задач значились смена режима и отстранение от власти С. Хусейна, что, по вполне обоснованному мнению неоконсерваторов, должно было привести к изменению баланса сил в регионе. Кстати, многолетняя история взаимоотношений повешенного президента Ирака и «вашингтонских элит» – тема для отдельного разговора. Кратко можно только с уверенностью сказать, что эта тема является одной из самых трагических новелл о предательстве в XX веке.

Вашингтонским стратегам уже тогда, в 90-х, было понятно, что «гибридные инструменты» – это будущее мировой политики. Поэтому на официальном уровне США были предприняты не только известные военные и дипломатические акции против Багдада. В 1998 году президент Б. Клинтон подписал закон о **либерализации Ирака**, который предполагал установление «демократического правительства» в стране и военное обучение оппозиции С. Хусейна, а также оказание финансовой поддержки лицам из так называемой «демократической» оппозиции, в массе своей проживавших в странах Западной Европы, Персидского залива, Турции, Иране и т. д.

Однако терпения «ястребам» в кабинетах Белого дома всегда не хватало. Не добившись быстро желаемых результатов, они использовали старые козыри – авиацию и морскую пехоту. Военная агрессия западной коалиции против Ирака в 2003 году, сопровождавшаяся ростом числа и возможностей самореализации для всевозможных террористических организаций, стала тем ключом зажигания, который запустил процесс тотальной хаотизации всего пространства Ближнего Востока. Последствия этой политики мы можем наблюдать сейчас. Повсеместно вмешательство США привело к разрушению десятилетиями, если не столетиями, выстраивавшихся внутригосударственных механизмов – сложнейших систем сдержек и противовесов, где в расчет брались даже такие факторы, как родоплеменные и клановые взаимоотношения. В итоге террористическая организация ИГИЛ^[30], выросшая на почве «Аль-Каиды» при негласном поощрении Вашингтона, укоренилась именно в Ираке. Там она нашла широкую поддержку в рядах бывших офицеров армии С. Хусейна, среди изгнанных из политической жизни страны членов Партии Арабского Социалистического Возрождения («Баас»).

Уже в ходе второй иракской кампании американцы выдвинули на внешнеполитическую авансцену доктрину демократизации всего ближневосточного региона – **«Большого Ближнего Востока»**. Как в 2005 году выразился президент страны Дж. Буш, *«появление в самом сердце региона “свободного” Ирака будет жестким поражением сил тирании и служит своего рода сигналом всем – от Бейрута до Тегерана, что свобода может стать будущим каждой страны. Тем самым открывается дорога для “глобальной демократической революции”*».

Буш давал понять, что стратегия вмешательства извне с последующим установлением своей «виртуальной оккупационной администрации» может распространиться далеко за пределы Багдада. Такое стремление привело и к увеличению финансирования американских «мягкосиловых» проектов в регионе, что стало фактическим материальным базисом для событий так называемой «арабской весны». Сутью и целью явления являлось перекаривание геополитической карты БВСА.

Соединенные Штаты без стеснения взяли курс на «снос» неугодных ближневосточных режимов и устранение их лидеров, таких как Муаммар Каддафи и Башар Асад. Обладая относительной полнотой разведывательной информации и хорошей системой ее аналитической обработки, они не могли не понимать, что государства региона погрязнут в хаосе, а к рычагам управления с большой долей вероятности потянутся разношерстные радикально-религиозные и террористические группировки. Об этом, например, публично предупреждали такие авторитеты американской геополитической мысли, как З. Бжезинский и Б. Скоукрофт. Об этом говорили в один голос все российские эксперты и дипломаты. Говорили в том числе и американским партнерам. То есть раскрученное либеральными СМИ утверждение, что США якобы оказались полностью неготовыми к революционным событиям на севере Африки и в странах Ближнего Востока из-за того, что «не ведали, что творили», совершенно не соответствует действительности.

Конечно, системный **социально-политический кризис в арабских странах, сочетающийся с исторической слабостью национальных экономик, развивался на протяжении**

десятилетий и во многом стал одной из ключевых причин революционных событий. Однако это не противоречит тому, что внешняя управляющая сила, опираясь как раз на объективно существующие в государстве проблемы, подпитала и **использовала энергию «арабской улицы»** для реализации своих геополитических целей.

Важно отметить, что всплеск «арабской весны» стал новой эволюционной ступенью «цветных» технологий (версией 2.0). В их боевой арсенал вошло использование информационных технологий.

Задолго до активной фазы «арабской весны» американскими структурами и соответствующими службами велась предметная подготовка целевых групп влияния в странах БВСА для консолидации оппозиционных деятелей и кристаллизации протестности. С начала 2000-х годов США реализовали огромное количество программ по созданию в регионе слоя прозападных граждан, связывающих идею демократических преобразований в своих странах с картиной лучшей жизни, которую они видели в иностранных СМИ и продукции самых разных фабрик грез. Орудием западных политтехнологов была, например, публичная дипломатия – обмены, конференции, семинары, выставки. В 2006–2011 годах активно использовались социальные сети для развития протестного движения (**digital activism**), особенно среди молодежи.

Так называемые образовательные обмены также эффективно способствовали реализации поставленных задач. Тысячи молодых арабов были вовлечены в этот процесс. Если в 2007 году в программах «в области развития демократии» Госдепартамента США приняли участие 47 тысяч египтян, то в 2008-м цифра достигла уже порядка 149 тысяч. В 2003–2004 годах в Тунисе самые активные и заметные члены оппозиции получили приглашения в США. Безусловный упор делался на молодежь, часто не имевшую возможности получить достойное отечественное образование. Вся эта активность «внешних сил» прекрасно накладывалась на многочисленные социальные проблемы в большинстве арабских стран, такие как высокий уровень безработицы (особенно среди молодых), отсутствие развитых социальных лифтов, имущественное расслоение, пережитки родоплеменных отношений, закрытость политических систем. В данном контексте возможности, которые предоставляли арабским юношам и девушкам западные «**прогрессоры**»^[31], смотрелись еще заманчивее. Тем более что со сходными антиправительственными лозунгами прекрасно работали и продолжают работать агитаторы всевозможных религиозно-экстремистских организаций. А часть из них – с экранов глобальных СМИ. Достаточно ознакомиться с выступлениями духовного лидера «мусульманских братьев» шейха Кардави на волнах «Аль-Джазиры».

Примечательно, что за несколько лет до того, как по БВСА разразилась горячая фаза «арабской весны», США увеличили агентурную активность в Интернете. Велась работа по созданию среды для инклюзивного подключения оппозиционных блогеров из стран региона, которые затем объединяли других оппозиционно настроенных граждан некой совместной «правильной» повесткой дня. На практике – через трансляцию точки зрения западных СМИ на любые события, происходящие в той или иной стране. Весной 2010 года в США проводились курсы для сетевых активистов из Туниса, Ливии, Марокко, Алжира. Их натаскивали на современные технологии демонтажа политических режимов – «**твиттерно-фейсбучные**» **приемы** конфликтной мобилизации в условиях арабского Востока. Когда же «революционные» события в Тунисе, Египте, других странах переросли в открытое противостояние с властями, в Сети появились правительственные твиттер-аккаунты (tech@state, e-diplomacy, i-diplomacy). С их помощью в оперативном режиме передавались сообщения, призывающие к конфликтной мобилизации масс. «Цветная революция v.2.0» стала реальностью.

Начавшийся с публичного самосожжения бунт в Тунисе в конце 2010 года привел к «жасминовой революции», в результате которой лишился власти законный президент Бен Али, а к руководству страной пришли представители фактически исламистских партий, многие годы проживавшие в изгнании в европейских столицах (Лондоне, Париже и т. д.). События в Карфагене эхом отозвались в соседнем Египте, где на протяжении нескольких десятилетий у власти находился по-восточному авторитарный, но вполне прозападный политик Хосни Мубарак. После массовых акций протеста, сопровождающихся давлением со стороны США и ЕС, умеренный и светский египетский президент был вынужден уйти, а затем был подвергнут позорному суду. Что не было удивительным, к власти в Каире пришли «Братья-мусульмане»

Мухаммеда Мурси. И только вмешательство египетских военных в 2013 году вернуло страну в нормальное русло. В 2011 году в Бахрейне чуть не случилась «жемчужная революция» – поднялось шиитское население (по официальным данным, составляет 75–80%). Выступления были задавлены войсками Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, фактически оккупировавшими эмират.

Впоследствии к цепочке революционных событий присоединился ряд других государств БВСА. Среди них следует выделить региональные центры – Ливию, Сирию и Йемен. В отношении первых двух американцами исподволь предпринимались комбинированные действия с опорой на скрытое вмешательство без широкой огласки (обучение внутренней оппозиции, помощь ей оружием, боеприпасами, материальными средствами) и открытое вмешательство (военное вторжение силами НАТО, создание оппозиционных антиправительственных коалиций, состоящих из профессионально обученных террористов). Йемен стал жертвой американских союзников – монархий Персидского залива. В итоге во всех трех странах региона даже в 2017 году продолжается кровопролитие, а политический процесс едва теплится.

Итак, провозглашенные Западом планы по трансформации региона Ближнего Востока и Северной Африки стали печальной реальностью. Изменение регионального баланса сил привело к нарастанию турбулентности, которая открыла экстремистам и религиозным фанатикам дорогу к власти и дала широкое пространство для маневра. Сирийская ситуация в полной мере подтвердила обоснованность этих выводов. Даже сегодня, когда целый комплекс факторов фактически привел официальные власти в Дамаске к необходимости политических переговоров с людьми, еще вчера стрелявшими в бойцов армии и ополчения. Женевские переговоры и переговоры в Астане в этом смысле – тяжелый договор с наименее радикальными из этих сил.

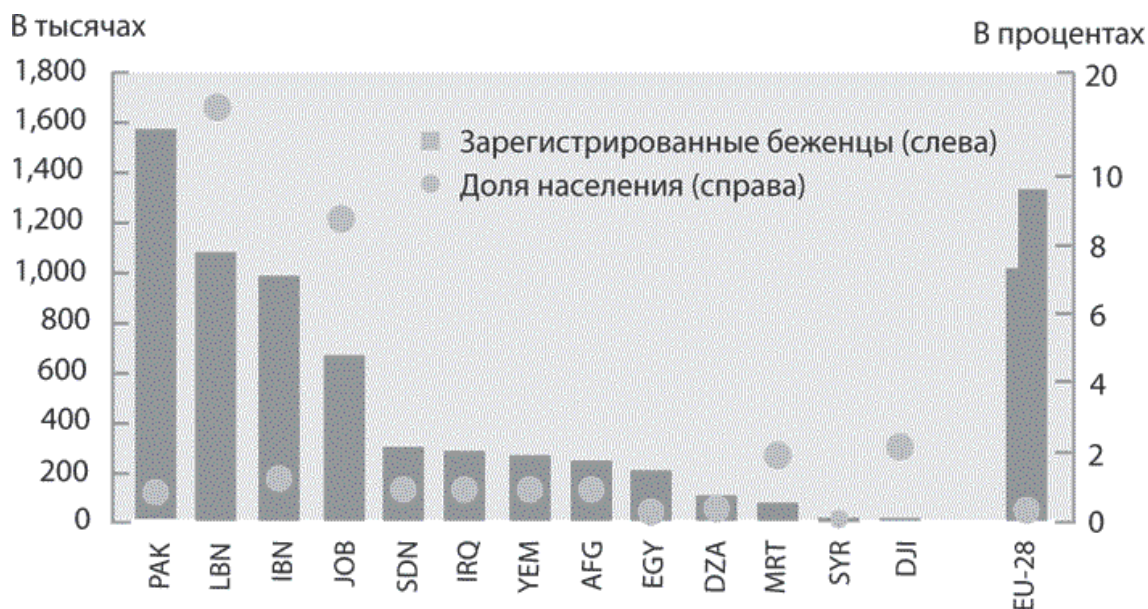
Важно помнить, что эта «кровавая пантомима» не может не иметь вполне конкретных геополитических смыслов. Было бы наивно предполагать, что все затраченные силы и средства наши партнеры вливают в регион исключительно ради священной цели «демократизации» стран и народов. Если задаться вопросом о целеполагании, наиболее логичной выглядит следующая версия.

Хаотизация Ближнего Востока привела к созданию системы трамплинов для переноса конфликтного потенциала на пространства Европы и шире – Евразии. Геополитическими воротами здесь должны стать Турция – в Восточном Средиземноморье, Ливия – на Севере Африки, Афганистан – в Центральной Азии. При этом характерной особенностью этапа 2.0 стало **применение «протестных технологий»** даже **в отношении относительно прозападных региональных режимов**. События в Турции в 2016 году только укрепляют эту оценку.

Примечательно, что свергнутые и поставленные на грань уничтожения режимы в целом проводили антиисламистскую политику. То есть пространство региона как будто намеренно расчищалось для различных террористических группировок. Напомним, что тактика привлечения англосаксами джихадистов в свои геополитические проекты не является принципиально новой. Теми же методами англичане на протяжении двух столетий пытались добиться превосходства в рамках «большой игры» на Кавказе, во владениях Османской Порты, в Индии и Средней Азии. Ровно теми же методами работал Вашингтон в Афганистане и Пакистане против СССР.

Однако именно в постбиполярное время террористическая активность различных группировок в регионе стала излюбленным и грозным геополитическим оружием в руках внешней управляющей силы. США вернулись к использованию старой тактики, которая принесла им солидные дивиденды в период двух мировых войн. Используя геостратегическое положение – два океана, удаленность от очагов напряженности – и при этом организуя широкую коалицию для борьбы с терроризмом, они воссоздали британскую тактику «странной войны», то есть видимость борьбы, где силы Порядка одновременно невидимой рукой подпитывают силы Хаоса. При этом основной выгодоприобретатель надежно укрыт от негативных последствий происходящего.

Беженцы, размещенные в регионе. Примерно 60 % беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки остались в регионе.

Источники: Статистическая база данных УВКБ ООН; и расчеты персонала МВФ.

Примечание. ЕС-28 относится к 28 странам Европейского Союза. Оценки числа жителей (включая беженцев) получены от Отдела народонаселения ООН. Сокращения названий стран даны в соответствии с принятыми Международной организацией по стандартизации.

На практике в БВСА происходит дальнейшее перекраивание госграниц (так называемая балканизация), сопровождаемое понижением контроля со стороны национальных государств над ресурсами и основными путями их транспортировки, **осуществляется реколонизация суверенных экономик** через их системную деградацию. В этих целях могут использоваться как военные методы уничтожения инфраструктуры, так и введение экономических санкций.

Вот как в сентябре 2016 года ситуацию в БВСА описала **Кристин Лагард**, шеф подконтрольного американским финансистам МВФ.

«В регионе насчитывается свыше 20 млн перемещенных лиц и еще 10 млн беженцев – в масштабах, не виданных с конца Второй мировой войны. Огромные гуманитарные издержки, связанные с этими конфликтами, трудно себе представить.

Также значительны их последствия для экономики. Значительная часть производственного капитала в зонах конфликтов разрушена, велики потери личных состояний (богатства) и доходов, и качество человеческого капитала снижается в связи с отсутствием рабочих мест и образования.

МВФ наряду с международным сообществом будет призван оказать содействие в восстановлении экономики после окончания конфликтов. По этой причине мы более внимательно рассмотрели экономические задачи, поставленные этими конфликтами, а также варианты управления директивными органами восстановления экономики после конфликта»^[32].

Однако такое состояние БВСА одновременно решает несколько задач, стоящих перед американской элитой. Среди них такие простые, как поддержание жизнеспособности своей экономики, в том числе путем обеспечения военных заказов по линии ВПК, разбалансировки экономик-конкурентов (ЕС, КНР, ЕАЭС). Но главное – это удовлетворение интересов транснационального капитала (с «портом приписки» в США), который расширяет доступ к рынкам и ресурсам, перекраивает логистические схемы и извлекает из всего этого вполне ощутимую прибыль.

Сложно представить, что американский бизнес в одночасье откажется от данной схемы после «смены караула» в Белом доме. Можно ожидать беспрецедентного давления на новую администрацию – если представить себе, что **президент-бизнесмен** еще на этапе предвыборной кампании не утряс все спорные вопросы с представителями Бильдербергского клуба. Того самого, среди основателей которого значится Генри Киссинджер, в свои 94 года консультирующий Дональда Трампа и размышляющий над тем, как сблизить Соединенные Штаты с Россией. По оценкам Всемирного банка (подконтрольного США международного

финансового учреждения), восстановление только сирийской экономики потребует от 180 млрд долларов. Раньше Вашингтон, в случае военной победы «дружественных» оппозиционных сил, рассчитывал бы на подавляющую часть этого «тендерного пирога». Теперь – наверняка тоже, но в другом формате.

Кроме того, в результате описанной нами американской политики в десятки раз увеличилась мощность «демографического оружия» – потоков мигрантов, в ряды которых просачиваются подготовленные члены террористических ячеек, способные участвовать в массовых беспорядках на местах или организовать диверсии и террористические акты. Европа, а также экономика ЕС, ощущают это давление на себе. Отметим в скобках, что цифры, приведенные К. Лагард, – очень оптимистичные.

Важный **вектор хаотизации** направлен на пространства «хартлэнда» Евразии, прежде всего – на **Россию и КНР**. Например, внутри подразделений ИГ ведущие должности ранее занимали преимущественно этнические арабы – сейчас же выходцы стран СНГ, из китайского Синьцзяна и с российского Кавказа. Неоднозначная внутривластная обстановка в государствах Средней Азии позволяет террористам рассчитывать на эти территории как на перспективные точки опоры. В нашу страну активно проникают эмиссары-вербовщики и отдельные боевые ячейки террористов – борьба с ними уже давно стала каждодневной задачей российских правоохранителей. Китай сталкивается с повышением уровня активности уйгурских сепаратистов, пытающихся дестабилизировать ситуацию внутри Синьцзянь-Уйгурского автономного района, который, по некоторым данным, является точкой базирования части китайского ядерного потенциала.

Захочет ли администрация Трампа свернуть со столь хорошо отработанного американцами за последние десятилетия пути или «AMERICA FIRST!» станет всего лишь переложением «Project for the New American Century»? Никто из политологов в трезвой памяти не поставит на первое и «ломаного цента». Но надежда, как говорится, есть – смотри эпитафия.

«Болотные» дела

Однако далеко **не всегда** политические технологии срабатывали столь **безотказно**. Были случаи, когда своевременные действия властей спасали страны от погружения в пучину «управляемого хаоса». Белоруссия, Армения, Казахстан – все эти страны в разное время и в разных объемах испытали на себе дыхание «методичек Джина Шарпа».

В рамках размышления о **провальных «цветных» проектах** было бы упущением не поговорить о тех процессах, которые протекали в **России** в самом недавнем прошлом. По нашему мнению, они также носили совершенно определенный «цветной» оттенок. Понимая сложность темы, дабы не быть обвиненными в предвзятости исследовательских подходов, давайте посмотрим, как эти события были описаны сторонними представителями академического сообщества.

В 2013 году в ежегоднике НИУ Высшей школы экономики «Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука» был опубликован материал с весьма полным анализом протестных событий 2011–2012 годов^[33]. Авторы, придерживающиеся, скорее всего, либеральных взглядов, подробно рассуждают о смыслах происшедшего, успешно систематизируют и обобщают данные. Их подходы для нас – отличный «полевой материал», на основе которого **реальность попытки организации «цветника»** становится совершенно очевидной.

Итак, они пишут:

«Анализ изменения характера и форм общественно-политической активности граждан в 2011–2012 годах позволяет выделить четыре этапа эволюции современного протестного движения в России. Протестное движение на первом этапе в значительной степени сохранило основные характеристики 2010 и предыдущих годов. Особенностью стало лишь **увеличение числа несогласованных публичных мероприятий**, которые не пресекались полицией. При их организации существенную роль играли **социальные сети**. В эти годы происходило освоение гражданами права на свободу собраний. Второй этап характеризуется возрождением массовых акций протеста, что позволило аналитикам сравнивать этот период с концом 1980-х – началом 1990-х годов, когда страна испытала настоящий подъем гражданской активности. Этот этап связан с **массовыми публичными акциями**, которые были **синхронизированы** не только в

десятках городов России, но и за рубежом. Третий этап связан с появлением **новых форм протестной активности: мобильных лагерей, прогулок, гуляний** и т. п. и, более того, обретением протестным движением максимальной степени субъектности. Четвертый этап можно охарактеризовать как **“кризис протестного движения”**, вызванного как продолжающейся агрессией “внешней среды” протеста, так и, как следствие первого, внутренним кризисом движения».

Потрясающее в своей кристальной ясности описание. Фактически все указанные признаки мы наблюдали в рамках вышеописанных событий в других странах, ставших мишенями для реализации планов по насильственному демонтажу политических режимов. Давайте посмотрим, как развивались события и чем они были обусловлены. Как об этом пишут эксперты НИУ ВШЭ?

«Начиная с 4 декабря 2011 года (день голосования) в Москве и ряде других городов стали проходить **митинги против фальсификации выборов**, прошедших в Госдуму РФ, и уже тогда наметилась тенденция участия в них граждан, далеких от политики. Но, пожалуй, первые за последние 20 лет по-настоящему массовые митинги прошли 5 декабря на Чистых прудах и 10 декабря 2011 года на Болотной площади в Москве. На Болотной площади “по оценкам ГУВД Москвы, в массовой акции, продлившейся около четырех часов, приняли участие до 25 тысяч человек”. Журналисты “Новой газеты”, сообщая об этом событии, пишут: “Цифры: около 40 тысяч на пике, около 120 тысяч за три с половиной часа митинга. Факт: требование свободных выборов **объединило анархистов, либералов, геев, коммунистов и националистов**”».

«24 декабря 2011 года состоялся еще более массовый, чем на Болотной площади, массовый митинг протеста на проспекте Сахарова в Москве и серия акций в других городах России. Информация о митинге распространялась в **социальных сетях**».

«4 февраля 2012 года прошел очередной массовый митинг против фальсификации выборов “За честные выборы” на Болотной площади в Москве. По разным оценкам, он собрал от 36 тысяч до 120 тысяч участников. По-прежнему основную роль в организации митинга сыграли социальные сети. Кроме Москвы митинги и шествия прошли в более чем 100 городах России и зарубежья. Сторонниками действующей власти одновременно с митингом 4 февраля 2012 года был организован “Антиоранжевый митинг” на Поклонной горе. По словам организаторов, основной его задачей было создать противовес оппозиционному митингу на Болотной площади и поддержать действующую власть и в частности кандидата в президенты РФ В. В. Путина. Организаторы “пропутинского” митинга обвиняли организаторов митинга оппозиции в подготовке к “оранжевой революции”».

Затем авторы, впрочем, не впервые в данной статье пишут следующее:

«В митинге, по разным оценкам, приняли участие от 50 до 138 тысяч человек. Массовость митинга достигалась масштабными действиями организаторов по мобилизации участников, в основном бюджетников – людей, главным образом сотрудников государственных предприятий, принуждали к участию в мероприятии при помощи административного давления, а также оплачивали участие в митинге на Поклонной горе».

Очень интересная для представителей Национального исследовательского университета точка зрения.

«26 февраля 2012 года в Москве состоялись две акции протеста под названием “Большой белый круг” и “Проводы путинской политической зимы”. Эти две акции отличаются тем, что были опробованы новые **креативные формы самоорганизации** и непосредственного проведения акций. В дальнейшем развитие подобных новых форм протеста как реакция на **незаконные силовые действия власти по подавлению протестного движения** знаменует следующий этап эволюции протестного движения в современной России. Здесь же пока речь о **поиске новых форм протеста в сравнительно благоприятной среде политической конкуренции с пропутинскими субъектами политики без масштабного использования последними ресурса силового насильственного подавления протеста**. Итак, акция “Большой белый круг” прошла на Садовом кольце: граждане вышли на внутреннюю сторону Садового кольца и взялись за руки. По свидетельствам тех, кто участвовал в акции, передвигаясь на автомобилях по Садовому кольцу, участникам акции удалось образовать непрерывную цепочку на тротуарах, за исключением улиц, примыкающих к Садовому кольцу, и тоннелей, что составляет примерно 14 километров. <...> Люди надевали **белые ленты, шарфы, растягивали белые полотна**».

«5 марта 2012 года состоялся согласованный массовый митинг на Пушкинской площади, в котором участвовало, по разным данным, от 14 до 30 тысяч человек. На митинге Илья Пономарев объявил о начале бессрочной встречи с депутатом. Около 800 участников заявили, что останутся на площади на бессрочную встречу с депутатом, после чего митинг был разогнан ОМОНОм. Среди задержанных – Алексей Навальный, Илья Яшин, Евгения Чирикова. В этот же день состоялась несогласованная акция “Другой России” на Лубянской площади. Эти два события знаменовались тем, что власти, в отличие от последних массовых митингов (начиная с Болотной 10 декабря 2011 года), применили насилие и силовые методы, разгоняя и задерживая митингующих (по разным данным, было задержано от 250 до 1000 человек)».

«Одновременно продолжали проходить пропутинские митинги. 4 марта 2012 года в Москве на митинг в поддержку Владимира Путина на Манежной площади, по оценке ГУ МВД по Москве, собралось 110 тысяч человек; 5 марта 2012 года на Манежной площади в Москве прошел митинг-концерт в честь победы Владимира Путина на президентских выборах. На митинге присутствовало около 10 тысяч человек. 10 марта 2012 года состоялся очередной митинг на Новом Арбате. На Новый Арбат пришло, по официальным данным, примерно 10 тысяч человек, по подсчетам организаторов – 25 тысяч. По окончании митинга несколько человек во главе с Сергеем Удальцовым попытались пройти на Пушкинскую площадь, однако полиция им это не позволила. В результате 19 человек были задержаны».

«6 мая 2012 года в Москве прошла акция под названием “Народный марш”, или “Марш миллионов”, для **выражения протеста против инаугурации Владимира Путина**. Участники прошли шествием по Большой Якиманке, но на подходе к Болотной площади напротив кинотеатра “Ударник” возник конфликт с полицией из-за того, что властями была нарушена ранее согласованная и утвержденная схема проведения массового мероприятия. Участники шествия были остановлены цепями полиции перед узким проходом, ведущим ко вторым по счету на пути колонны рамкам металлоискателей, через которые осуществлялся проход по Болотной набережной на Болотную улицу к сцене. Болотная площадь при этом была полностью оцеплена силами полиции. Поэтому организаторы митинга Сергей Удальцов и Алексей Навальный объявили “сидячую забастовку”. Некоторые участники шествия попытались прорвать цепи полиции. После этого произошли драки с полицией и массовые задержания участников акции. В аналитической статье Лента.ру сообщила, что “таких масштабных уличных боев Москва не видела лет двадцать, а может, и больше”».

А вот что пишут аналитики «Фонда развития гражданского общества» (К. Костин) об «усредненном» портрете участника протестного движения в своем докладе «Новая протестная волна: мифы и реальность»^[34]:

- мужчина, холост;
- возраст 23–26 лет;
- является студентом или выпускником престижного московского вуза;
- приехал учиться в Москву из другого города;
- придерживается либеральных политических взглядов;
- слабо религиозен.

Аналогии с основным ядром активистов «оранжевых» протестных акций на постсоветском пространстве, как мы видели выше, совершенно очевидны.

Характерен и широкий географический охват протестности, который приводят авторы исследования ВШЭ. Вот сводный материал по тем российским регионам, где в контексте процессов, привязанных к российскому электоральному циклу, были проведены **массовые антиправительственные выступления**:

• 10.12.2011: Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Барнаул, Белгород, Брянск, Владивосток, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Казань, Калининград, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Липецк, Мурманск, Нижний Новгород, Новосибирск, Орел, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Пятигорск, Рязань, Саратов, Тверь, Томск, Тюмень, Уфа, Челябинск, Ярославль, зарубежье;

• 24.12.2011: Москва, Санкт-Петербург, Абакан, Архангельск, Барнаул, Владивосток, Владимир, Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Иваново, Йошкар-Ола, Казань, Киров (Вятка), Красноярск, Липецк, Нижний Новгород, Новосибирск, Пенза, Пермь, Пятигорск,

Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Саратов, Тверь, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Хабаровск, Чебоксары, Челябинск, Ярославль, зарубежье;

- 04.02.2012: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Калининград, Краснодар, Нижний Новгород, Орел, Пенза, Тверь, Ярославль;

- 26.02.2012: Москва, Санкт-Петербург, Тверь;

- 05.03.2012: Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Омск, Барнаул, Томск, Нижний Новгород, Архангельск, Тула, Кострома, Воронеж, Екатеринбург;

- 10.03.2012: Москва, Нижний Новгород;

- 06.05.2012: Москва, Томск, Челябинск, Хабаровск, Владивосток, Архангельск, Новосибирск.

Любопытно, что, согласно материалам доклада «Новая протестная волна: мифы и реальность»^[35], поддержка московских протестов в регионах была в целом неравномерной.

«Наиболее активно московские протестные акции поддерживали жители шести городов: **Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Казани и Томска**. Это традиционные “коммуникативные столицы”, жители которых и ранее демонстрировали высокий уровень политической активности и протестных настроений. На протяжении всего исследуемого периода в этих городах было организовано от шести до девяти митингов и/или шествий. Наиболее многочисленные мероприятия прошли в Санкт-Петербурге (в девяти акциях приняли участие 28 700 человек) и Екатеринбурге (в восьми акциях – 20 300 человек)».

Как мы понимаем, ни о каком стихийном протесте масс речь в данном случае, конечно, не шла. На это указывает, во-первых, географическая привязка акций, охвативших страну в буквальном смысле «от Калининграда до Владивостока». А во-вторых, синхронизация протестных выступлений по времени – с учетом часовых поясов возник **эффект волны**.

Что характерно, местные власти в регионах, по мнению специалистов Фонда развития гражданского общества, отнеслись к протестным мероприятиям достаточно спокойно.

«**Следует отметить толерантное отношение городских властей к протестным акциям исследуемого цикла**. В большинстве городов организаторы получали разрешение проводить мероприятия на центральных площадях или же в местах, не слишком удаленных от центра и достаточно популярных у горожан (например, 10 декабря новосибирцы имели возможность собраться перед Областной государственной библиотекой, 5 марта митинг томичей был согласован на Новособорной площади и т. д.). Но не всегда организаторов устраивали согласованные места. Например, 15 сентября в Челябинске оппозиция настаивала на проведении мероприятия на перекрестке проспекта Ленина и Свердловского проспекта, получив разрешение провести митинг в сквере на Алом поле (центр города), осталась недовольна тем, что к ним не могут присоединиться прохожие и автомобилисты.

В ряде городов при отсутствии согласования **протестные мероприятия принимали альтернативные, не описанные в законодательстве и, следовательно, “как бы” не подпадающие под запреты форматы**: Краснодар – “белая лента”, Томск – “собрание граждан”, Йошкар-Ола – “народные гуляния” и т. д. Впрочем, практически нигде эти мероприятия не приводили к конфронтации, носили подчеркнуто “мирный” характер.

Однако были города, где власти и организаторы протестных акций не смогли достичь консенсуса в определении места митингов и шествий. Например, **в Нижнем Новгороде** представители городской власти и оппозиции ни разу не смогли принять согласованное решение о месте проведения мероприятий. Таким образом, практически все акции проходили на несогласованных площадках, и ряд из них закончился задержанием митингующих».

По итогам активной массовой фазы, получив отпор от представителей силовых структур, внешние политтехнологи российских протестных выступлений привели в действие **«план Б»**.

«Разгон митинга 6 мая 2012 года привел к **трансформации** протеста сразу в нескольких направлениях: по времени – протест стал бессрочным (и не только по декларациям участников), по месту – не привязанным к конкретному месту, по форме – открытым всем **креативным ненасильственным формам** выражения несогласия с действиями авторитарного режима. С 7 мая в разных частях Москвы каждый день проходят “народные гуляния”.

“#ОккупайАбай” С 9 мая гражданские активисты обосновываются в лагере на Чистопрудном бульваре, у памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву. Поэтому акция

получила название и хэштег “#ОккупайАбай” по аналогии со всемирно известным глобальным протестным движением OccupyWallStreet. <...> Организаторы “#ОккупайАбай” объявили, что “народные гуляния” на Чистых прудах в Москве будут бессрочными и не прекратятся до тех пор, пока власти не выполнят требования протестующих: **“освобождение политзаключенных” и проведение новых парламентских и президентских выборов.**

“Контрольная прогулка”. 13 мая по инициативе группы писателей, музыкантов и журналистов в центре Москвы прошла акция “Контрольная прогулка”. Участники прошли от Пушкинской площади до Чистых прудов, где располагается гражданский лагерь “#ОккупайАбай”. По данным СМИ, в акции приняли участие от 20 до 30 тысяч человек. По данным полиции, участников было всего две тысячи. Среди участников акции были Борис Акунин, Дмитрий Быков, Лев Рубинштейн, Виктор Шендерович, Ольга Романова, Сергей Гандлевский, Алексей Кортнев, Андрей Макаревич, Сергей Пархоменко, Людмила Улицкая, Ирина Ясина, Сергей Юрский, Максим Виторган и другие деятели культуры. 19 мая в Москве состоялась прогулка художников под названием **“Кочевой музей современного искусства”**. Около 25 художников на ручных тележках везли свои работы: картины и другие объекты искусства. Всего в согласованной с властями акции приняли участие от 1 до 3 тысяч человек. Ее организатором стал Юрий Самодуров. На “Мобильный лагерь” 15 мая несколько жителей Чистопрудного бульвара подали судебный иск по поводу бездействия властей в отношении участников протестной акции “#ОккупайАбай”, которые, по их словам, создавали невыносимые условия для проживания. Некоторые эксперты в своих комментариях видели в организации иска жителями Чистопрудного бульвара “руку Кремля”, который применил соответствующие “политические технологии” по борьбе с митингующими. Басманный районный суд, рассмотрев дело в тот же день, постановил удовлетворить требования жильцов и обязать УВД по Центральному административному округу Москвы принять меры по пресечению проведения несанкционированного мероприятия. Префектуру ЦАО суд обязал восстановить пострадавшие газоны, цветники и зеленые насаждения на бульваре. Полиция ликвидировала лагерь на Чистых прудах ранним утром 16 мая. <...> Акции, похожие на московские, проходили в ряде других городов: сообщения о лагерях и гуляниях оппозиции поступили из Санкт-Петербурга, Саратова, Нижнего Новгорода, Новосибирска».

«12 июня в Москве состоялся **повторный “Марш миллионов”**. Участники акции собрались на Пушкинской площади, после чего прошли по Бульварному кольцу до Тургеневской площади и повернули на проспект Сахарова, где прошел митинг. По разным оценкам, в акции приняли участие от 18 до 200 тысяч человек. Мероприятие прошло без столкновений с полицией и задержаний».

Обращает на себя внимание тот факт, что ключевую роль в мобилизации участников протестных акций на раннем этапе сыграли **социальные сети**, то есть «бело-оранжевый» сценарий для Москвы был реализован практически в полном соответствии с уже отработанными механизмами подобных действий на постсоветском пространстве. Снова предоставим слово аналитикам Фонда развития гражданского общества.

«Основную мобилизационную функцию в декабре 2011 года выполняли сообщества – “события” в Facebook и во “ВКонтакте”, в которых пользователи социальных сетей могли заявить о своем намерении принять участие в митинге, а также получить информацию о месте, времени и формате его проведения. Базовой социальной сетью для мобилизации сторонников оппозиции стал Facebook, а “ВКонтакте” использовался как дополнительный инструмент с целью расширения охвата потенциальной аудитории. Создателями и модераторами сообществ выступили журналисты Openspace.ru Илья Клишин и Роман Федосеев.

Стоит отметить, что подобные сообщества под митинги создавались и раньше, однако до декабря 2011 года численность записавшихся на то или иное политическое мероприятие никогда не превышала 2–3 тысяч человек. При этом на митинг 10 декабря на Болотной площади в Facebook записались более 35 тысяч человек, а в сети “ВКонтакте” – около 20 тысяч.

Пик активности в социальных сетях пришелся на митинг 24 декабря на проспекте Сахарова. **В социальной сети Facebook на него записались более 50 тысяч человек**, что стало абсолютным рекордом. Однако уже следующая акция 4 февраля на Болотной площади обозначила существенное падение численности людей, объявляющих о своем участии в

митингах в соцсетях, – в Facebook на нее записались 28 тысяч, “ВКонтакте” менее 10 тысяч человек.

Начиная с марта эта тенденция стала еще более отчетливой. Ни одна протестная акция после президентских выборов 4 марта 2012 года не набрала более 10 тысяч участников в Facebook. 5 марта на митинг на Пушкинской площади записались 8500 человек, а на последний “Марш миллионов” 15 сентября всего лишь 3200. Это в 15 раз меньше количества заявленных участников митинга на проспекте Сахарова».

Таким образом, представленные материалы уважаемых исследовательских центров достаточно наглядно свидетельствуют о том, что основной инструментарий «оранжевых» технологий был апробирован в России в ходе протестной волны зимы 2011 – весны 2012 года. Характерной особенностью этого инструментария, с одной стороны, стало распространение протестных практик из столицы на периферию. А с другой – готовность лидеров **протеста физически противостоять власти**, отражением чего стали события на Болотной площади 6 мая 2012 года.

Однако в конечном итоге «болотный» протест захлебнулся, а само протестное движение раскололось на несколько сегментов, не сумевших впоследствии преодолеть внутренних разногласий.

По мнению авторов доклада «Новая протестная волна: мифы и реальность», основными причинами такого развития событий оказались следующие факторы:

- низкая результативность акций;
- разочарование в оппозиционных лидерах, монополизировавших протест и использовавших его для решения своих личных политических задач; в течение зимы 2011–2012 годов оппозиции так и не удалось сформировать единую политическую платформу и сделать ее фундаментом долгосрочных протестных действий;
- несоответствие риторики лидеров протеста мотивам и политическим установкам участников акций; лидеры протеста не смогли уловить ожидания митингующих, понять истинную мотивацию их выхода на улицу; «рассерженные горожане» и креативный класс стремились заявить о себе как о новой политической силе, заставить власть считаться с собой и своими интересами, однако риторика лидеров протеста носила чуждый им характер, включая радикальные призывы к революции и свержению власти; результатом стал рост разочарования основной массы протестующих в своих лидерах и самой идее массовых акций;
- модное явление «массовый гражданский протест» достаточно быстро перешло из категории «новинка сезона» в категорию «прошлогодняя коллекция»; после того как мода на участие в митингах прошла, у значительной группы участников митингов, не относящихся к сравнительно узкой прослойке политических активистов, резко и существенно снизилась мотивация для участия в уличных акциях;
- слабость координирующих органов, отсутствие организационной схемы, которая была бы признана подавляющим большинством выходящих на митинги активистов и сочувствующих и обеспечила бы включенность всех этих групп в обсуждение и выработку политической повестки;
- протестное движение не смогло выдвинуть из своих рядов единого яркого лидера, обладающего незапятнанной репутацией и пользующегося всеобщим уважением и авторитетом.

Следует подчеркнуть, что свои выводы из «краш-теста» политической системы образца 2008–2012 годов сделали и органы власти. Был принят целый ряд законодательных новелл, существенно сузивших пространство для маневра специалистам в области подготовки «мягкосиловых» сценариев.

«Меры власти по ужесточению законодательства в отношении свободы собраний и деятельности НКО. Федеральный закон Российской Федерации от 8 июня 2012 г. “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” 9 июня 2012 вступил в силу. Закон ужесточил штрафы за **нарушения правил проведения собраний граждан**: для участников митингов (физических лиц) минимальный штраф составит от 20 до 300 тысяч рублей, а для организаций (юридических лиц) – до 1 млн рублей. Основываясь на этом законе, правительство получило право отказывать в проведении митингов, если организатор планируемого митинга совершал **ранее административные правонарушения в ходе проведения публичных мероприятий.** Таким образом,

значительная часть активистов оппозиции оказалась лишена возможности заявлять массовые мероприятия. Закон предполагает иные ограничения права на свободу собраний (проведение митингов в специально отведенном месте, запрет на ношение масок и пр.).

3 июля 2012 года Государственная Дума РФ приняла поправки к закону “**О некоммерческих организациях**”, ужесточающие контроль над некоммерческими организациями (НКО), финансируемыми из-за рубежа. В соответствии с документом российские НКО, которые получают “денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства” и при этом занимаются “**политической деятельностью**” на территории России, наделяются статусом иностранного агента. Закон обязывает такие организации в явочном порядке обратиться в Минюст с просьбой включить их в соответствующий реестр НКО, а также указывать свой статус при каждой публикации материалов в СМИ и Интернете. За отказ представлять информацию НКО будут облагаться штрафом до 1 млн руб., а злостным нарушителям этих норм может грозить срок до трех лет».

Далее, как пишут авторы, в российском оппозиционном движении разразился «кризис». Думается, что причины этих трудностей можно поискать абзацем выше. Как можно убедиться, такой взгляд безальтернативно увязывает все происходившее в 2011–2012 годах со сценарием «ненасильственной» смены политического режима, теоретические основы и механизмы которого мы рассмотрим ниже.

Таким образом, переходя далее к текущей политической ситуации в нашей стране, зафиксируем две «суперпозиции»:

а) негативный опыт «оранжевых» политтехнологов по обкатке в 2011–2012 годах традиционных «мягкосиловых» технологий;

б) готовность власти бороться с уже выявленными формами подобной активности на основе тщательного анализа соответствующих событий на постсоветском пространстве.

К числу базовых констант следует отнести:

а) жесткое международное давление на нашу страну по основным направлениям внешнего взаимодействия – политического, экономического, культурного, социального;

б) успешную практику государственного переворота на территории соседнего государства с широким использованием подготовленных групп «уличных бойцов»;

в) начало большого электорального цикла, аналогичного периоду 2011–2012 годов.

Соответственно, приведенные предпосылки становятся **существенными факторами риска**, повышающими вероятность апробирования на внутривнутриполитическом поле страны проекции «умной силы» как эволюционного развития традиционных «оранжевых» технологий и сценариев.

Глава 2. Теория

Они считают, что их народ можно спасти действиями кого-то другого. Такие люди делают ставку на внешние силы. Они считают, что лишь международная помощь может оказаться достаточно мощной, чтобы свергнуть «диктатора». <...> Обычно иностранный спаситель не появляется, а если иностранное государство и осуществляет вмешательство, ему обычно не следует доверять.

Дж. Шарп

Убедившись на **реальных примерах**, что западные политтехнологи активно используют механизм «цветных революций» для достижения своих тактических и стратегических целей, мы можем теперь суммировать имеющуюся информацию. Это поможет в дальнейшем при рассмотрении положения дел в конкретной точке России – на Урале.

Итак, «**цветная революция**» – это совокупность методик внешнего вмешательства, направленных на создание и управление имеющимся конфликтным потенциалом внутри того или иного общества-мишени с целью смены существующего политического режима, приводящей к **геополитической и геоэкономической переориентации**. Проще говоря, речь идет об осуществлении «**виртуальной оккупации**». Конечная цель – всегда именно такая. Исходя из определения, нужно обозначить и круг понятий, тесно связанных с механизмом «цветной революции».

Важно, что «цветник» никогда не ведет к смене социально-экономической формации или улучшению положения условного рабочего класса страны. Однако почти всегда приводит к власти компрадорскую «Директорию», связывающую свое будущее с интересами внешней управляющей силы. При плохом варианте процесс усугубляется приходом в легальное политическое пространство еще и откровенных экстремистов, будь то исламисты или фашисты.

Отметим, что подходы к оргработе в данном случае не являются строго догматическими и могут дополняться новыми (ситуативными) методами и способами. Для осуществления «цветных революций» проводятся тщательная длительная подготовка и программирование – от мониторинга обстановки, изучения и тестирования целевой аудитории, например, путем проверки реакции на то или иное событие (в том числе освещаемое в СМИ) до создания различных организаций, фондов и скупки медиаструктур.

Этапы

Анализ показывает, что каждый элемент «цветника» носит самостоятельный характер и тщательно планируется. Научным коллективом ИСИП РУДН выделено **семь основных этапов**, через которые проходит фактически любой госпереворот.

Этап № 1 – подготовительный. Предусматривает определение ключевых игроков и общей расстановки сил, классификацию на «своих-чужих» – сочувствующих, союзников и оппонентов. Тщательное моделирование может занять от нескольких месяцев до 4–5 лет (в зависимости от поставленных целей, активности населения, интенсивности изменения региональной и глобальной геополитической ситуации, контрольных сроков, электоральных ритмов государства). Конечной целью данного этапа являются **отслеживание и каталогизация возможностей оказания влияния** на принятие управленческих решений, а также скрытое противодействие действиям властей, направленным на купирование проявлений возможного социально-политического кризиса. Так как именно этот кризис является материнской питательной средой «цветного» процесса.

Этап № 2 – фактическое распределение ролей. Его цель – разделить политических игроков на тех, кто в итоге должен оказаться «новой властью» (с аккумуляцией вокруг них медийной и силовой поддержки), и на тех, кого отдадут в жертву «революции». Особая роль на этом этапе отводится работе с конкретными **персоналиями**. На сцене появляется когорта активных «борцов с режимом», различных движений и **новых лидеров протестности**. Важное значение придается **личным качествам** как вождей оппозиции, так и существующих представителей административных и силовых элит государства. Изучаются их политические и психологические портреты, деловые качества, контакты и связи, привычки, медицинские показатели. Отрабатываются в том числе **источники получения дохода**. Задача управляющей внешней силы – дать представителям различных сил проявить себя для окончательной классификации на «своих» (для дальнейшей поддержки их действий) и «чужих» (для их устранения «из уравнения»). К этому моменту «свои» и «чужие» должны в значительной степени консолидировать вокруг себя и тем самым «засветить» в политическом поле свои мобилизационные ресурсы. Продолжительность этого этапа – от нескольких месяцев до 2–3 лет.

Этап № 3 – искусственная разбалансировка системы. Основным признаком – резкое, взрывное развитие событий. На протяжении всего этапа осуществляется кумулятивное **нагнетание градуса противоречий** до крайней степени, перевод ситуации к необратимому конфликту («сила аргументов заменяется аргументами силы»).

Раскачка ситуации начинается с одной или ряда потенциально активных и наименее защищенных групп общества, например студенчества или промышленных рабочих, возможно, различных меньшинств (национальных, сексуальных). Требуется социальная группа, объединенная некой общей, хотя и весьма абстрактной идеей. Часто вначале **внимание** акцентируется на **социально-экономических требованиях**. Как мы помним, на Украине в период первой «оранжевой революции» на передний край противостояния были выведены студенты вузов, где длительное время не выплачивались стипендии. В ноябре 2013 года в Киеве основным ядром протеста стала молодежь, недовольная отказом от европейской интеграции под влиянием проведенной в СМИ агитационной кампании. Уже 8 % «несогласного» населения могут стать критической массой для активного запуска процесса дестабилизации общей социально-политической обстановки в стране.

Этап № 4 – открытый вывод протестующих на демонстрации (здесь это слово очень уместно) для мирного заявления своих требований с целью достижения широкой медийной огласки и создания в остальном обществе ожидаемого ответного резонанса. Технология позволяет спроектировать этот «ответ» в рамках заданных параметров.

Именно в период оглашения оппозиционных требований через СМИ в игру вводятся заранее заготовленные фигуры – **лидеры протестности**, целью которых является **перевод социально-экономической повестки на политический уровень (в лозунгах вместо «даешь!» появляется «долой!»)**.

Данный момент является **наиболее важным** в технологии госпереворота, так как подразумевает **втягивание незадействованных широких масс** в оппозиционное движение. Ярким примером такой трансформации были события 1991 года в Москве. Питательной средой крепнущего «политического протеста» также являются наиболее материально и социально неудовлетворенные слои населения, а для дополнительной мотивации традиционно используются денежные средства и различные иные «бонусы», в том числе обеспечение продуктами питания, спиртным, одеждой и т. д.

Часто используемым методом «разогрева» масс, привлечения новых участников и их объединения становится использование элементов шоу, зрелища (концерты, флешмобы), которые создают эффект безопасной **«игры в революцию»**. Здесь чрезвычайно важна роль самых разных неправительственных организаций, фондов, бизнес-структур, осуществляющих прямое финансирование протестных событий. Отметим, что одним из признаков подготовки «цветных» процессов являются ускоренное создание и распространение указанных инструментов. Продолжительность этого этапа зависит от активности лидеров «протеста», их подготовки и опыта и может составлять от нескольких часов до нескольких недель.

Этап № 5 – боевой. Камуфляж «ненасильственности» спадает, и действия оппозиционеров стремительно выходят за рамки правового поля. Представляет собой массовые акции и силовые действия, откровенно направленные на захват государственной власти – госпереворот.

Как правило, этот этап достаточно краткосрочный. Его успех зависит от тщательности планирования и осуществления предыдущих фаз. Опыт прошедших майданов показал, что его длительность составляет от одного дня до нескольких суток. **Результативность этапа зависит от общего числа граждан, выведенных на улицы**, активности и подготовленности лидеров, консолидации действующей власти и наличия у нее политической воли.

В ходе планирования и проведения массовых выступлений применяется **методика сетевой войны**. Ведется создание сетевой структуры, состоящей из многочисленных ячеек, организация подготовительных лагерей и курсов для авангарда оппозиционных движений. Информация распределяется по принципу тоталитарной секты – как можно меньшее количество участников должно видеть всю картину. Соблюдается конспирация. Создаваемые ячейки, как правило, не имеют конкретных лидеров, а только координаторов.

Этап № 6 – легализация внешней управляющей силы. На данном этапе происходит объявление «новой власти» законной. Отличительной чертой является то, что «общество-мишень» находится в состоянии **предельного психоэмоционального шока**. Именно этот период используется для начала формирования «нового руководства» по стандартам и рекомендациям внешней управляющей силы, а также с ее «одобрением» по каналам международных СМИ. Это также стандартный момент для объявления проигравшей стороны вне закона, в том числе с использованием внешних политических ресурсов.

Заключительный этап **№ 7 — возвращение в скорректированное правовое поле (сглаживание)**. Ликвидация, иногда физическая, противоборствующей стороны, перераспределение ключевых государственных постов, построение новой вертикали власти, системы управления государством по новым стандартам. При этом изменения осуществляются в соответствии с рекомендациями и при **экспертной помощи** тех самых «демократических» **организаций**, названия которых столь часто мелькали в нашем тексте несколько выше.

Доступный инструментарий

Чтобы понять, насколько универсальны эти принципы, мы предложили бы для начала вспомнить **классический текст**, описывающий общие принципы борьбы с действующей властью в самые тревожные дни октября 1917 года.

«Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное “восстание, как и война, есть искусство”.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

- 1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.
- 2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.
- 3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. “Оборона есть смерть вооруженного восстания”.
- 4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.
- 5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, “моральный перевес”.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость»¹³⁶.

Теперь кратко опишем универсальные инструменты, способы и приемы оказания воздействия, применяемые в ходе «цветных революций».

Протестная мобилизация. Для достижения поставленной цели одним из условий является постоянная и усиливающаяся активность народных масс. Для этого должен быть выполнен ряд условий:

- создание психологических предпосылок к протесту, уверенности в правоте и навыка антиправительственной активности в рамках выбранной целевой аудитории протеста;
- консолидация активной части выбранных социальных групп через сеть общественных организаций;
- формирование разветвленной и обладающей реальной боевой силой структуры сопротивления.

Важно подчеркнуть, что одной из отличительных особенностей реализации технологии госпереворота является то, что внешней управляющей силе не нужно выстраивать полноценную рабочую программу снабжения протеста. Инструментом запуска всего процесса становится создание децентрализованной **сетевой структуры**.

Сеть создается следующим образом: подготовительные лагеря готовят несколько сотен активистов – это авангард будущего протеста. Каждый из них собирает ячейку из еще нескольких десятков человек, чтобы общая численности «боевого» резерва достигла нескольких тысяч человек. В активных фазах лидеры актива будут координировать массовые выступления, в том числе выведут протестующих к заранее определенным объектам. На базе таких лагерей проводятся семинары с сотрудниками соответствующих зарубежных фондов и организаций, специализированных на потоковой «смене режимов». Параллельно через запуск курсов «оппозиционного» актива готовится штат избирательных комиссий и «протестных» наблюдателей.

Подмена и перехват лидерства. Замена действующей власти через блокирование ее кандидатов в смысловом информационном поле в рамках электорального цикла – также один из приемов описываемой нами технологии. Необходимым элементом подготовки становится выдвижение яркой кандидатуры лидера «нового типа» – медиавождя оппозиции. Сформировать такой искусственный образ гораздо проще и значительно менее финансово затратно по сравнению с созданием образа классической партии или политического движения (имеющих обычно разветвленный партийный аппарат, партийного лидера, постоянное членство и источники финансирования). Именно поэтому западные политические технологи стремятся повсеместно избавляться от парламентских форм правления с переходом к личностным, президентским (это наглядно видно на примере государств СНГ).

Создание «антинародного», или негативного, имиджа легитимной власти. В отношении действующей власти формируется образ «врага народа», «душителя свободы», снимаются социокультурные барьеры и базовые поведенческие нормы. Суть – в так называемой десакрализации, которая достигается через самые разные инструменты воздействия: от

фальсификации истории (как древней, так и современной) до производства политических мемов в Интернете.

Манипулирование общественным сознанием. Здесь отдельный интерес вызывает феномен использования маркетинговых технологий **брендинга** для маркирования политической «протестности».

Особое внимание нужно уделить механизмам, базирующимся на создании массива «оппозиционных лозунгов», которые апеллируют к самым широким слоям общества и обещают быстрое решение острых социально-экономических проблем. При массивном воздействии, особенно когда налицо очевидные всем объективные предпосылки недовольства, которые есть в разных пропорциях в любом обществе, такая агитация успешно распространяется и находит поддержку у населения. Практика показывает, что тщательно спланированная и профессионально осуществленная пропагандистская обработка оказывает крайне высокое психоэмоциональное воздействие на нужные политтехнологам слои общества. Более того, люди, разогретые популистской риторикой, быстрее готовы жертвовать своими моральными установками, долгосрочными интересами, а иногда, когда в дело вступает эффект толпы, и собственной жизнью. В тех или иных социальных стратах причины недовольства могут быть различными и даже вовсе разнонаправленными, но при грамотном подходе и удачном развитии ситуации **раскручивание демагогических^[37] лозунгов** позволяет условным оппозиционерам создавать в массовом сознании **синхронное стремление к протесту с единым вектором**. Здесь можно говорить даже о самых благополучных группах («хипстеры», «недовольные горожане»), которые заведомо станут главными проигравшими от свержения действующей власти и обрушения существующей социальной системы.

Часто самым простым способом становится вброс в общественный дискурс, вживание в его ткань простых и ярких стереотипов. Которые при этом должны быть максимально созвучны вечным истинам: «за все хорошее против всего плохого», «свобода лучше несвободы», «хорошие “мы” против наших плохих врагов». Данный подход – основа всех «бархатных», «цветных» и других бутафорских «революций». Вспомним только некоторые примеры таких стереотипов: «демократия против тоталитаризма», «народ против преступной власти», «народ против жуликов и воров» и т. д.

Символы. Непременным атрибутом «цветного» госпереворота является конструирование революционных символов, которые призваны быть инструментом сплачивания и взаимной идентификации организаторов и адептов «протеста». Проектировщики «цветных» протестов всегда уделяют этой стороне дела особое внимание, в том числе потому, что этот элемент позволяет параллельно симулировать и особую «революционную» мифологию.

Здесь уместно вспомнить, что всякий символ, во-первых, есть живое отражение действительности, во-вторых, подвергается той или иной мыслительной обработке, в-третьих, **становится острейшим орудием переделывания самой действительности^[38]**.

Технологически важными качествами любого протестного символа должны быть узнаваемость и простота его изображения на любых носителях или поверхностях. В анналы истории вошли сербский «сжатый кулак», грузинская «роза», киргизский «тюльпан», украинский «оранжевый», болгарская «V» («**Victory**»^[39], «два пальца вверх»), российская «белая лента» и т. д.

Вот как описывают суть «символизма» деятели сербского «Отпора»: *«Символ важен, чтоб достичь единства, дать людям впечатление, что они все находятся под одним зонтиком. В 2000 году перед выборами мы всех свалили в одну кучу под общим флагом: монархистов, республиканцев и националистов, левое и правое крыло»^[40]*.

Лозунги. Частным случаем символики в области семантики являются лозунги. Их смыслы должны быть однозначны, персонально направлены и понятны всем без исключения группам населения. Их энергичный строй должен рождать в сознании уверенность в неизбежности победы. Чаще всего они строятся на формуле «Сербия без Милошевича!», «Украина без Кучмы!», «Киргизия без Акаева!», «Грузия без Шеварднадзе!», «Россия без Путина!». Этот принцип использовался также в Азербайджане, Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, странах арабского Востока, а теперь и в США^[41].

Создание «революционного анклава». Этот принцип имеет два масштабных уровня. **Тактический:** организаторы протестных выступлений, оппозиционные партии и

поддерживающие их группы граждан (в том числе специально тренированные «бойцы» из радикалов всех мастей, от футбольных ультрас до «клинических непротивленцев») обеспечивают территориальный плацдарм для расширения и закрепления власти оппозиции. Чаще всего такими зонами повышенной протестности становятся крупные площадки, открытые вблизи административных зданий в столице государства. Сразу заявляется, что на территориях анклавов власть легитимного президента де-факто не признается. Второй **стратегический** уровень: оппозиционеры при наличии условий и возможности стремятся вывести из-под управления центральных властей целые города и регионы со специфическими этно-конфессиональными, социально-экономическими или любыми другими особенностями. От этих «баз» развивается дальнейший процесс свержения власти. Бывает, что именно из этих зон комплектуется (например, завозится автобусами) основная масса протестующих. Ярким примером такого подхода могут быть Киргизия и Украина.

Непризнание итогов выборов. Это визитная карточка технологии госпереворота. Протестные выступления такого плана начинаются внешне стихийно, но носят целенаправленный и подготовленный характер, причем первый акцент всегда делается на показательно ненасильственном противостоянии с легитимной властью.

Однако, без сомнения, заранее и скрытно готовятся группы силового воздействия. Тактическая цель – сделать власти заложниками ситуации, так как силовое (*undemocratic*) разрешение конфликта непременно дискредитирует правящую элиту в обществе. В идеале создается ситуация шахматного цугцванга, когда любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции. Часто к концу «постэлекторального» этапа «цветной революции» становится наглядной нерешительность власти, а также отсутствие стратегии действий в кризисной политической ситуации. Задачей оппозиционеров является подталкивание властей к диалогу на условиях внешней управляющей силы (которая иногда проявляет себя активными заявлениями в глобальных СМИ), согласие на уступки. Вступление власти в переговоры фактически легализует действия и требования несистемной «контрэлиты», ведет к поэтапному отторжению народом «дискредитированных» представителей власти с последующим их свержением. Итоги выборов становятся предметом закулисной политической торговли, а значит, граждан фактически лишают права выбора, но этот факт скрывают декорациями демократических процедур.

Формирование «справедливой доказательной базы». Важным пропагандистским элементом процесса перехвата власти, который благодаря СМИ подогревает коллективное бессознательное масс, является конструирование для оппозиции образа борца за справедливость. В целях легитимизации своих позиций применяется весь арсенал сил и средств, в том числе заведомо **сфабрикованные подходы**, такие как оперативные вбросы непроверенных, необъективных или промежуточных результатов, проведение экзит-полов, распространение через СМИ оценок ангажированных иностранных наблюдателей. С помощью подобных комбинаций официальные результаты ЦИК уже не воспринимаются значительной частью социума, более того, власть ставится в позицию ответчика.

Происходит намеренное формирование в массовом сознании уверенности в «неминуемой победе». Она при этом может быть ничем не мотивирована, например сайт кандидата Ющенко был экипирован бегущей строкой «**До победы Ющенко осталось... 30... 20... 7 дней**». Все это сильно напоминает техники нейролингвистического программирования и другие техники манипулирования сознанием, приводящие массы в режим управляемой экзальтации. Юлия Тимошенко, например, заявляла: «**Оранжевая революция станет эпидемией свободы по всему миру!**»

Одновременно в коммуникационную среду и в сознание сотрудников сил безопасности постепенно внедряется мысль, что «против народа» применять насилие нельзя и что «народ победить невозможно». Такая прямая **подмена понятий** при аргументации тех или иных действий – весьма специфический маркер технологий госпереворотов.

Блокирование работы государственных органов, сетей связи, интернет-ресурсов, СМИ. В целом смысл этого механизма полностью соответствует старой ленинской формуле: «*Чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову*»^[42].

Конечно, за прошедшее время системы управления и обмена информацией значительно усовершенствовались и разрослись. С одной стороны, информатизация вовлекает в свою орбиту

все большее число людей, облегчая задачу управления, а с другой – **государство впадает в неизбежную зависимость от самих коммуникационных каналов** (электростанций, почты, телеграфа, радио, телевидения и Интернета), блокирование которых парализует опору правительства – спецслужбы, армию и флот^[43].

В условиях боевой фазы госпереворота (вооруженного восстания) органам государственного управления приходится оперативно принимать большой объем экстренных и неординарных решений. Блокировка нервной системы госаппарата в этом случае значительно упрощает оппозиции достижение ее целей.

Особенно важно отметить, что полноценный «второй фронт» борьбы ведется в плоскости электронных СМИ, блогосферы, пабликов. Используются инструменты кибервойны, в том числе хакерские атаки на правительственные серверы, сервисы государственных СМИ, известные как DDoS (англ. Distributed Denial of Service – «распределенная атака типа “отказ в обслуживании”»). DDoS-атака – это умышленная акция для вызова сбоя в работе серверов или сетевого ресурса с целью сделать его недоступным для пользователей. DDoS-атаки проводятся с использованием множества удаленных компьютеров и интернет-соединений, которые могут быть глобально распределены, то есть находиться в любой точке земного шара.

Феномен **«сакральной жертвы»**. Классическая, чистая модель «цветной революции» считается условно ненасильственной. Заметным исключением являются действия **«неизвестных снайперов»** (которые были выявлены почти во всех революционных событиях в странах СНГ). Они часто используются для эскалации конфликта, когда накал эмоций начинает сам собой спадать (особенно если противостояние затягивается) или когда действующей власти удается нащупать внятные пути примирения с оппозицией до момента достижения ею поставленной цели. Тогда применяется сюжет «сакральной жертвы» – **«власть убивает народ»**. После появления «сакральной жертвы» события, как правило, приобретают лавинообразный характер.

Глава 3. Некоторые общие особенности

Полный набор перечисленных приемов был тиражирован при планировании и проведении госпереворотов в странах СНГ, а также других точках мира. Безусловно, в каждом конкретном случае инструментарий использовался творчески, но в совокупности можно было наблюдать вполне универсальный набор и последовательность шагов. При этом достаточно высокая **шаблонность** осуществления подобных «псевдореволюционных» преобразований может привести и к значительному снижению их эффективности. Так, излишняя стереотипность в подходах армянской оппозиции во время попытки свержения власти в феврале 2008 года позволила предпринять адекватные и своевременные контрмеры, тем самым предотвратив успех «цветного проекта» в Армении.

Вместе с тем стремительное развитие современных «гуманитарных технологий», связанных даже не с манипуляцией массовым сознанием, а с проектным созданием нужных массовых миссидеформ через широкий спектр информационных каналов, создает благоприятную среду для дальнейшей деятельности различных экспертов и организаций по **разработке и апробации новых форм и методик более тонкого** внешнего манипулирования общественно-политическими процессами. Как представляется, на ряде **наиболее опасных для России особенностей «цветных революций»** имеет смысл остановиться подробнее.

Поражение элиты когнитивным оружием

Одной из важных функций государства как общественного института является защита территориальной целостности и собственных граждан от внешних и внутренних угроз, включая межгрупповое насилие в социальных, межэтнических и религиозных конфликтах, от преступности всех видов, от стихийных бедствий и т. д. Все это в свою очередь связано с понятием **монополии государства на применение силы**.

Утрата ее, даже в незначительной степени, является ярким признаком разрушения государственности. Как уже много раз отмечалось, одной из отличительных характеристик «цветников», которая используется оппозицией, является их условно ненасильственный характер или как минимум **создание достоверной иллюзии** безопасного, мирного развития событий у подавляющей части их участников (впрочем, данный тезис становится все более сомнительным, если анализировать, например, поведение «арабской улицы» или фашиствующих боевиков в

ходе последних попыток госпереворотов). «Непротивление» формально нейтрализует главный инструмент, которым государство располагает для отражения внутренней агрессии, – его силы правопорядка. Ненасильственный подход со стороны оппозиции обманывает иммунную систему власти – ее способность видеть угрозы – и служит средством «анестезии» на первых этапах мятежей.

Поэтому во всех странах, например, постсоветского пространства первоначально была проведена **перестройка** – так называемый отказ от условного «тоталитаризма» в политической сфере и от «планирования» в сфере экономики. Это привело к попыткам лидеров новообразованных государств искать «демократическое» решение любых конфликтных ситуаций и к отказу от силового их разрешения. Однако неготовность эффективно противостоять напору толпы, разогретой проблемами «переходности» и внешними политтехнологиями, **парализует волю государственной системы**. Теряется осознание национальных интересов, а второстепенные вопросы работы с оппозицией становятся более существенными, чем выполнение стратегических задач государства. Доходит до полной **потери рациональности** в заявлениях и поведении политиков, обличенных ответственностью и полномочиями. Происходит **добровольный отказ** даже от обязанности применить силу ради сохранения конституционного порядка и безопасности населения.

Кроме того, иллюзорно ненасильственный характер борьбы оппозиционных сил не только ведет к дискредитации существующего госаппарата, но и раскалывает общество (и даже сам госаппарат) вплоть до состояния фактической гражданской войны. При этом, когда власти реагируют несоразмерным насилием, значительная часть общества начинает активно сочувствовать «революционерам».

Заметным маркером периода, предшествующего «переворотному» кризису, является последовательное **формирование в массовом сознании негативного отношения к силовым структурам**, в частности к вооруженным силам страны, которые остаются последним институтом реальной власти, способным к организованным действиям в случае, когда кризис становится неуправляемым. Параллельно осуществляется и морально-психологическое давление на военнослужащих, проводится линия на снижение их социального статуса и мотивации к исполнению служебных обязанностей.

Особо необходимо отметить **роль силовых структур в успешных «цветных революциях»**. В большинстве подобных случаев силовики либо сохраняли дружественный нейтралитет, либо в ответственный момент переходили на сторону «восставшего» перед административными зданиями в столице страны «народа».

Причины такого поворота событий понятны:

1) как правило, приходится констатировать тяжелое социально-экономическое положение личного состава силовых ведомств в странах, дозревших до «цветной революции»;

2) нужно учитывать обязательные предупреждения со стороны внешних управляющих сил о недопустимости применения «репрессивного аппарата» и о персональной ответственности руководства страны за возможные жертвы. А после показательной расправы над лидером Ливии такие предупреждения будут все более действенными. Эти предупреждения особенно действенны для «компрадорской» части правительства и правящей элиты;

3) нельзя забывать и об активной деятельности иностранных держав по привлечению сотрудников силовых ведомств к участию в различных «совместных мероприятиях». Так называемый «обмен опытом» или «тренинги». Это помогает проводить обязательный **предварительный анализ активности силовых структур**, позволяет спецслужбам получить четкое представление о морально-психологическом состоянии личного состава, возможностях по противодействию протестным выступлениям, решимости выполнять приказы своих командиров или политического руководства. На основе полученных данных достаточно точно можно **прогнозировать поведение личного состава** (от рядового до старшего командного) в ходе реализации технологии госпереворота, а также осуществлять психологические и информационные операции по блокированию деятельности силовиков. На Украине это касалось в том числе ознакомления с приемами и тактикой «Беркута», **разработки контрмер** и передачи этой информации боевикам майдана.

Отдельная и, может быть, куда как более серьезная составляющая «когнитивного поражения» – «**смысловая перепрошивка**» **руководящих элит**. Здесь точную, на наш взгляд, оценку дает академик Сергей Глазьев. Прочитируем его мысль целиком.

«Часто применяемым способом решения этой задачи является вытягивание руководителей первого уровня из национальной среды общения в международную с навязыванием им обаятельных иностранных и уже подготовленных национальных “лучших в мире” экспертов и консультантов.

Этот способ великолепно сработал в отношении Горбачева и Ельцина, “новым мышлением” которых манипулировали специально подготовленные на Западе эксперты при изоляции авторитетных отечественных ученых и специалистов. Он сработал также в отношении Януковича, сознание которого манипулировалось американскими советниками, а на последнем этапе – непосредственно лидерами западных стран.

Понимание технологии поражения сознания когнитивным оружием не дает от него автоматической защиты. Даже весьма умные, честные и порядочные люди, обладающие большим жизненным и политическим опытом, могут стать объектом поражения. Ярким примером его успешного применения является наше собственное политическое сознание, в котором легко путаются причинно-следственные связи.

Оценки и рейтинги, фабрикуемые американскими институтами, исходя из своих интересов, воспринимаются как истинные вопреки объективной реальности. Объективно провальные результаты макроэкономической политики выдаются за большие достижения, а ответственные за катастрофические последствия своих решений лица объявляются лучшими в мире министрами, банкирами, специалистами, самыми влиятельными и умными людьми.

И, как ни странно, это до сих пор работает. Развернутая американцами сеть агентов влияния по-прежнему формирует макроэкономическую политику, подставляя Россию под удары ведущейся США валютно-финансовой войны. И хотя ущерб от проводимой под руководством американских агентов влияния макроэкономической политики уже намного превысил материальные потери СССР вследствие немецко-фашистской агрессии, они пользуются неизменным доверием и продолжают определять экономическую политику государства»^[44].

Таким образом, «**перекодированная**» **часть национальной элиты**, как мы видели выше на конкретных примерах, тоже становится инструментом «оранжевого переворота».

Применение информационной составляющей

Одним из фундаментальных следствий развития **информационных технологий** стало снижение уровня и, соответственно, значимости в жизни общества логики, критического мышления, объективного научного подхода. Этот постмодернистский эффект, когда мнение становится важнее знания, отмечается повсеместно. А регулярные всплески различного рода псевдонаучных учений и популярность «эзотерического», тиражируемого СМИ, тоже, как говорится, показатель.

В наши дни каждому совершенно очевидно, что СМИ, особенно в сетевом сегменте, обладают гигантской властью. Те **объемы информации** и информации об информации, которые ежедневно перекачиваются по информационным каналам, дают возможность их «владельцам» не просто сообщать новости – они формируют картину мира, **создают отражения реальности**, на которые ориентируется основная масса населения во всем мире.

Поэтому информационные операции, даже **информационная война**, стали одним из ключевых атрибутов «цветных» госпереворотов и любых современных военных конфликтов, обязательным компонентом их подготовки и проведения. Частично именно в этой связи мы можем говорить об их **гибридном** характере. Так, из бюджета США на соответствующие разработки в информационной сфере ежегодно отчисляются миллионы долларов.

Важнейший аспект информационных кампаний – **информационное воздействие в первую очередь направлено на наименее образованные и наиболее молодые слои общества**. Их гораздо легче объединять в стихийные, но организационные структуры. Не менее важная подготовительная задача – общее упрощение структуры личности в рамках того или иного общества. Она является промежуточной целью организаторов «цветных революций» и ведет к стандартизации когнитивного потенциала, ограничению индивидуального и разрушению интеллектуальных способностей личности.

Информационный поток обращен не к *ratio* аудитории, а к бушующей стихии **эмоционального**, формируется стереотипное, упрощенное представление об окружающей действительности, а значит, искаженное понимание происходящих событий. **Формируемые стереотипы** — не что иное, как продукт манипулирования массами и пропагандистского воздействия.

«Производство идеи, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей»^[45].

Так было раньше, а в современных обществах специализированные «фабрики мысли» готовы продавать идеи и их внедрение. Стереотипы – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Однако нужно отдавать себе отчет в том, что сегодня посредством **формирования стереотипов** сознание людей выходит из-под их непосредственного контроля, а также одновременно и влияния национальных институтов. Массовое сознание **глобализируется** везде, если не брать в расчет «неконтактные» общества в глухих районах Амазонки, Новой Гвинеи и других подобных местах.

Молодежные организации

Во всех госпереворотах «цветного» типа молодежные организации сыграли уникальную роль, фактически стали **«пехотой»** этих событий. Все **массовые акции** с участием гражданских лиц проводились в основном за счет подключения молодежи (студентов, а иногда и школьников). Молодежные организации выводили на улицы десятки тысяч человек, способных **противостоять силовым подразделениям**. Характерно, что массовое участие студенчества везде формировало вокруг происходивших событий яркий **внешний образ «революционности»**, а также лишало власти возможности активно реагировать на массовые беспорядки (тезис **«они же дети»**). Другая причина привлечения молодежи – это наиболее пассионарная, критически настроенная и при этом самая неустойчивая в идеологическом плане часть населения.

Также важно отметить структурное и типологическое сходство всех молодежных формирований, участвовавших в госпереворотах. Их создание и поддержка были важным элементом технологической цепочки внешней управляющей силы. Необходимо отметить, что до **самостоятельной роли** молодежные организации никогда **не допускались**, наоборот, они стали удобным объектом для **использования другими оппозиционными силами**.

А события на Украине в ходе «майдана 2.0», не упомянуть о котором здесь тоже невозможно, лишь полностью подтвердили, что именно в **задействовании молодежи** (любыми средствами) внешняя управляющая сила видит основной залог эффективности тех или иных протестных выступлений.

Разжигание этнических противоречий

Этот элемент «мозаики» также является одним из важных и возможных инструментов технологии госпереворота. Задача – сплочение **наиболее радикально настроенных групп населения** на основе национальной принадлежности, а также придание им статуса активного участника движения. К таким группам, например, можно отнести УНА-УНСО, «Правый сектор» и организацию «Тризуб» на Украине, «Национальное движение» в Грузии, «Фронт национального спасения» в Румынии, «Гражданский форум» в Чехословакии и т. д.

В большинстве своем отличительной особенностью подобных движений на территории постсоветских государств является их **антироссийская или напрямую антирусская направленность**. Так, например, базисом предвыборных тезисов В. Ющенко в ходе первой «оранжевой революции» стали откровенно антироссийские тезисы о том, что «украинцы живут плохо из-за России», о «тайных планах вторжения российских войск», о том, что «Украина кормит всю Россию». Второй майдан в этом смысле стал апофеозом оголтелой антироссийской истерики (как политического инструмента) – теперь, по версии киевских властей, Москва покушается на суверенитет и независимость страны. В целом подобные тезисы используются и до настоящего времени на Украине, на Кавказе и в среднеазиатских республиках в рамках информационных кампаний по **пресечению постсоветской интеграции** и, например, в качестве аргументов для вступления в НАТО.

Продвижение бренда «революции»

Процесс планирования «цветных революций», как мы помним, начинается с исследования целевой аудитории. Специалисты определяют степень запроса на общественно-политические изменения (ширину конкретных сегментов), то есть фиксируют социальные группы, которые могут поддержать какие-то оппозиционные силы, а также в целом испытывающие интерес к протесту. Производится **сегментирование общества** и выбор тех его составляющих, на которые политтехнологи могут оказать влияние самым оптимальным с точки зрения сроков, затрат и результатов образом.

Соответственно, одна из главных задач специалистов по продвижению технологии госпереворота – верное определение «своей» общественности, то есть целевой аудитории, и формирование ее общественного мнения, что является непременным условием успеха любой политической кампании.

Сегмент в данном случае – это социальная группа со схожими потребностями и мотивацией. Разделение общества на различные сегменты и их тщательное изучение позволяют в дальнейшем сфокусировать внимание на наиболее перспективных с точки зрения приложения усилий целевых аудиториях. **Сегментирование** – это методика разделения целевой аудитории на отдельные группы по тем или иным критериям. В каждом случае могут применяться различные подходы, деление может осуществляться по возрасту, увлечениям, финансовому состоянию, географическому, демографическому, социально-экономическому, этно-конфессиональному, поведенческому основанию, при этом каждому из названных случаев присущи свои переменные. Для получения всеобъемлющей информации о социальных группах политтехнологи могут выделять сегменты на основе совокупности признаков. Разрабатываются планы создания и доведения бренда (продукции) «цветной революции» до потребителя, а также **стратегия маркетинг-микс** (англ. marketing mix) – комплексного воздействия на массы через бренд. Хорошим подспорьем в такой работе (по мнению ряда исследователей, намеренно созданным инструментом) стали **социальные сети** и технологии **динамического ремаркетинга**.

Профессиональный предвыборный маркетинг стал непременным условием и родовой особенностью «цветных революций». Например, общий кандидат от самых разношерстных оппозиционных сил может предлагаться избирателям как некий единый продукт. Наиболее современной тенденцией является то, что данные технологии были в открытую перенесены и на выборы в западных демократических странах, например, в ходе избирательной кампании во Франции в 2017 году.

Частью брендинга становится различного рода атрибутика: одежда, ее элементы или цвет, музыкальное сопровождение и т. д. В первую очередь деятельность такого рода направлена на **доводку молодежного сегмента**.

Так, музыка сыграла особую роль во многих «цветных революциях». В Югославии был организован концертный тур известных рок-групп под лозунгом «Vreme je!». Этот тур начался за несколько недель до дня выборов (24 сентября 2000 года), и в его рамках в разных городах Сербии было проведено 27 концертов. Заключительный концерт прошел в Белграде за три дня до голосования и собрал 20 тысяч зрителей. А на Украине в ходе «оранжевой революции», например, **рок-концерт на майдане шел непрерывно в течение 14 дней**. «Песни майдана» в основном носили политический характер. Например, гимнами «революции» фактически стали песни «Оранжевое небо» и «Разом нас багато – нас не подолати!».

Продвинутым инструментом политической рекламы в ходе «цветных революций» в свое время стали мультипликация и индустрия компьютерных игр на мобильных устройствах. В полную силу эта технология была внедрена на Украине. В Интернете и на компакт-дисках активно распространялись хлестко сделанные ролики политического содержания, например «Операция проФФесор» (13 серий), в первую очередь направленные против премьера Януковича^[46]. Тут же появился бренд «Веселые яйца», под который стали создавать и компьютерные игры, такие как квест «**Попади яйцом в Януковича и освободи Украину**».

Некоторые геополитические выводы

В итоге, когда мы оцениваем общественно-политические и экономические последствия осуществления «оранжевых проектов», нужно четко отдавать себе отчет в том, что нигде и никогда каких-либо прорывных позитивных изменений – повышения соразмерности в рамках

распределения общественных благ, ощутимого роста уровня жизни, улучшения условий беднейших слоев, снятия этнической и конфессиональной напряженности, снижения уровня преступности и т. п. – проектанты не подразумевается. **Внешние силы**, заказчики госпереворота, не занимаются зачисткой коррумпированных элит (что является, по сути дела, ключом к социальному оздоровлению), наоборот – они активно **перекоррумпируют новую власть**, которая становится их послушным инструментом. Во главу угла стратегического плана любого госпереворота ставится смена правящего режима на лояльный с обязательной корректировкой внешнеполитического курса страны. Фактически осуществляется всего лишь ее **геоэкономическая переориентация**.

Если все, что делается в рамках «оранжевых» проектов, не ведет к улучшению ситуаций в странах-жертвах, тогда **какие цели ставят перед собой идеологи борьбы за торжество демократии** во всем мире?

Эксперты фактически солидарны: сегодня на грани смены технологических укладов начался **очередной раунд борьбы за господство**, и одной из основных ее площадок, естественно, выступают страны СНГ. Борьба мировых центров сил (США, ЕС, России, КНР) идет главным образом за доступ к сырьевым и энергетическим ресурсам региона, логистическим путям доставки товаров, внутренним рынкам. В ход идут все средства – политические, дипломатические, финансовые, экономические, информационные, специальные.

Наиболее агрессивно, в силу целого ряда объективных причин, вести эту борьбу за будущее вынуждены США. Разумеется, геополитические и геоэкономические цели, реализуемые в ходе этой игры Соединенными Штатами, а в их лице глобальным финансовым лобби, варьируются от страны к стране. И даже смена руководства в Вашингтоне не может изменить ситуацию в мгновение ока. Прежде всего потому, что коренные интересы США в Евразии остаются неизменными уже многие десятилетия.

В завершение этой главы хотелось бы привести замечательную цитату из опубликованной еще в 1994 году книги американского теоретика «ненасильственных» действий **Джина Шарпа**, высказывания которого уже встречались выше. В работе «От диктатуры к демократии» он честно размышляет о роли иностранных игроков в организации «революций». Об этих выводах всегда «забывают» сторонники привнесения «оранжевого» опыта в Россию.

«Здесь уместно подчеркнуть несколько неприятных моментов, связанных со ставкой на иностранное вмешательство:

- иностранные государства зачастую терпят или даже напрямую помогают диктатуре в целях обеспечения собственных экономических или политических интересов;
- иностранные государства также могут предать угнетенный народ и не сдерживать свои обязательства по оказанию ему помощи в освобождении ради достижения другой цели;
- некоторые иностранные государства будут предпринимать действия против диктатуры лишь для того, чтобы добиться собственного экономического, политического или военного контроля над страной;
- иностранные государства могут активно вмешаться в позитивных целях только тогда, когда и если внутреннее движение сопротивления уже начало расшатывать диктатуру, привлекая внимание международной общественности к жестокой природе режима».

Считаем слова этого без сомнения авторитетного идеолога «цветных революций» важным предостережением для всех, кто готов заигрывать с силами «контролируемого хаоса» на своей земле.

Глава 4. Урал – «опорный край» неслучайно

Воздействие России на весь запад Сибири и на степной центр Азии может и должно совершаться при посредстве Уральского края.

Д. И. Менделеев^[47]

Как уже отмечалось выше, одна из новых перспективных форм действия западных идеологов и организаторов «цветных» процессов в России – это линия **работы с регионами**. Очевидно, успешный опыт Советского Союза дал им понимание, что такие сложные и многоуровневые общества, каким, без сомнения, является Россия, могут быть подорваны только через **дестабилизацию отдельных его частей**. В том числе значимую роль здесь должна играть

деятельность в **национальных автономиях, на приграничных территориях, в важных промышленных центрах** – за пределами условно столичных регионов.

Работа по всем вышеописанным направлениям, в том числе идейное и финансовое спонсирование сепаратизма, формирование компрадорских политических элит, заигрывание с националистами и религиозными фанатиками, – все это нам хорошо знакомо. Ичкерийский опыт вполне четко показывает все нити и закономерности этой жесткой, но эффективной технологии.

Важно, что на втором этапе именно оттуда, **из регионов**, заранее аккумулятивная протестность может быть перенесена в **политический центр**. Такой подход не лишен прагматичной действенности. Тем более что эксперты все более внимательно относятся к повышению активности западных (и не только западных) эмиссаров в российских регионах. Без сомнения, в ходе наступившего длинного электорального цикла такая направленность их деятельности будет одной из ведущих.

Но прежде чем перейти к описанию политического контекста и «цветного» потенциала современного уральского региона, давайте вспомним его историю и постараемся для себя уяснить, почему именно эта часть России попала под такой пристальный взгляд тех сил, которые кровно заинтересованы в том, чтобы наша страна в нынешнем ее виде ушла в прошлое. Обратимся к истории Урала и этапам формирования внутренней сути этой земли. Посмотрим, чем сегодня интересен «опорный край державы», как любят говорить сами уральцы.

Интермедия: исторический обзор

Движение в неизведанное, фронтир, романтика первооткрывателей – эти понятия наполняют Урал особыми смыслами. Поисками чего-то нового, загадочного, таинственного – рубежа, за которым открывается другой мир.

Этот ряд можно продолжать, но главное, наверное, все же представление об Урале не столько как о преграде, разделе, границе, а в первую очередь – как о месте встречи разных культур, цивилизаций, миров. **Точки сборки** двух половин одного целого.

Выставленная в Свердловском краеведческом музее Екатеринбурга одна из древнейших деревянных скульптур с датировкой около 11 тысяч лет, так называемый **Большой Шигирский идол** – зримое свидетельство бездонного молчания уральской истории, наверняка богатой на события и явления, о которых мы, может быть, никогда доподлинно не узнаем. Отгремевшие политические союзы и объединения, неизвестные войны, затерянные лесные крепости – все это пропадает во тьме веков. Нет ни имен вождей, ни каменных руин цитаделей, ни табличек с клинописью. В лучшем случае мы сможем уловить тихое эхо ушедшего мира в немногочисленных артефактах, уцелевших в горниле великих переселений, войн, разрушительных столкновений культур и цивилизаций.

Знаменитые «Уральские ворота» – равнинный проход между Уральскими горами и Каспием – издавна являлись торной дорогой кочевников, устремлявшихся из глубин Азии на запад. Отдельные волны этого людского потока попадали и на Урал, вплоть до южных окраин нынешней Свердловской области, а может, и еще дальше.

Воинственные пришельцы, привыкшие к степному раздолью, оказывались в непривычном ландшафте медлительных рек, текущих среди густых лесных зарослей, в глубине которых то тут, то там возвышались, будто клыки неведомого зверя, скальные останцы^[48].

Что могло привлечь удалых всадников в уральской парме^[49]? Меха, железо, драгоценные и полудрагоценные камни – три товара, которые во многом определили облик Урала как будущей кладовой страны.

На самых ранних этапах изделия местных металлургов (раннее железо на Урале датируется VII веком до нашей эры – III веком нашей эры) могли проделать тернистый путь от горы Думной под Полевским до берегов Черного моря, повторяя маршруты древних воинов – савроматов-сарматов и угров.

Великое переселение народов, перекроившее этническую карту Евразии, в своем движении на Запад затронуло кочевые племена южных отрогов Урала, имевших устойчивые связи с кланами металлургов, обосновавшихся в лесах нынешней Свердловской области. Кто знает, может, копья и стрелы, откованные древними уральскими кузницами, осыпали рукотворным дождем манипулы последних легионов Рима в битве на Каталаунских полях... Это, конечно, фантазия, а не реконструкция.

Несмотря на огромный массив исследовательской работы, начатый еще советскими археологами, огромные отрезки древней истории этой части Евразии пребывают в тени блеска античного мира, оставившего крайне скудные свидетельства о происходящем за пределами известной тогда Ойкумены.

Седой Урал времен Геродота и других античных историков – это край людей, засыпающих на полгода в период суровой зимы и оживающих с приходом короткого лета. По крайней мере, ряд историков считают, что именно об Урале идет речь в следующем пассаже великого грека.

«Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому-то я уж вовсе не верю. Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. Но о землях к северу от исседонов и лысых мы ничего не знаем, кроме того, что они сами рассказывают»^[50].

На то, что античные авторы что-то знали о горах, расположенных где-то посреди таинственной и необъятной Скифии, указывает, в частности, и карта Клавдия Птолемея. На ней изображены некие Норосские и Риммикайские горы, которые некоторые ученые склонны отождествлять с отрогами Южного Урала.

Как бы то ни было, одной из отличительных особенностей освоения Урала стали волны миграции различных этнических групп, проходившие через горы в своем долгом пути на Восток или на Запад.

Любопытным массивом исторических сведений об Урале стали свидетельства арабских географов, упоминавших о таинственной горной стране. Например, средневековые арабские ученые знали страну Югру, находившуюся где-то на самом севере длинной горной цепи.

«Они называли ее также страной мрака, где живет дикий народ юра (югра), торгующий мехами. Он питается мясом, одевается в шкуры и передвигается на лыжах. Еще дальше расстилается море, в котором водится “рыба с клыками”»^[51].

Как видно, восточные путешественники достаточно хорошо себе представляли условия жизни на Северном Урале. И несмотря на суровость климата, выгоды торговых операций оказывались сильнее, чем страх пропасть среди неизвестных «цивилизированному миру» лесов и гор.

Известный из русских летописей как Камень или Каменный пояс, Урал издавна привлекал своими богатствами охотчих людей, авантюристов, торговцев, но не минеральными ресурсами (о них чуть позже), а прежде всего мехами, пушшиной, знаменитой «собольей рухлядью».

Меновая торговля сначала эпизодическая, но по мере формирования централизованного русского государства все более и более системная строилась в первую очередь вокруг тех сверхприбылей, которые отчаянные русские купцы получали, обеспечивая доставку пушнины из сибирских лесов на рынки европейских государств.

Достаточно интересна в этом контексте уникальная археологическая находка, сделанная на *«восточных склонах Народинского хребта в Приполярном Урале, в долине реки Малая Тынагота (Березовский район Тюменской области в пределах Ханты-Мансийского национального округа), в размытой дождем земле, около одной из лиственниц заметили торчащий из земли металлический предмет. Он оказался клинком сабли»*^[52].

Последующие исследования позволили установить, что найденный клинок был выкован на территории современной Армении в XII–XIII веках. Скорее всего, он попал на Приполярный Урал из Волжской Булгарии, поддерживавшей торговые связи с жителями Уральских гор.

Первые летописные упоминания об Уральских горах содержатся в «Повести временных лет» и повествуют о походе новгородских ратников к реке Печоре и далее на север. Эти сведения обычно датируются XI веком. Так, под датировкой 1096 года приводится рассказ новгородца Гюряты Роговича.

«Удивительное мы встретили новое чудо, о котором мы до сих пор не слыхивали... горы, заходяще в морскую луку, им же высота до небес» И далее: в горах тех «высечено оконце маленькое, и оттуда говорят, но нельзя понять языка их, но показывают на железо и махают рукой, прося железа; если кто даст им железо – нож или секиру, то они взамен дают звериные шкуры. Путь к тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, так что не везде доходим до них; есть и подальше путь на север»^[53].

Для понимания исторического контекста: всего лишь за 30 лет до открытия новгородцев герцог норманнский Вильгельм в битве при Гастингсе положил в Англии конец династии саксонских королей.

Есть информация и о других экспедициях новгородцев на Урал и в Югорскую землю – в 1187, 1193 году и позже.

Что это были за походы? Скорее всего, полувоенные-полоторговые экспедиции, отчасти напомиавшие действия отрядов викингов-варягов, проходивших по Руси путем «из варяг в греки» в Константинополь. С тем исключением, что в новых землях не было крупных городов и значительного населения, а значит, не было целей для крупных набегов.

Фактории, временные стоянки, места «немного» обмена пушнины на железо и украшения – все эти явления, скорее всего, были достаточно распространенными по границе Уральских гор. Однако вскоре эпизодические походы сменились более-менее постоянным, пусть и небольшим, притоком славянского населения, уходившего из центральных областей страны подальше от ордынцев и междоусобиц русских князей. Постепенно уральские земли оказались в зоне контроля Новгорода Великого. С укреплением Московского княжества включение Урала в состав единого Русского государства оказалось лишь делом времени.

Первые походы московских воевод в Югру датируются 1465 годом. Именно тогда воевода Василий Скряба объявил югорскую землю по окончании своей экспедиции московским владением. Однако это было формальное заявление – до установления прочной власти Государя всея Руси над Северным Предуральем еще было далеко.

Новый поход состоялся в 1472 году, а уже в 1483-м объединенное русское войско^[54]отправилось на реку Обь. Главное сражение произошло в устье Пельма. Югорские князья признали свою зависимость от Московского государства. Но ненадолго.

В 1499 году Москва была вынуждена снарядить новую экспедицию на Северный Урал для взумления югорчан, усомнившихся в прочности своих связей с Русским государством.

«От Печоры шли воеводы до Камени две недели; и тут развелись воеводы князь Петр да князь Семен Камень Щелью; а Камени в оболочах не видать, коли ветрено ино оболоча раздирает, а длина его от моря до моря. Убили воеводы на Камени 50 человек самоеди, а взяли 200 оленей. А от Камени неделю до первого города Ляпина. А всех по Камень верст шли 4650 верст»^[55].

Деятельность купцов Строгановых и поход дружины Ермака стали завершением длительного процесса по включению Урала в экономическую орбиту Русского государства. При этом основным товаром, получаемым с уральских земель, на тот период оставалась пушнина.

И лишь в период правления Петра I Урал принял облик, который в целом остается неизменным и по сей день, – промышленное сердце страны, кузница отечественного военно-промышленного комплекса.

Холодной декабрьской ночью 1720 года драгуны Уктусской роты встретили присыпанные снегом сани нового горного начальника Василия Никитича Татищева, прибывшего на Урал по «казенной надобности» – в целях изучения рудных месторождений и строительства новых железоделательных заводов.

К тому времени на Урале уже функционировали первые металлургические производства, поставленные Демидовыми – Невьянский, Каменский, Алапаевский заводы и некоторые другие. Однако их продукция не удовлетворяла нужд укрепляющейся молодой России.

В феврале 1721 года близ Уктусского завода началась заготовка стройматериалов. Параллельно с Берг-коллегией согласовывали детали большой стройки – горный начальник предлагал «организовать на новом заводе стальное, проволочное, камнетесное и другие производства, обосновывая выгоды, указывал, что сталь может быть сделана не хуже шведской и даже дешевле»^[56].

Однако задумки Василия Татищева не нашли понимания в центре – пришел ответ, в котором от горного начальника потребовали прекратить стройку. В 1722 году он был отстранен от управления уральскими заводами. Преемником был назначен Георг Вильгельм де Геннин.

Совместно с опальным горным начальником они вскоре возобновили работы по устройству нового города. На строительство вместе с мастеровыми прибыли четыре роты солдат Тобольского полка (500 человек), позже их число возросло почти до 1 тысячи человек.

«Солдаты сооружали земляной вал, бастионы, деревянные палисады и рогатки, копали крепостной ров, помогали в строительстве церкви, конторы горного начальства, офицерских квартир, плотины»¹⁵⁷¹.

Наконец город-крепость Екатеринбург и завод при нем были закончены. Основная часть солдат-строителей отправились к старому месту своей дислокации. Для гарнизонной службы была оставлена лишь одна рота из состава Тобольского полка. В случае форс-мажоров на помощь екатеринбуржцам могли подойти драгуны из Горного щита, где была расквартирована одна рота Сибирского полка.

Довольно скоро ряды мастеровых людей, трудившихся на екатеринбургских заводах, стали пополнять охочие люди из солдат гарнизонной службы. Их дети также зачастую выбирали судьбу мастеровых.

Таким образом, население нового российского города формировалось главным образом из служивых людей, рабочих, мастеровых – Екатеринбург приобретал отчетливо видимый облик города-мастерской. Его жизнь подчинялась ритму заводского дня, а новости горной канцелярии вытесняли из светских разговоров последние сведения из аристократических салонов Петербурга и Москвы. Этот особый дух можно почувствовать в городе и сегодня.

Вот почему огонь Пугачевского восстания, вспыхнувшего буквально в самом сердце России, по своим масштабам для местных жителей был сопоставим с ужасами гремевших где-то далеко на юге русско-турецких войн.

В условиях отсутствия полевой армии войска гарнизонной службы не демонстрировали заметной стойкости в ходе немногочисленных столкновений с восставшими.

Это придало бунту характер настоящего стихийного бедствия – из действующей армии на умирение Пугачева был отозван сам А. В. Суворов, к тому времени уже зарекомендовавший себя в качестве способного и талантливого военачальника.

Впрочем, будущий фельдмаршал опоздал – войска Пугачева были разбиты, сам Пугачев схвачен, и генерал-поручику оставалось лишь препроводить опасного бунтовщика под конвоем и в клетке до Москвы. Путь был непростой – отряд Суворова несколько раз подвергался атакам, в одной из схваток погиб адъютант прославленного командира. Но как бы то ни было, и это поручение государыни-императрицы Суворов выполнил в полном объеме.

А Средний Урал вернулся к своей прежней мирной жизни, подчиняясь единому механизму горного управления и обеспечивая страну первоклассным железом. Клеймо «старый соболю» вскоре стало эталоном отличного качества железа с Урала (и шире – из Сибири, поскольку географическое название Урал закрепилось позже).

По некоторым данным, к 1737 году на долю уральских металлургов приходилось от 1/3 до 1/4 выплавки чугуна в России и до 1/10 выплавки меди. Многие производства приносили колоссальные по временам XVIII века прибыли – до 130 %.

Важной особенностью уральских заводов стало их строительство преимущественно на реках, что было обусловлено производственным циклом, в котором широко использовалась энергия воды. Типичной особенностью таких предприятий стало обязательное наличие плотины и заводского пруда.

Постепенно разведанная рудная база уменьшалась, легкодоступные залежи полезных ископаемых истощались. Соответственно, росли затраты, связанные с разработкой новых рудных полей. Тем не менее объемы выплавки металлов не уменьшились.

Повышение эффективности производственного цикла металлургических производств в Великобритании привело к снижению себестоимости выпускаемой продукции – в итоге уральское железо оказалось по цене дороже английского. Более того, отечественная промышленность не могла переработать весь объем выпускаемого уральскими предприятиями металла.

Это не могло не сказаться на доходности металлургических производств на Урале – их рентабельность снизилась. Появилась необходимость в техническом перевооружении многих предприятий, что требовало значительных затрат. Поэтому процессы модернизации носили во многом косметический характер.

Соответственно, с началом Первой мировой войны и призывом в армию значительного количества заводского населения Среднего Урала существующая система снабжения

металлургических производств углем и древесным топливом ощутимо просела. Это привело к закрытию десятков доменных печей и снижению объемов выпуска профильной продукции.

Кризис власти в империи и революция 1917 года, последующая Гражданская война также не способствовали модернизации и развитию промышленных предприятий Урала.

«За годы революции и гражданской войны (1917–1922 годы) промышленность Урала еще больше разрушилась. Ее валовая продукция составляла всего 15 % от объема 1913 года. Наиболее стремительно падало производство железа и стали, сократившись с 1913 по 1919 год более чем в 10 раз, в том числе за весь 1919 год – в два раза по сравнению с предыдущим годом. Резкий спад наблюдался и в выплавке чугуна – основе уральского горнозаводского производства: в 1919 году на Урале выплавлялось 14 % довоенного чугуна, в 1920–1921 годах – всего 8 % от уровня 1913 года. В 8–20 раз сократилось производство мартеновского металла, проката, кровельного железа, добыча железной руды, прекратилась выплавка меди. Грузооборот Пермской железной дороги уменьшался – с 289 млн пудов в 1913 году до 92 млн пудов в 1921-м»^[58].

Дело исправила индустриализация. В 30-е годы был сформирован современный костяк уральской промышленности – «Уралвагонзавод», Нижнетагильский металлургический комбинат, «Уралэлектротяжмаш», трубные заводы в Каменске-Уральском и Первоуральске, Красноуральский и Среднеуральский медеплавильные заводы, Уральский алюминиевый завод. Вышел на проектную мощность «Уралмаш».

Тогда практически одновременно в Свердловской области строилось более 80 предприятий. Эти перемены затрагивали не только промышленный облик региона – менялись мышление людей, уровень грамотности, отношение к труду, жизненные приоритеты.

За годы трех первых пятилеток производственная мощь Среднего Урала выросла в 10 раз, более чем в 6 раз увеличились объемы производства и валовая стоимость продукции машиностроительной и металлургической отраслей.

Сороковые годы в полной мере проявили силу духа и самоотверженность уральцев.

В первые месяцы войны Урал принял на своей земле более 700 предприятий и заводов, эвакуированных с западных границ СССР. Из них только в Свердловской области было размещено 212 производств.

Как правило, эвакуированные предприятия размещались либо в цехах имеющихся в регионе профильных заводов, либо в буквально смысле слова начинали свою производственную деятельность, так сказать, с хорошо подготовленного нуля. Так, например, на одной из строек Среднего Урала всего лишь за 30 дней было сооружено 12 тысяч квадратных метров новых промышленных производств^[59].

Нижнетагильский завод принял и развернул на своих площадях оборудование 13 заводов, в том числе Московского станкостроительного завода им. Орджоникидзе и Мариупольского броневоего завода. В короткие сроки был налажен серийный выпуск основного боевого танка войны – легендарного Т-34.

«Уралмаш» в Свердловске освоил в своих цехах оборудование эвакуированных Ижорского (Ленинград), брянского «Красного Профинтерна» и других предприятий. И вскоре из заводских ворот потекли на запад эшелоны танков и самоходных артиллерийских орудий, построенные уральскими рабочими.

«Киевский завод “Большевик”, прибывший в Свердловск в августе 1941 г. и первоначально размещенный в помещениях гаража и производственной артели, стал фундаментом будущего гиганта химического машиностроения – “Уралхиммаша”. Киевский “Красный резинщик” и московский “Каучук” составили основу Свердловского шинного завода и завода резинотехнических изделий, начавших производить все виды резиновых деталей для боевой техники»^[60].

Размещение новых предприятий, освоение выпуска оборонной продукции проходили в очень сложных условиях – как бытовых, так и климатических. Однако основной чертой уральского характера во все века было упорство и умение решать нетривиальные задачи. Патриотический подъем, охвативший все общество, обеспечил по-настоящему прорывные результаты.

«Уже в четвертом квартале 1941 г. Урал дал народному хозяйству 62 % произведенного в СССР чугуна, около 50 % стали, более 50 % проката и меди, 100 % алюминия, магния, никеля,

кобальта, около 30 % цинка и основную массу химикатов. На Урале возникли предприятия энергетического оборудования, радиотелефонной аппаратуры, подшипников, кабеля, резинотехнических изделий»^[61].

Непростые задачи были вынуждены решать и уральские металлурги. До войны на Урале не выпускались броневые стали, требующие специальных легирующих присадок. С потерей территории Украины остро встал вопрос по обеспечению предприятий черной металлургии марганцевой рудой – на Урале до войны добывалось лишь 0,7 % союзного производства. Необходимо было значительно наращивать и объемы выпуска «крылатого металла» – алюминия.

Все эти и многие другие неотложные задачи были решены в достаточно сжатые сроки. Облик Урала как оборонной кузницы страны сформировался именно в эти огненные годы. Цифры выпущенной продукции говорят сами за себя.

В годы война на Урале производилось до 90 % железной руды, около 70 % марганца. Такие металлы, как алюминий, никель, хром, платина, добывались только на Урале. Доля оборонного производства в регионе выросла в 6 раз. Уральские предприятия в годы войны выпустили до 40 % всей военной продукции в целом, около 70 % всех танков, в том числе 60 % средних и 100 % тяжелых, три четверти всего стрелкового оружия, не менее половины артиллерийских систем и снарядов. Огромный вклад уральской промышленности в разгром немецко-фашистских войск во многом предопределил послевоенный облик Среднего Урала. Заводские трубы, шахты, железнодорожные пути – все это стало неотъемлемой частью уральского ландшафта. Заповедная дикая парма отступила на север.

Буквально через четыре года после Великой Победы на Среднем Урале начинает работу Уральский электрохимический комбинат в Верх-Нейвинске (Свердловск-44) – самое мощное (из четырех аналогичных) предприятие России по разделению изотопов урана. С 1948 года работает завод «Электрохимприбор» в городе Нижняя Тура (Свердловск-45). А в 1948-м на базе изумрудных копей г. Асбеста создано Малышевское рудоуправление, занимавшееся добычей и обогащением бериллсодержащей руды.

В 1960–1970-е годы Свердловская область уверенно наращивала промышленный и экономический потенциал. На Среднем Урале действовало более 740 промышленных предприятий и 350 подрядных строительных организаций. Индустрия области обеспечивала значительную долю общесоюзного выпуска сырья, материалов и изделий, определяющих развитие народного хозяйства. Продукция с маркой Среднего Урала стала известна в 80 странах мира. Строились новые предприятия, развивались флагманы уральского машиностроения и металлургии, проводилась полномасштабная реконструкция ведущих заводов оборонно-промышленного комплекса Среднего Урала.

И сегодня промышленность Свердловской области оказывает определяющее воздействие на социально-экономическое состояние региона. Свердловская область относится к числу десяти основных регионов с высокой концентрацией производства, на долю которых приходится **45 % производимой в Российской Федерации промышленной продукции**. Доля промышленного комплекса составляет около 32 % в структуре валового регионального продукта (ВРП) Свердловской области^[62].

Наибольшая доля в структуре обрабатывающих производств приходится на металлургическое производство (48 %).

Сегодня большинство предприятий черной и цветной металлургии Свердловской области занимают **лидирующие позиции в российском производстве металлопродукции**.

Отличительной особенностью машиностроительного комплекса Свердловской области является сложность его структуры. В составе машиностроительного комплекса представлены предприятия 18 базовых подотраслей – энергетическое машиностроение, электротехническая и электронная промышленность, приборостроение, атомное и специальное машиностроение, ракетостроение и авиакосмическая промышленность, медицинская промышленность (в том числе медицинское приборостроение), металлургическое, горношахтное и горнорудное машиностроение, машиностроение для химической и нефтяной промышленности, железнодорожное машиностроение и сельскохозяйственное машиностроение, производство машин и оборудования для строительной-дорожной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства, производство подъемно-транспортного оборудования, станкостроительная и

инструментальная промышленность, машиностроение для легкой и пищевой промышленности, промышленность металлических конструкций и изделий, ремонт машин и оборудования.

Кроме того, в Свердловской области в достаточной степени развита химическая и фармацевтическая промышленность, а также лесопромышленный комплекс.

В Свердловской области работают многие крупные компании, бренды которых известны всему миру: «ЕВРАЗ-Групп» (крупнейший производитель стали и металлопроката), машиностроительная «Группа Синара», «Уралвагонзавод», входящий в состав «Ростеха», «Трубная металлургическая компания», группа «СУАЛ», Уральская горно-металлургическая компания (УГМК), «Уралмашзавод», входящий в группу «Объединенные машиностроительные заводы», «Уральский оптико-механический завод», «Машиностроительный завод им. М. И. Калинина», «Уралтрансмаш», «НПО Автоматики» и другие компании.

Регион занимает лидирующие позиции в стране по выпуску грузовых вагонов, буровых установок, магистральных электровозов нового поколения.

Сегодня Свердловская область не только промышленный, но и крупнейший научный, культурный, образовательный центр России. По-научному, кадровому, культурному потенциалу регион закономерно занимает 4-е место в России.

Столица области – Екатеринбург, город с полутора миллионным населением, третий по величине транспортный узел России после Москвы и Санкт-Петербурга. Здесь сходятся 6 федеральных автотрасс и 7 магистральных железнодорожных линий, располагается крупнейший за пределами двух столиц международный аэропорт.

По объему отгруженной промышленной продукции Свердловская область занимает 6-е место в стране.

По обороту розничной торговли – 3-е место, по сумме инвестиций, привлеченных в основной капитал, – 8-е место в Российской Федерации.

По количеству **консульских представительств**, аккредитованных в Екатеринбурге, Свердловская область занимает **3-е место после Москвы и Санкт-Петербурга**.

Урал – настоящие ворота на Восток, в Сибирь, место пересечения транспортных путей, идущих и в меридиональном направлении, то есть с юга на север. Средний Урал занимает уникальное географическое положение, которое предопределяет его стратегический характер для сохранения транспортной связности нашей страны.

Уральский характер

Возможно, именно геоэкономические особенности региона делают его потенциальным объектом для внешних сил, стремящихся повлиять на социальную устойчивость внутри страны.

В частности, наряду с «канонической версией» восстания Емельяна Пугачева, знакомой многим по школьным учебникам или роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка», выдвигаются весьма смелые предположения, что «ужасный бунтовщик» мог быть связан с иностранной агентурой. Правда, в качестве аргументов этой экзотической версии приводят «польской период» жизни Пугачева, а также наличие у восставших денег, выданных турецким султаном.

Как бы то ни было, но очевидно, что Урал и в силу своего географического положения в центре страны, и в силу своей промышленной мощи, и как место пересечения многих транспортных путей оказывается привлекательной территорией для обкатки разных «непрямых сценариев».

В то же время размышления об уральском характере – особенном менталитете жителей Среднего хребта России – показывают, что важной отличительной чертой уральцев является их приверженность государственному началу. Предки нынешних уральцев – работные люди казенных заводов и заводов Демидовых; попавшие сюда из центральной России каторжные, ссыльные, беглые, за несколько столетий царской власти осевшие в этих краях и посчитавшие этот выбор лучшим, чем возвращение на малую родину; рабочие ударныхстроек, эвакуированные с юга и из центра страны во время войны; репрессированные и ссыльные. А еще гораздо менее многочисленные, но наложившие свой очень существенный отпечаток на историю, легенды, обычаи, мировоззрение уральцев предки – старообрядцы, бежавшие «за Камень»; потомки местных автохтонов (вогулов, башкир и т. д.); польские ссыльные; немецкие, голландские, шведские и прочие заморские горные инженеры и специалисты и пр. Действительно, «плавильный котел». Все это наложило отпечаток на менталитет уральцев.

Край заводов, рудников, шахт – то есть тех производств, которые тесно связаны с государством, с государственным заказом, – Урал оказался в буквальном смысле «опорным краем державы». И как бы сложно и с прищуром заводчане ни относились к государству, они отчетливо понимали свою связь с ним.

С другой стороны, издавна Урал был местом больших возможностей для предприимчивых людей, будь то пушнина, золото или драгоценные камни. Поэтому вторая характерная черта жителей Уральских гор – это легкость на подъем, готовность преодолевать любые трудности на пути к манящей цели, с лихвой окупающей все понесенные затраты. Предприимчивость, зашитая в генах, может быть в большей степени развита здесь, чем в других российских регионах.

А вот другая грань. Стремительные и неторопливые реки, глухая тайга и раздолбные лесостепи – дороги первопроходцев, купцов, авантюристов, государевых людей – широко растекались по уральским просторам, подчиняя их своей воле. Отсюда уральское терпение, оттачивающееся вместе с резьбой по неподатливому камню, вместе с бесконечной погоней за ускользающими рудными жилами, вместе с добычей тяжелого железа.

Суровый климат, когда июньский снег не вызывает удивления, а зима с двадцатипятиградусным морозом считается теплой, безусловно, добавил уральцам такую черту, как недоверие. Нельзя верить первому теплу – оно сменится заморозками. Нельзя верить приветливому солнцу – его затянет дождливая мгла. Но это недоверие уравнивается верой в то, что какая бы непогода ни была, она обязательно закончится.

Распорядок дня, подчиненный ритму жизни завода, не только дисциплинирует не хуже армейского, но и дает возможность почувствовать свою сопричастность большому – государственному – делу. Будь то отливка пушечных стволов или прокат стальных листов.

Поэтому патриотизм для Урала – это не фигура речи, а вполне реальный объект, который любой рабочий знает, что называется, до последнего винтика. Ведь он сам собирал трансмиссию этого Т-34 или закреплял погон башни вон того Т-72.

Любая сборка – это не только технология, но и стремление усовершенствовать процесс, сделать его эффективнее. Отсюда знаменитая уральская смекалка, позволявшая за 30 дней запускать завод в чистом поле. А вместе с ней – и острое словцо, умение отстоять свою точку зрения.

Справедливость – еще одно отличительное качество уральца. Проявляющееся в уважении к его профессионализму, оплате его труда, к его человеческому достоинству, к его мнению.

То есть уральский характер – это не только государственность и патриотизм, но и стремление к диалогу, к обсуждению существующих трудностей и проблем. Причем обсуждению открытому и где-то даже резкому.

Именно поэтому и проявления тех процессов, которые обычно ассоциируются с «оранжевыми» технологиями, на Среднем Урале могут казаться более явными, чем в других регионах страны. Не потому, что есть некий «уральский сепаратизм», а потому, что в некотором роде Урал – это срез глубинной России, той, которую ассоциируют не только и не столько со столицами. Но с заводами, производством, государственным заказом, наукой – этими элементами, цементирующими государство. Потому резонанс от «маршей за федерализацию Урала» может слышаться громче, чем от аналогичных акций в европейском анклав страны – Калининграде – или на казачьей Кубани.

Но при всем том есть еще одна черта уральского характера – здравомыслие и прагматизм, которые оказались надежным барьером на пути к созданию Уральской республики.

Интермедия: Уральская республика

Тема российского регионализма, его границ и перспектив, как экономических, так и политических, в силу своей дискуссионности привлекала внимание самых разных экспертов, ученых, общественных деятелей. Наверное, одним из самых ярких примеров, до сих пор будоражащих умы регионалистов и их сторонников, является так и не состоявшаяся в реальности фантазия об Уральской республике.

Если обратиться к истории ее возникновения, то основные вехи этого пути окажутся тесно связанными с общей политической историей нашей страны. В период 1990–1991 годов на территории СССР проходили процессы, позже названные парадом суверенитетов.словно по мановению волшебной палочки злого волшебника, от вроде бы нерушимого «братства народов»

стали отделяться союзные республики, а потом и многие автономные заговорили о собственном суверенитете: «Берите, сколько унесете».

Мечты о самостоятельной внешней и внутренней политике оказались столь притягательными, что под их очарованием рухнули устоявшиеся экономические связи, единая система управления, транспорта, энергетики – тех инфраструктурных проектов, которые должны были намертво скрепить все субъекты, входящие в состав Советского Союза.

Декларация о суверенитете стала поистине «запретным плодом», обрушившим и без того измотанный экономический базис позднего СССР. Контроль над местными экономиками, налоговыми отчислениями в вышестоящие бюджеты, приватизация государственного (союзного) имущества – все это вывело внутреннюю местную номенклатуру на самый верх властной вертикали. Аппетит приходил во время еды. Ожидать при таких «ставках» ее возвращения снова в «общий дом» Советского Союза с его жесткой партийной вертикалью и «табелью о рангах» вряд ли было возможным.

Из Тбилиси, Баку, Вильнюса, Риги, Таллина процессы, происходящие в прежней столице СССР – Москве, казались совсем далекими и «не про нас». И вот уже в первой половине 1990 года о своей независимости объявляют Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия...

Лиха беда начало: к концу 1991 года СССР покинули оставшиеся «пассажиры» общего корабля. И как-то на фоне этих тектонических сдвигов вопросы о государственном суверенитете, который провозгласили многие автономные республики, оказались незаметными. Тем более что о полной государственной самостоятельности и выходе из СССР речи не было – отношения с федеральным центром предполагалось позже урегулировать в рамках отдельных договоров.

Они действительно были заключены. Но этот процесс прошел не так гладко, как предполагалось. Только в марте 1992 года, то есть практически через два года после начала парада суверенитетов, все республики Российской Федерации подписали обновленный федеративный договор.

Особую позицию в этом вопросе заняли Татарстан и Чечено-Ингушетия.

В течение 1993 года велась разработка проекта Конституции Российской Федерации (вступила в силу 25 декабря 1993 года после всенародного голосования). Стоит отметить, что этот процесс сопровождался усиливающимся противостоянием исполнительной и законодательной ветвей власти. А потом и прямым их столкновением.

Поэтому вряд ли стоит удивляться, что на Урале – малой родине первого Президента РФ Б. Н. Ельцина – шел параллельный процесс. Группа юристов-теоретиков и политиков-практиков в целях сохранения большей экономической и законодательной самостоятельности родного края выдвинула идею преобразования Свердловской области в Уральскую республику.

Отметим, что это «предложение» не ограничилось кулуарными обсуждениями и докладными записками – вопросы расширения полномочий Свердловской области в социально-экономической и законодательной сфере до уровня республики в составе Российской Федерации были вынесены в апреле 1993 года на местный **референдум**.

Заручившись поддержкой большинства участников референдума, поддержавших идею провозглашения Уральской республики, в июле того же года Свердловский областной совет заявил о преобразовании Свердловской области в республику. Был запущен процесс работы над ее конституцией.

В октябре 1993 года проект нового документа был завершен. Текст Уральской Конституции был разработан учеными Уральского отделения РАН под руководством профессора А. В. Гайды. Отметим, что в конце сентября – начале октября 1993-го в Москве происходят события, которые в современной историографии называются по-разному – «расстрел Белого дома», «черный октябрь», «октябрьское восстание» и др. Кадры, на которых из танковых орудий обстреливается Белый дом, облетели весь мир.

Тем временем на Урале события развивались не менее стремительно, чем в Москве.

30 октября 1993 года текст Конституции Уральской республики публикуется в «Областной газете» – официальном печатном органе Свердловского областного совета.

31 октября 1993 года документ вступает в силу. Указом № 1 Э. Россель возлагает на себя обязанности губернатора новой республики.

2 ноября 1993 года Э. Россель участвует в заседании Совмина РФ под председательством Б. Н. Ельцина.

5 ноября 1993 года Э. Россель заявляет о поддержке Уральской республики Б. Н. Ельциным.

Через четыре дня, 9 ноября, выходит Указ Президента РФ о роспуске Свердловского областного совета. На следующий день – об отстранении от должности губернатора республики Э. Росселя.

На этом официальная история Уральской республики завершилась. Что касается проблемы регионализма, то в большинстве своем эти вопросы стали предметом обсуждения теоретиков и ученых. Особенно после того, как в ходе октябрьских событий 1993 года на улицах Москвы пролилась кровь десятков, если не сотен людей.

Концепты Калининградской народной республики, Псковской народной республики, Ингерманландии, Поморского края, Идель-Урала, Сибирской республики оказались отброшенными далеко на обочину политических процессов, став уделом маргиналов и несистемных оппозиционеров.

И вот почти через 20 лет после описанных событий тема регионализма снова оказывается **в центре внимания**, причем не только отечественных «теоретиков» федерализма, но также **зарубежных экспертов**.

Для начала немного хронологии.

«10 мая 2013 г. вашингтонский политолог и журналист Пол Гобл дал интервью русской службе “Голоса Америки”. В нем он поделился своими оценками происходящего в России. Гоблу интересен конфликтный потенциал межэтнических отношений в Евразии. В частности, **он исходит из положения о современной России – Российской Федерации – как “несостоявшемся государстве”**. Исходя из этого положения, американец и ждет дезинтеграции и исчезновения навсегда с исторической арены России и русского народа. Он утверждает: “Когда наблюдаешь за процессами в России с удаленной позиции, поражает неожиданный рост регионализма внутри Российской Федерации. Возрождение и усиление сибирской идентичности, восточной идентичности, поморской – на Севере, казачьей – по всему югу России”»^[63].

Буквально через месяц после этого интервью, в начале июня 2013 года, в одном из центров современной либеральной мысли России – **Высшей школе экономики** – проходит научно-практическая конференция **«Какая федерация нам нужна?»**.

Ее организатором выступил фонд «Либеральная миссия»^[64]. Любопытно, что, по мнению некоторых экспертов, указанная конференция являлась продолжением круглого стола на тему «Глобальный сепаратизм как Agenda для XXI века», проведенного фондом «Либеральная миссия» 24 декабря 2012 года^[65].

Среди спикеров июньского мероприятия Высшей школы экономики, любезно предоставившей помещение и свой бренд участникам конференции, присутствовал «регионалист» из Екатеринбурга **Ф. Крашенинников**.

Стоит добавить, что параллельно с научно-публицистическим поиском идеи «федерализма», как уже отмечалось, вдруг стали крайне востребованными «профессиональными» активистами протестных движений.

Речь идет о так называемых «маршах за федерализацию» – Урала, Сибири и т. д. Любопытно, что эти акции обосновывались «от противного»: если жителям Донбасса можно требовать децентрализации Украины и особых условий для восточных регионов, то это является примером для россиян, жаждущих перемен.

При этом в информационном поле на оппозиционных и зарубежных (украинских) ресурсах «марши за федерализацию» широко освещались и преподносились как «движение снизу». Вот достаточно типичный комментарий.

«Наверное, вряд ли стоит рассчитывать на какие-то масштабные манифестации 17 августа. Нельзя забывать, что шествие изначально задумывалось скорее как арт-проект. **Ответ организаторов знаменитых монстраций на лицемерие власти, которая умудряется одновременно вводить уголовную ответственность за призывы к сепаратизму в своей стране и настаивать на федерализации Украины**.

Однако популярность лозунгов, объединивших богатые природными ресурсами Сибирь, Урал, Кубань и Калининград, свидетельствует о том, что **для движения за федерализм настал благоприятный момент**. И здесь нельзя не отметить роль пропаганды. Похоже, **государственным телеканалам наконец удалось убедить россиян в**

прогрессивности федеративного устройства. Пусть и на примере соседней страны, это не столь принципиально»^[66].

«Федеративные марши» не вызвали большого интереса у рядовых обывателей. Их участниками преимущественно стали «кадровые активисты» различных оппозиционных движений, выходящие на разного рода «стратегии 31» и «стратегии 6». В итоге получилось интересное совпадение. Маргинальный протест оказался на прочной «теоретической подушке». Созданной намного раньше, нежели мысль выйти в защиту «5-й статьи Конституции РФ» пришла в голову постоянным участникам «стратегии 6» в августовский день 2014 года в Екатеринбурге. Что характерно, примерно в эти же временные сроки в социальных сетях, осуществляющих направленную пропаганду на российский сегмент Интернета, появляются картинки следующего вида.

С таким подстрочником: «Свердловская область с 4,3 миллиона населения станет независимой. Ее столицей станет Екатеринбург или Нижний Тагил»^[67].

Добавим, что зимой 2015 года американская частная аналитическая структура **Strategic Forecasting Inc. (Stratfor)**, порой неофициально именуемая «теневым ЦРУ», разместила доклад, где было представлено видение развития регионов и ведущих стран мира до 2025 года.

В этом тексте присутствовал в том числе такой фрагмент.

«На западе России Польша, Венгрия и Румыния будут стараться вернуть регионы, которые в разное время уступили России. На юге Россия потеряет способность продолжать удерживать под контролем Северный Кавказ, дестабилизируется ситуация в Средней Азии. На северо-западе Карелия будет искать возможность присоединиться к Финляндии. На Дальнем Востоке прибрежные регионы будут связаны с Китаем, Японией и США более тесно, чем этого хотела бы Москва. В этом суть дела: **открытого восстания против Москвы не будет, но ее неспособность контролировать государство оставит вакуум, в котором будут существовать отдельные фрагменты Федерации**»^[68].

Глава 5. Урал: региональные зоны риска

К сожалению, часто большинство членов групп демократической оппозиции не понимают необходимости стратегического планирования, не привыкли или не обучены стратегическому мышлению. Это нелегкая задача.

Дж. Шарп

Надеемся, что предыдущая глава в полной мере показала всю важность Уральского региона для российской истории, политики, экономики и «духовной географии». А также дала некоторый эмоциональный заряд в отношении тех процессов, о которых речь пойдет ниже. Далее хотелось бы на конкретных примерах рассмотреть те опасные тенденции, которые вырисовываются при внимательном анализе информационного поля Урала, тех сил, которые медленно, но верно работают ради достижения своих вполне конкретных целей.

Как мы видели выше, все ставшие уже классическими примеры «оранжевых революций» достаточно убедительно свидетельствуют в пользу того, что заказчики подобных сценариев раскачки ситуации, то есть создания необходимого фона для развертывания протестных выступлений, используют в своих целях весь спектр общественных и социальных групп.

Тем не менее определенная системность и логика их подключения имеет место быть.

Во-первых, в основе указанных групп чаще всего находится студенческая молодежь и люди до 35 лет.

Во-вторых, эти группы структурированы по кластерам своей деятельности, то есть задействуются не просто любые НКО, а общественные объединения, ведущие работу в целевом проблемном поле.

В-третьих, в силу различной и очень широкой проблематики их текущей деятельности заподозрить эти группы и НКО в некоем общем замысле, координации своих усилий неподготовленному наблюдателю по меньшей мере тяжело.

Так, например, представить совместное выступление сторонников демократических идеалов, правых националистов, сектантов, правозащитников и экологов – задача нетривиальная. Однако, как показала практика, в условный день Д так и происходит.

Наверное, именно поэтому органы государственной власти повсеместно весьма прохладно относятся к разного рода монстрациям, зомби-парадам и фестивалям красок Холи, которые при некоторой фантазии можно рассматривать в качестве тренировок по объединению в одно целое разнородных по своему социальному положению, интересам, уровню образования людей.

Таким образом, создаваемый каркас разного рода НКО и отдельных активистов выступает в качестве несущей конструкции для мобилизации их членов и сторонников в необходимый момент. Чем успешнее действует НКО или общественный активист в легальном поле, тем большее количество сторонников приобретает. При этом абсолютное большинство из них могут быть против каких-либо крайних мер в отношении, например, органов госвласти, что не помешает им выйти на протест следом за тем, кто уже зарекомендовал себя в качестве лидера общественного мнения, человека, чью позицию они поддерживают и разделяют. Ведь таким образом они якобы идут не просто против власти, а за тем, кто уже делом доказал свою полезность и политическую состоятельность.

То есть одним из важных условий успеха протестных выступлений оказывается мотив объединения разных социальных и общественных групп, внешне никак не связанных друг с другом. Об этом, кстати, на основе украинских событий неоднократно говорили и конкретные представители оппозиции.

Из выступлений Л. Волкова:

«Любой народ – это самый сложный конгломерат самых разных людей и слоев. Именно тот факт, что на Майдане оказались и киевские интеллигенты, и львовские ультранационалисты, и донецкие футбольные болельщики, доказывает народный (и, следовательно, законный) характер украинского протестного выступления. Все вместе защищают конституционный строй – так и должно быть. Победят, проведут выборы – и там националисты наберут свои 10–15 %, как в любой европейской стране».

«Отсутствие явного лидера – и при этом (как свидетельствуют многочисленные репортажи) превосходная, очень отлаженная система самоорганизации Майдана – это для меня тоже в первую очередь доказательство того, что одной из сторон противостояния в Киеве является народ».

Из выступлений А. Навального:

«Даже если вы отъявленный имперец, то нет причин заламывать руки при виде Майдана. Ну восстали жители и прогнали президента, вору и узурпатора. А что, это историческая миссия России, поддерживать воров и узурпаторов по всему миру?»

В этой связи если чуть внимательнее присмотреться к спектру общественных движений и организаций, действующих сегодня в Свердловской области, то определенная информация к размышлению, безусловно, появится.

Правозащитный сектор

Правозащитное движение у нас в стране и Свердловской области имеет длительную историю. Были в ней как славные страницы, так и не столь однозначные события.

Трудно не согласиться с тезисом, что правозащитники находятся на самом острие демократических практик, отстаивая в судах права граждан, закрепленные в Конституции и иных нормативных актах. Вот почему статус правозащитника в глазах рядового обывателя приобретает особый ореол. Особенно если такой человек сталкивается с явной, по его мнению, несправедливостью. Дорожные конфликты, имущественные споры, шумные соседи, семейные ссоры – фактически любая сфера повседневной жизни подчинена определенному правовому полю. И в этом плане деятельность правозащитников оказывается действительно необъятной.

Однако следует отличать правозащитника от юриста или адвоката. Поскольку правозащитник по природе своей действует безвозмездно, а юрист или адвокат – это профессия, имеющая свои законы и ограничения, а также финансовое вознаграждение.

Отсюда специализация юристов в определенных сферах права и нарочитая универсальность правозащитников, готовых с одинаковым эффектом отстаивать права автомобилистов и пенсионеров, инвалидов и обманутых дольщиков.

Оставляя за рамками нашего рассмотрения уважаемых в правозащитной среде людей, остановимся на деятельности лиц, активность которых в указанном поле носит несколько другой характер.

Вот, например, **информационно-просветительский центр «Мемориал»**. Согласно уставу, данная организация осуществляет следующие функции:

«Историко-просветительская: восстановление в полном объеме исторической правды о государственных репрессиях в бывшем СССР и других государствах, изучение их причин и последствий; защита прав и свобод человека и гражданина как гарантия недопущения трагедии тоталитарного прошлого».

Благородные гуманистические цели, которые могут вызывать только уважение. Тем удивительнее узнать, что члены центра «Мемориал» (который был оперативно преобразован в екатеринбургский центр «Мемориал») неоднократно участвовали в акциях так называемой «Стратегии б»: шестого числа каждого месяца члены организации выходили на центральную площадь города с портретами «узников Болотного дела». То есть тех, кто 6 мая 2012 года оказывал неповиновение сотрудникам полиции.

Или, скажем, участники «Мемориала» были на митинге против присоединения Крыма к РФ. Где звучали в том числе и такие лозунги: «А ты уже намотал свои кишки на БТР за империю?».

Определенные вопросы вызывает и маниакальное – по-другому не скажешь – стремление екатеринбургского «Мемориала» избавиться от приставки «иностранный агент». Хотя есть судебное решение, где вполне однозначно говорится о финансировании организации по линии уже известного нам фонда **NED**.

Банальный вопрос: если в уставе утверждается, что организация занимается историко-просветительскими функциями, то какое негативное влияние на ее работу может оказать признание факта иностранного финансирования?

А вот если в реальности речь идет о политической деятельности или избирательном, скажем так, прочтении истории, то картинка получается несколько другая.

Вообще, тема «альтернативного прочтения истории» является неисчерпаемым источником вдохновения для архитекторов «цветных процессов». Просто навскидку, что называется, из последнего: героизация образа Бандеры и бандеровщины на Украине, «ленинопад» в центральных городах Украины, пересмотр итогов Второй мировой войны в Прибалтике, где бывшие члены СС ходят на парады и являются «национальными героями», и т. д.

К этому списку можно добавить и мифотворчество по созданию истории «субэтноса» – поморского народа – на северо-западе России. Или, скажем, многочисленные попытки представить российское казачество в качестве особой касты, носителя уникальных традиций и культуры, отличной от всей палитры национальных культур России.

В конечном итоге история оказывается удобным инструментом, позволяющим в буквальном смысле слова конструировать новую реальность, выгодную в конкретный момент времени определенным инициаторам соответствующих процессов.

Какое отношение все это может иметь к «оранжевым» процессам? Прямое. Как представляется, подобное переписывание истории ведет к размыванию национального самосознания, его фрагментизации, что позволяет через отработанные схемы внедрять свою идеологическую парадигму. То есть поражать общество «когнитивным оружием». По принципу *«государство нас обманывало, выставляя героями истории тех, кто такого звания не заслуживает, а значит, верить этому государству в принципиальных вопросах нельзя, снова обманет»*.

То есть, если приглядеться, «историко-просветительские» функции могут быть самыми разными. И использовать их могут в разных целях, в том числе политического плана.

Еще одно направление – **защита прав осужденных**. Это очень специфическая сфера деятельности. Традиционная закрытость Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), географическая удаленность мест заключения, сам характер пенитенциарной системы – все это накладывает отпечаток на характер правозащитной работы в этой сфере общественной жизни.

«Правозащитники Урала» – некоммерческое объединение, специализирующееся как раз на защите прав осужденных. Созданное на базе другой НКО – «Правовая основа», которая по решению суда была признана иностранным агентом.

Установлено, что свердловские правозащитники получали финансирование по линии все того же фонда **NED**. Правда, на действующем ресурсе «Правозащитники Урала» нет ни слова о том, что, по сути, эта организация является преемником «Правовой основы» как с точки зрения кадров, так и с точки зрения методов работы.

Рассмотрим лишь один пример. Летом 2014 года два члена Общественной наблюдательной комиссии устроили голодовку напротив здания ГУ ФСИН по Свердловской области с требованиями отставки руководителей ИК-63 (г. Ивдель), а также проведения независимого расследования по фактам избиения заключенных в данной колонии.

Географически здание ГУ ФСИН по Свердловской области расположено через дорогу от Центрального стадиона Екатеринбурга, который в настоящее время закрыт на реконструкцию в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу в 2018 году. Указанные активисты на протяжении нескольких дней проводили одиночные пикеты напротив здания, а затем решили установить палатку.

В центре Екатеринбурга. Палатку. Рядом с объектом, предназначенным для проведения массовых спортивных мероприятий, а значит, требующим повышенных мер обеспечения общественной безопасности. Строительным объектом. Также требующим повышенных мер безопасности.

И это, отметим еще раз, после нескольких дней одиночных пикетов, которые никто не запрещал. Конечно, реакция сотрудников правоохранительных органов была вполне предсказуемой: палатка была демонтирована, а участники пикета задержаны.

Информационную и юридическую поддержку этим активистам оказывали как раз сотрудники организации «Правозащитники Урала». Соответственно, в региональных и федеральных СМИ прокатился вал сообщений о «задержании правозащитников».

Одним из примеров использования такой достаточно специфичной темы, как защита прав осужденных, может служить фрагмент текста М. Эйсмонт, опубликованного в газете «Ведомости» и посвященного как раз деятельности «Правозащитников Урала».

«Сегодня на фоне первых российских авиаударов в Сирии особенно неловко сообщать что-то вроде “пытки в уральских колониях, о которых вы, конечно же, знаете давным-давно, по-прежнему продолжаются”. Разве же это новость? “Только добром надо отвечать на зло, и тогда добра будет больше”, – говорит Лариса Захарова, одна из самых активных членов свердловской Общественной наблюдательной комиссии (ОНК). Вместе с коллегой Ольгой Диановой год назад они поставили раскладушки к управлению ФСИН по Свердловской области и объявили голодовку, привлекая внимание к пыткам в колонии № 63 в Ивделе. “И чего вы добились?” – спрашиваю. “Раньше в колонии все молчали и смотрели в землю, а после нашей акции начали разговаривать”, – отвечает она»^[69].

Как известно, возможность дополнительного заработка – хороший стимул для активности в самых разных направлениях. А если данный приработок доступен только для отдельных, так сказать, уникальных в своем роде людей, то удивляться их присутствию в указанной сфере деятельности, наверное, не стоит.

Поэтому, конечно, членство ряда уральских правозащитников в общественном объединении «Сутяжник» – это не повод для удивления. Как, впрочем, и **финансирование** этой организации из посольства Великобритании, о чем есть соответствующая запись в реестре Министерства юстиции РФ. Тем более что сотрудники этой правозащитной структуры неоднократно занимались защитой прав граждан не где-нибудь, а в **Международном суде по правам человека**. И иски вроде «Х против Российской Федерации» здесь в порядке вещей.

Удивление вызывает другое. Члены «Сутяжника» являются сотрудниками и других правозащитных структур. Поэтому «Сутяжник» для них может рассматриваться в качестве ресурсного центра. А назначение ресурсного центра может быть разным.

Например, может сложиться и такая картина. Есть некая правозащитная организация Y, получающая финансирование по линии какого-нибудь NED или USAID. И есть руководитель/сотрудники этой организации Y, которые одновременно являются членами ресурсного центра Z, который, в свою очередь, финансируется посольством какой-нибудь европейской страны.

Экологическая проблематика – традиционный объект пристального внимания со стороны соответствующих правозащитных структур. Достаточно вспомнить «борьбу» Евгении Чириковой за Химкинский лес, которая странным образом трансформировалась в избирательную кампанию ее имени на пост главы администрации Химок. И завершилось предсказуемым поражением и последующим вручением награды в Государственном департаменте США.

Или вот, допустим, активность членов «Гринписа» около российских нефтедобывающих платформ в океане. Хотя, к примеру, многочисленные происшествия в Мексиканском заливе, в том числе с разливами нефти, казалось бы, требуют как минимум такого же пристального мониторинга.

Принимая во внимание тот факт, что Свердловская область является местом концентрации значительного количества промышленных предприятий, экологическая проблематика становится достаточно привлекательной для разного рода правозащитников и общественных объединений, стремящихся не столько привлечь внимание к конкретной ситуации, сколько заработать на этом определенный политический капитал.

Достаточно характерным сюжетом в этом плане является деятельность нескольких уральских эоактивистов, связанных с работой предприятия «Русский хром 2015». Указанные лица с большим медийным шумом осуществляли экспертизу почвы и воды в зоне ответственности предприятия. Причем эффективность их деятельности была настолько высокой, что привлекла внимание сотрудников зарубежных СМИ – в газете *The Washington Post* вышла соответствующая заметка «про нашего мальчика».

Следует отметить, что дальнейшая судьба участников этой истории сложилась по-разному. Кто-то сумел войти в состав Общественной палаты Свердловской области. И в этом качестве уже позже был приглашен на тематическую встречу с общественниками в генконсульство США.

Другие избрали тактику бумажной переписки с госорганами, направляя запросы буквально по каждой букве того или иного нормативного акта. Начиная от регламента работы какого-нибудь общественного совета и заканчивая наличием перил на крыльце у магазина.

Правда, к экологическим проблемам такая работа имела уже опосредованное отношение. Но ведь главное – приступить к деятельности правозащитника. А дальше – как пойдет.

Традиционно **выборы любого уровня** привлекают повышенное внимание как граждан, так и правозащитников всех мастей. Особое место в этом ряду принадлежит наблюдателям ассоциации «ГОЛОС», документирующим случаи нарушения законодательства на выборах, оспаривающим результаты голосования и публикующим альтернативные отчеты об итогах выборов.

На территории Челябинской и Свердловской областей действует филиал данной организации – ассоциация «ГОЛОС-Урал». Решением суда признана иностранным агентом (финансировалась из Литвы фондом NDI через его «дочку» – Международный центр обучения выборам (IECS)).

За период своей деятельности в регионе «ГОЛОС-Урал» подготовил сотни наблюдателей для участия в работе избирательных комиссий. В разное время представители ассоциации «ГОЛОС-Урал» выезжали на выборы в другие государства, как правило, по аккредитации Конгресса США. Теневым аспектом этой деятельности является постоянное участие сотрудников «ГОЛОСа» в учебных семинарах, которые проводятся преимущественно в восточноевропейских и прибалтийских государствах.

На этих учениях, как правило, осуществляется доступный и подробный анализ изменений действующего российского избирательного законодательства в разрезе того, какие его нюансы могут быть оспорены или взяты на карандаш с точки зрения прозрачности процедуры.

И разумеется, обсуждаются способы давления на органы власти при подведении итогов голосования.

Очевидно, что наличие таких подготовленных в особом ключе специалистов по избирательному законодательству является важным условием для формирования общественного мнения в нужном направлении – как до голосования, так и по его итогам. Эти люди могут и поддержать результаты выборов, и оспорить их. Широкая огласка, подключение международных информационных ресурсов, судебные споры – это лишь самые явные инструменты по созданию необходимой картинки.

Не менее благодатная тема для правозащитников – **борьба с коррупцией**. Достаточно сказать, что политический капитал Навального во многом сформировался на «антикоррупционных расследованиях». Правда, чаще всего эти расследования носят выборочный характер и затрагивают определенный круг лиц. То есть обращаться в фонд по борьбе с коррупцией с жалобой на управляющую компанию или руководство ТСЖ – это абсолютно бесполезное занятие. Другое дело, если речь идет о чиновниках высокого ранга, причем не ниже федерального министра. Инициатор такого процесса совершенно точно завоевывает внимание федеральных и зарубежных СМИ. Которое одновременно станет своеобразным гарантом его иммунитета перед системой надзорных органов.

Что касается результатов «публичного расследования», то они здесь неважны. Позиция беспроблемная: если что-то найдется, то это же «мы обнаружили», если ничего не найдется – «скрывают». Фактология и ее доказательность также мало кого интересуют.

Как бы то ни было, но в Свердловской области возник филиал «РосПил-УрФО». Который начал вести работу примерно в том же ключе, что и Фонд по борьбе с коррупцией, созданный Навальным и компанией. Фигуры выбирались потяжелее, на уровне главы субъекта. Результаты были сопоставимы – волна материалов в СМИ разного уровня без какой-либо реальной фактуры.

В итоге инициаторы подобных процессов вошли в руководящие органы таких «авторитетных» организаций, как «Солидарность», «Партия народной свободы», партия «Народный альянс», трансформировавшаяся потом в «Партию прогресса»... В общем, этот список можно продолжить. И как-то в нем теряется исходная нить – **борьба с коррупцией**...

Декларируемая цель пресечения взяточничества и кумовства подменяется политической деятельностью, направленной на изменение сложившейся конфигурации власти. При этом во главу угла ставится прежний лозунг борьбы с коррупцией, которую можно победить, лишь поменяв систему власти. Или на худой конец добившись прихода на ключевые посты в сфере законодательной, исполнительной, судебной власти новых людей. Так сказать, новая метла по-новому метет.

Можно заключить, что в этом аспекте правозащитная деятельность оказывается удобным способом камуфляжа политических действий, подчиненных логике достижения интересов определенных групп влияния.

Приведенная выше схема **подмены правозащитной деятельности политической активностью** может быть использована (и используется) в рамках текущей партийно-политической парадигмы. Ключевым в данном случае является именно заказчик.

Если речь идет о столкновении местных интересов, скажем, в рамках противостояния муниципального депутата и застройщика, в рамках которого парламентарий опирается на общественников, это один, и в чем-то хорошо знакомый сюжет.

Напротив, если выясняется, что активность общественников подпитывается иностранными грантами, причем в контексте их политической деятельности (к слову сказать, в рамках формирования общественного мнения), то ситуация выглядит уже несколько по-другому.

В результате на некоем митинге Z вполне могут оказаться защитники прав осужденных лиц, апологеты исторической правды, экологи, юристы-международники, специалисты в избирательном законодательстве, борцы с коррупцией и многие другие. При этом данный условный митинг Z будет в поддержку мира во всем мире и против действующей власти.

Картинка для СМИ получается очень яркой: тут и молодые девушки-экологи, и убежденные сединами апологеты исторической правды, и колоритные защитники прав осужденных, и яппи-борцы с коррупцией... Словом, требования митинга Z объединяют представителей самых разных социальных групп в общем стремлении к началу реформ действующего политического режима. Невероятная **сингулярность** в действии.

Таким образом, высокая структурированность правозащитной деятельности, охватывающей разные сферы общественной жизни, позволяет архитекторам «оранжевых» процессов добиваться видимости всеобщего протеста, объединяющего разные социальные группы в общей нетерпимости к сложившемуся положению вещей.

ЭЛИТЫ

Какими бы эффективными ни были правозащитные практики, в конечном итоге большая их часть тесно увязана с объемами финансирования и имеющимися непрямыми ресурсами. Последние достаточно подробно изложены в известной книге Джина Шарпа «198 методов ненасильственных действий». Однако их главный недостаток – это требование массовости участников. Подмена толпы сторонников на подправленную картинку для масс-медиа может сработать в случае подготовки отчета по освоению гранта. А вот в контексте формирования реальной базы протестного выступления необходимы другие точки опоры.

Поэтому, безусловно, в центре внимания внешних – заграничных – кураторов подготовки соответствующих действий находятся представители **политической и бизнес-элиты**.

Очевидно, что возможностей у них значительно больше, чем у правозащитников. Начиная с депутатского запроса и заканчивая работой в конкретных социальных средах.

Подспудная работа «на земле» разворачивается несколько иначе. В разработке соответствующих структур оказываются не только депутаты региональных парламентов или руководители крупных предприятий, но и муниципальные депутаты, представители сферы малого бизнеса. То есть знающие местные проблемные точки изнутри, обладающие определенным финансовым ресурсом и заручившиеся поддержкой граждан.

Формы работы с потенциальными кандидатами достаточно традиционны. Стажировки, обмен опытом, расширение культурных связей, словом, весь арсенал «мягкой силы» Дж. Найя. И вот уже приобщившиеся к запретному плоду возвращаются на родину, что называется, «заряженными». На что? На изменения, адаптацию нового опыта, реформы. А за ними тянутся связи с выпускниками соответствующих программ в других регионах, внимание иностранной прессы, приглашения на дни культуры в диппредставительства...

Возникает неформальная **сетевая структура**, объединяющая разных людей из многих регионов страны, которые могут обмениваться информацией, взаимодействовать в рамках совместных межрегиональных проектов и т. д. И разумеется, нельзя забывать об ассоциациях выпускников разнообразных зарубежных стажировок и программ.

Очевидно, что если в эту систему встраивается, к примеру, депутат любого уровня или бизнесмен средней руки, то отдача от его деятельности как «актера изменений» на месте будет значительно выше, чем если это окажется одинокий в своей борьбе правозащитник.

Напротив, **объединение усилий правозащитника и депутата/бизнесмена формирует уже новый кластер взаимодействия**. Особенно если это взаимодействие эффективно освещать в СМИ.

С другой стороны, типичная депутатская карьера за рамками партийного списка начинается с общественной деятельности. Чем эта активность успешнее, тем больше шансов, что потенциальный кандидат в депутаты получит по итогам выборов мандат народного избранника. Это норма политической жизни, политической реальности.

Но здесь открываются интересные перспективы по формированию необходимой прослойки «заряженных» кадров. Непрямое взаимодействие с ними через передачу информационных материалов, организацию рабочих контактов с людьми, привлечение внимания СМИ к

обозначаемым темам, – все это важные, хотя и незаметные для широкой общественности предпосылки для старта будущего политика.

В некотором смысле **проект Ходорковского «Открытые выборы»** является типичным кейсом подобной стратегии. Любой общественник, прошедший фильтр отбора для участия в проекте, получает контакты с лояльными СМИ, консультации по электоральной работе и т. д. Дальше все зависит от него – насколько успешно он сможет реализовать соответствующий стартовый капитал. И даже если из десяти гипотетических участников проекта мандат получит только один, это может рассматриваться как успех. Поскольку оставшиеся девять так или иначе сформировали свою базу контактов, получили первичный опыт работы в публичном политическом поле и могут быть привлечены к сотрудничеству в дальнейшем. Как в рамках взаимодействия с «победителем» проекта, так и отдельно.

Вот, например, как описывает суть проекта его куратор **Т. Валеев** (цитируется по изданию Znak.com^[70]).

«В первую очередь проект “Открытые выборы” ставит задачей создать окно возможностей для молодых людей в возрасте до 35 лет, которые уже чего-то добились в карьерном плане, а теперь хотят попробовать себя в общественной деятельности. **Мы ищем новых политических лидеров, которые готовы сейчас рисковать и выходить из “зоны комфорта”, потому что больше не видят себя в нынешней системе.**

Мы говорим: если вы хотите заявить о себе – приходите к нам. **Мы поможем. Суть проекта “Открытые выборы” – показать людям альтернативу. Сегодня в стране нет ни одного известного политика младше 35 лет.** Их просто не пускают в большую игру. В Госдуме сидят пенсионеры, Владимиру Жириновскому скоро семьдесят лет.

С помощью проекта, который я возглавил, мы планируем продемонстрировать альтернативу нынешнему пути развития, а также повышать узнаваемость для этих людей. **Задача “Открытых выборов” – найти в регионах лидеров, которые в будущем смогут возглавить политическую элиту страны.** Но им нужен опыт. **Опыт приходит во время участия в выборах».**

Возвращаясь к Свердловской области, приведем еще одно высказывание Т. Валеева (цитируется по изданию Ura.ru^[71]).

«Нас интересуют люди в регионах, где в первую очередь население столкнулось с кризисом, – именно там формируется большой объем протестных движений», – пояснил руководитель проекта.

Акцент делается на уральские регионы, прежде всего на Екатеринбург и Челябинск. По словам Тимура Валеева, как и в других субъектах, **проблем на Урале немало, но именно там живут наиболее активные молодые люди, готовые бороться за свои права.** Именно они смогут принять участие в выборах при организационной, юридической и технической поддержке “Открытой России”. Валеев уверен, что Урал может поддержать представителей оппозиции, так как там живут “более открытые для предложений” люди».

Задумано неплохо.

Политические партии

Использование политических партий для **формирования в парламенте необходимого лобби** – это классический вариант «мягкой силы» в действии. В то же время добиться прохождения нужных людей в количестве, достаточном для принятия ключевых решений, – крайне нетривиальная задача. Как правило, успешно она решается лишь в том случае, если созданы условия максимального благоприятствования – вроде свободы действий НКО с иностранным участием, членства высокопоставленных госслужащих в наблюдательных советах фондов с иностранным финансированием, отсутствия ограничений на размеры предвыборных бюджетов и источников их наполнения и т. д.

Следует отметить, что взаимодействие с партийными структурами ведется по линии работы с отдельными людьми, а не в контексте прямой постановки задач партактиву.

Одним из примеров такой работы может служить участие членов конкретной партийной организации в международных партийных конференциях. Так сказать, новая форма «интернационала».

Очевидно, что задача политических акторов – это не уличные выступления и протесты, а в первую очередь работа в легальном политическом поле, участие в выборах, взаимодействие с региональными элитами и т. д.

Поэтому на подобных конференциях вопросы «сопротивления режиму» не рассматриваются в принципе. Речь идет об обмене мнениями по внутривнутриполитической ситуации. Обсуждается актуальная социально-политическая повестка. Презентуется региональный опыт партийной работы и другие столь же безобидные темы.

Так, например, 24 октября 2015 года партия «Яблоко» провела в Москве международную конференцию **«Борьба со стереотипами и поиск общих ценностей и точек взаимодействия»**. Партнером «яблочников» выступили «Альянс либералов и демократов за Европу» и датская партия Radikale Venstre.

Среди гостей конференции присутствовали и представители Фонда Фридриха Наумана^[72]. Заметим, что в мае 2015 года фонд организовал прямую трансляцию выступления Жанны Немцовой у Бранденбургских ворот в Берлине с «Речью о свободе»^[73]. А в сентябре 2012 года глава московского офиса Фонда Фридриха Наумана полагал, «что ужесточение российского законодательства о некоммерческих организациях (НКО) – “иностраннных агентах” – сильно затруднит работу его организации»^[74].

В ходе партийной конференции обсуждался широкий круг вопросов, в том числе связанных с избирательной тематикой. В частности, на секции «Стратегия и тактика избирательных кампаний в разных условиях» в качестве докладчиков от России выступили:

- Э. Слабунова (депутат ЗС Республики Карелия) – нынешний председатель партии «Яблоко»;
- Л. Шлюсберг (экс-депутат ЗС Псковской области) – известен в первую очередь докладами об участии российских десантников в боевых действиях на юго-востоке Украины^[75];
- М. Меньшиков (депутат муниципального собрания района Дорогомилово, Москва);
- Д. Кушпита (депутат городской думы Владимира).

Обращает на себя внимание то, что среди докладчиков не было представителей Костромской области, где «яблочники» добились наибольших успехов на выборах в сентябре 2015 года.

Кроме того, перед иностранными гостями выступили представители Северо-Запада России (Карелия, Псков) и центральной полосы России (Москва, Владимир). Ни с Урала, ни из Сибири, ни с Юга России, по открытым данным, представителей партии не было.

Сам по себе такой подбор участников вроде бы ни о чем не говорит. Однако если обратиться к Северо-Западному региону России, то достаточно интенсивно здесь работают структуры так называемого Баренцева секретариата, «Совет Баренцева/Евроарктического региона» и другие подобные организации, как правило, **аффилированные с государственными учреждениями скандинавских стран**.

Также в качестве иллюстрации указанной деятельности по взаимодействию с политическими партиями можно привести разного рода семинары. Например, проведенный с участием сотрудников **IRI** (International Republican Institute) в Варшаве в марте 2014 года. Его участниками стали активисты партии «Яблоко», «Партии прогресса», партии «Гражданская платформа», «Партии 5 декабря», партий «Альянс Зеленых», «РПР-Парнас»^[76].

А вот как цели этого семинара «препарировались» сотрудником Фонда развития гражданского общества (К. Костин) С. Апетяном.

- **«Кастинг»** новых политических лиц. Все участники внимательно оцениваются, выявляются их сильные и слабые стороны. С наиболее перспективными выстраивается постоянное взаимодействие – приглашения на неформальные встречи с послами и политиками, раздача грантов под «проекты» (в реальности большинство «проектов» является абсолютно формальным), приглашения на длительные стажировки и т. д.

- **Расширение** социальных связей участников семинара прежде всего друг с другом. Это не менее важно, чем «кастинг». Задача – **создавать устойчивые группы знакомых/друзей/товарищей по нужному политическому признаку**. Подобные группы будут гораздо более жизнеспособными, нежели отдельные акторы. При этом устойчивость политических взглядов их участников будет выше (влияние «тусовки»), как и способность к их дальнейшему распространению уже не в индивидуальном качестве, а в групповом. Крайне важно, чтобы **подобные связи были межпартийными** (что мы и видим в данном случае) –

таким образом будет создаваться межпартийная сеть из людей, которые так или иначе имеют влияние и на свои партийные организации.

- **Обучение.** Самый малозначимый фактор, так как подавляющее большинство информации на таких семинарах не является хоть сколько-нибудь применимой для их участников. Но если вдруг что-то почерпнут, то и славно.

- **Итого:** подобные семинары IRI и других аналогичных фондов формально (да и фактически!) являются абсолютно мирными и цивилизованными образовательными программами. Ошибочно полагать, что там кто-то кого-то будет обучать “антироссийской пропаганде”, “организации провокаций на выборах” или еще каким страшным-ужасным вещам. Не будут, как бы этого ни хотелось с пропагандистской точки зрения. Настоящий смысл этих мероприятий – вообще не в их содержании, а в постепенном и довольно сложном **выстраивании политической сети**, которая будет в дальнейшем поддерживать сама себя за счет правильных политических знакомств, связей с журналистами, финансирования “гуманитарных” проектов и др.»^[77].

Другой пример работы в политическом поле – деятельность так называемой «Демократической коалиции», в состав которой вошли такие партийные организации, как ныне упраздненная «Партия прогресса» («партия Навального»), «ПАРНАС», «Партия 5 декабря», Либертарианская партия России.

Представители «Демкоалиции» приняли участие в избирательных кампаниях 2015 года в Новосибирске и Костроме. Правда, успеха на выборах добиться не сумели. Однако привлекли повышенное **внимание со стороны иностранных экспертов.**

Так, с критикой кампании российских «белоленточников» выступил экс-директор Национального демократического института (NDI) Р. Нельсон. В обширной статье, опубликованной на сайте **Института современной России**, американский эксперт подробно разбирает ошибки, которые, по его мнению, допускают российские оппозиционеры, а также формулирует их **«программу минимум» на предстоящий период**^[78].

Приведем несколько фрагментов из этого примечательного текста.

- «Вместо того чтобы тратить время на организацию уличных демонстраций в Москве, которые ничуть не снижают авторитет власти и совершенно не повышают авторитет оппозиции, почему бы не инвестировать в долгосрочное стратегическое планирование? В качестве первоочередной задачи необходимо сформулировать **четкое видение роли партии в регионах** в период между выборами и ответить на вопрос, что партия может сделать, чтобы утвердиться на местах».

То есть вполне четко артикулируется, что столичной оппозиции неплохо было бы **обратиться к регионам** и уделять больше внимания «работе в поле», нежели собирать на акциях в Москве вполне определенный тип людей. Тем более что разного рода «марши гнева», «марши миллионов», «марши мира» и тому подобное с каждым разом собирают все меньше и меньше людей.

- «Выборы позволяют **привлечь средства на расширение партийной организации** и повышение компетентности ее членов; они полезны для адекватного понимания уровня поддержки партии. Выборы позволяют понять, как избиратели откликаются на программные положения партии (policy positions) и основной месседж, с которым партия шла на выборы. Участие в предвыборной гонке позволяет организации проверить себя – свой персонал, внутренние процессы, способность делегировать ответственность и контролировать исполнение принятых решений, а также оценить свои сильные и слабые стороны. Выборы предоставляют возможность повысить осведомленность в тех вопросах, которые партия считает актуальными и важными. Наконец, выборы служат каналом диалога с гражданами для лучшего понимания их нужд и потребностей».

Этот абзац фактически ставит перед деятелями российской оппозиции вполне конкретные задачи – начиная с того, что неплохо было бы иметь обратную связь с избирателями в части совпадения их ожиданий с партийной программой, и заканчивая тестированием своей внутренней организационной структуры (насколько успешно оппозиция может мобилизовать сторонников в регионах, осуществить агитационную работу и т. д.).

- «Добровольцы, жертвующие своим временем для участия в избирательной кампании, “истинные сторонники”, подходят к своей работе с чистым сердцем и открытой душой. Даже

когда после подсчета бюллетеней набираются неутешительные 2–3 % голосов, истинные **сторонники должны чувствовать, что их работа не была бессмысленной**. Они должны видеть, что их труд помог партии преуспеть по другим направлениям, а не только в обеспечении числа проголосовавших».

Данный фрагмент примечателен тем, что здесь фиксируется ценность для партии **волонтерской работы** и открывается подоплека разного рода «школ наблюдателей», «школ гражданского лидерства» и прочих проектов, осуществляемых российской оппозицией с той или иной степенью успешности.

В целом статья экс-директора **NDI** примечательна в первую очередь тем, насколько внимательно наши заокеанские партнеры следят за попытками отдельных представителей российской оппозиции войти в легальное политическое поле.

Весьма интересно в таком контексте почитать (если, конечно, таковые найдутся) работы представителей ЦК КПРФ, посвященные ошибкам, допущенным в ходе избирательной кампании какими-нибудь американскими «левыми». Но подобных текстов нет. Во всяком случае в свободном доступе.

И это снова поднимает вопрос о наличии «внешних кураторов», стремящихся посредством целой системы разного рода непрямых связей оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы на территории нашей страны.

Если **переходить к региональным практикам**, осуществляемым представителями местных оппозиционных сил, то в первую очередь необходимо отметить их небольшую эффективность.

То есть в случае Москвы речь может идти о тысячах сторонников (на фоне многомиллионного города) или активистов, участвующих в оппозиционных акциях. А если речь идет о регионах, то говорить можно о десятках или в лучшем случае о сотне участников.

С другой стороны, как известно, капля камень точит. Поэтому даже если случайному наблюдателю подобные акции кажутся достойными лишь иронической улыбки, необходимо помнить о том, что все большое начинается с малого.

Ниже представлена **подборка примеров подобных «малых действий»**, которые состоялись в **Екатеринбурге** в 2014 году. Это позволит нам снизить градус политической полемики и посмотреть на происходившее холодным взглядом.

Так, в период массовых столкновений в Киеве 21–22 февраля 2014 года блогосфера Екатеринбурга бурлила полярными оценками происходящих в Киеве событий. Что характерно и где-то даже вполне очевидно – многие из людей, ранее так или иначе поддерживавших проекты Навального и компании, транслировали вполне узнаваемую точку зрения. В том числе по необходимости раскрутки одного из проектов Навального – так называемой «доброй машины пропаганды»: **проект общественной оппозиционной политической пропаганды, гражданской активности и агитации**.

По сути, речь шла о борьбе с государственной пропагандой, «злой машиной пропаганды». Пресловутая «партия фейсбука» против «партии телевизора». Что на практике выливается в тиражирование на региональном уровне «творческих достижений» команды Навального.

По «странному» совпадению чуть позже на «**Эхе Москвы**» размещается «методическое пособие» под названием «**Я хочу быть локальным Навальным. С чего начать**».

И вот что любознательные читатели могут там обнаружить.

«Начните с того, что **зарегистрируйте новенький яндекс-кошелек и подключите его к аудиту**. На этот счет вы будете собирать средства на печать и распространение газеты. Затем найдите типографию в удобном для вас районе и поинтересуйтесь стоимостью печати восьмиполосной цветной газеты.

Вы собрали требуемую сумму и приступаете к основной части плана – печати и распространению. Можно доверить дело разносчикам, а **можно превратить процесс в увлекательный квест с друзьями и единомышленниками**. Выбор за каждым. Главное, что нужно помнить, – ничего страшного не случится, даже если тираж изымут. Все не отнимут, **всех не отследят. Если это все-таки случится, то что надо делать? Правильно – писать нам**.

Зачем мне вам писать, я и сам справлюсь – да это же просто потрясающе, если это так – вы восхитительны! Но вдруг вам интересно, **есть ли в вашем городе или районе человек, который хочет заниматься исключительно распространением, потому что вы хотите взять на себя только печать?** Если это так, то пишите нам, а мы поможем вам найти друг друга»^[79].

В общем, готовая инструкция по организации агитационной работы. Плюс готовые исходные материалы. Так что потенциальному исполнителю остается самая малость – собрать деньги, приступить к печати и распространению.

И вот уже 15 марта 2014 года, за один день до референдума в Крыму, в центре Екатеринбурга проходит митинг **«За невмешательство России во внутренние дела Украины и за свободу слова»**. Организаторы – «РПП-Парнас» (сейчас «ПАРНАС») и «Партия прогресса» (ныне в политическом поле отсутствует). На мероприятии присутствовали люди с закрытыми лицами и с транспарантами, например, следующего содержания: «А ты уже намотал свои кишки на БТР ЗА ИМПЕРИЮ?», «2014 Война = Мир, Свобода = рабство, незнание – сила, Оруэллу не снилось».

Заметим, что на заседании ООН, которое состоялось 15 марта 2014 года, **постоянный представитель Украины при ООН Юрий Сергеев** отметил митинг в Екатеринбурге. Еще раз – на заседании ООН. Юрий Сергеев тогда во всеуслышание заявил, а его процитировали десятки европейских и американских СМИ:

«Голос настоящей России сейчас на улицах и площадях Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Екатеринбурга, где тысячи и тысячи вышли в защиту Украины... в этом будущее демократической России, с этим будущим мы будем строить братские отношения»^[80].

4 апреля 2014 года в екатеринбургском «Мемориале» встречали важного гостя – на тот момент Генерального консула США в Екатеринбурге Отто Ханса Ван Маерссена^[81]. Совершенно случайно в мероприятии также приняли участие активисты «РПП-Парнас», «Партии прогресса», «ГОЛОСа» и других аналогичных структур. Разумеется, обсуждалась ситуация вокруг Крыма и Украины.

6 мая 2014 года в центре Екатеринбурга проходит очередной «дежурный» уличный протест в рамках так называемой «Стратегии б» – по аналогии с акциями лимоновцев в Москве 31-го числа каждого месяца в защиту 31-й статьи Конституции РФ. Только здесь речь идет не о свободе собраний, а о протесте против ареста участников событий на Болотной площади в мае 2012 года.

И снова среди участников – активисты «Партии прогресса», «ГОЛОСа», противники присоединения Крыма. Но появляется и местная повестка – против реформы органов местного самоуправления в Свердловской области.

Дальше – больше. В конце мая в социальных сетях, а также в некоторых региональных СМИ размещаются призывы перечислять денежные средства на печать газеты Навального. С региональной вкладкой (сюрприз-сюрприз!):

«В Екатеринбурге начался сбор средств на выпуск газеты “Популярная политика”, которую издают сторонники Алексея Навального. В газете может появиться отдельная уральская вкладка.

Сбор средств на издание газеты в Екатеринбурге объявила председатель пока не зарегистрированного свердловского отделения “Партии прогресса” Екатерина Петрова».^[82]

Нетрудно догадаться, что содержание местной вкладки было направлено против региональных органов государственной власти. Дороги, реформа местного самоуправления, государственные закупки и пр.

16 июня 2014 года неизвестные возложили цветы у Генконсульства Украины в Екатеринбурге – десятки красных гвоздик. По одной версии, таким образом участники акции почтили память 40 украинских военнослужащих и девяти членов экипажа, которые погибли при крушении военно-транспортного самолета ВВС Украины, сбитого под Луганском 14 июня 2014 года.

Любопытно, что 13 августа 2014 года в Екатеринбурге прошла еще одна «цветочная» акция – за мир на Украине. Как сообщили ее организаторы, *«жители Екатеринбурга узнали, что в Москве проводят акцию за мир на Украине, и через социальные сети решили устроить аналогичное мероприятие»*^[83].

При этом в Москве акция прошла под названием «Вечер памяти и скорби», а ее организатором выступил некий «Комитет солидарности с Майданом»^[84]. Так что сознательно или нет, но участники в Екатеринбурге выразили свою солидарность с майданом.

Вообще, **«цветочная» тема** – это характерный (по учебнику) признак «оранжевых» процессов. Что перед «Беркутом» в Киеве разбрасывали цветы, что перед сотрудниками МВД, стоящими в оцеплении в центре Москвы. Это ведь так трогательно: суровые бойцы в полной экипировке и цветы перед ними. Для телевизионной картинке просто замечательные кадры.

Буквально через четыре дня, 17 августа, в центре Екатеринбурга прошел так называемый пикет за федерализацию Урала. Аналогичные мероприятия анонсировались в этот день в Новосибирске и Калининграде.

Пикетчики развернули плакат с цитатами из Конституции РФ. Кроме того, ряд участников акции, как сообщили некоторые региональные СМИ, были одеты в футболки с лозунгами «в поддержку федерализма»^[85]. Впрочем, насколько эти лозунги можно отнести к вопросам федерализма, каждый читатель может решить сам. Звучал он так: **«Хватит кормить Москву»**.

Любопытно, что в акции в Екатеринбурге приняли участие активисты «ГОЛОСа», а также члены Общественной наблюдательной комиссии Свердловской области, которые ранее поддержали голодовку напротив здания ФСИН по Свердловской области. Хотя по логике вещей «ГОЛОС» – это наблюдение за выборами в день голосования, а ОНК Свердловской области – защита прав осужденных. Вроде бы ни то ни другое прямого отношения к идеям «федерализма» и 5-й статье Конституции РФ отношения не имеют.

Информация о **«пикете за федерализацию Урала»** была оперативно размещена на украинских информационных ресурсах. Весьма красноречива и наглядная агитация, подготовленная, судя по всему, специально к акции и размещенная в социальных сетях.

А еще через пять дней, 22 августа, в Екатеринбурге провел встречу со своими сторонниками экс-депутат Екатеринбургской городской думы, экс-глава избирательного штаба А. Навального, **проживавший на тот момент в Люксембурге Л. Волков**.

На этом мероприятии оппозиционному активу столицы Среднего Урала фактически были поставлены задачи на предстоящий период. В том числе прозвучали и такие суждения.

«Нужно будет **сделать и список на выборы в Государственную думу 2016 года**, этим вообще нужно заниматься уже сейчас. У этой задачи неожиданно появляется осмысленное политическое звучание, потому что просто так объяснить людям, зачем нам нужны выборы 2016 года, довольно трудно. Ну получим мы **30 мандатов – и что? Выборы 2016-го могут быть осмысленными только в контексте выборов 2018-го**. То есть мы от 2021-го спустились до 2018-го, а потом уже до 2016-го, и уже более или менее понятно, что делать»^[86].

Иными словами, речь идет о полноценной политической кампании, направленной на формирование кандидата для участия в выборах 2018 года с опорой на политическую партию, представленную в ГД РФ по итогам выборов в 2016 году.

«Еще один большой политический проект – это **сбор подписей**. Предположим, что у нас будет консенсусный кандидат, но не будет партии, которая имеет право его выдвинуть. Разумеется, никакие **два миллиона подписей** невозможно за пару месяцев собрать. Ответ на это нужно придумать уже сейчас, и ответ может выглядеть примерно так: **давайте построим большую региональную сеть, проведем репетиционный сбор, это можно привязать к идее какого-нибудь референдума**. За три года можно создать такую систему, чтобы в нужный момент собрать два миллиона подписей “по нажатию кнопки”. Эту конфигурацию можно и нужно продумывать, это уже осуществимый проект».

То есть ставится задача формирования региональной сети партийных отделений с охватом до двух миллионов человек (при этом партия, очевидно, должна строиться по массовому признаку, а значит, иметь представительство в городских и областных парламентах).

«Люксембург – это далеко не последняя страна в Европейском союзе. Это и политический, и финансовый центр. И самое главное, **там очень короткий путь от гражданина до депутата Европарламента**. Если в той же Германии дойти обычному человеку до депутата практически невозможно, то в Люксембурге все по-другому. **Я могу написать статью, которую опубликуют на первой полосе и которую прочитают ведущие политики страны**. И я так уже делал. Эту особенность можно использовать для создания правильной позиции Европы на случай **какого-то “катастрофического” сценария**, чтобы европейские лидеры заранее знали, на кого нужно делать ставку. Для США два года назад таким человеком был Гарри Каспаров, для Европы – Михаил Касьянов. Сейчас это уже не так, и **наша задача, чтобы этим человеком был Алексей Навальный**».

Таким образом, соратник Навального совсем не исключает в августе 2014 года некоего «катастрофического» сценария развития событий в России и более того – призывает сторонников готовиться к этому. Не абстрактно, а максимально конкретно – через укрепление позиций Навального, который должен стать фигурой, аналогичной Каспарову или Касьянову.

21 сентября в Екатеринбурге состоялся митинг под названием «**Марш мира**». По разным оценкам, в нем приняли участие от 150 до 300 человек. Организатором выступило региональное отделение «РПР-Парнас». Лозунг: «Венгрия, Чехословакия, Афганистан, Чечня, Грузия, Украина: дружба народов танками не делается».

Как и на пикет «за федерализацию Урала», на мероприятие оппозиции пришли люди с противоположной гражданской позицией. Разумеется, поклонники Навального тут же окрестили их «титушками».

То есть в логике участников митинга свою гражданскую позицию в городе может заявить лишь «просвещенная общественность». А остальные, похоже, должны делать вид, что происходящее их не касается.

Казалось бы, все приведенные примеры протестных действий большого значения не имеют, в особенности в части достижения какого-либо эффекта. Однако следует иметь в виду, что многие участники этих акций – это активисты, члены, сторонники легальных политических сил. То есть это не просто «парни с района», а люди, интегрированные в действующую политическую систему со всеми ее минусами и плюсами. Чем выше их статус в этой системе – тем больше перед ними открывается возможностей.

Собственно, региональное протестное поле предоставляет этим активистам хорошую возможность войти в круги федеральной оппозиции. Но только при условии реализации ярких местных стратегий, направленных на конфронтацию с действующей властью. Своеобразный «кастинг», по итогам которого некоторым предоставляются новые возможности – от зарубежных стажировок до включения в предвыборные федеральные партийные списки.

Параллельно решаются и сопутствующие задачи. Внешние кураторы соответствующих процессов, например диппредставительство США, **формируют негативное информационное поле**, демонстрируя отсутствие единства в обществе по актуальным внутри- и внешнеполитическим вопросам.

За счет работы с активистами НКО и членами партийных отделений образуется протестная среда, которая интегрируется в более обширную сетевую структуру, охватывающую разные регионы и города. И вот уже разного рода «пикеты за федерализацию» одновременно проходят в Екатеринбурге, Новосибирске, Москве, Калининграде. «Стратегия 6» проводится в Омске, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. И так далее.

Созданная сетевая структура выходит за границы страны. Об акциях в Екатеринбурге начинают с завидной регулярностью писать, к примеру, украинские информационные ресурсы. А где-нибудь в Люксембурге или Швейцарии появляются статьи о «**смерти демократии**» **в отдельно взятом муниципалитете** после реализации реформы местного самоуправления.

В городе медленно, шаг за шагом происходит **постепенная кристаллизация общественных сил**, склонных к протестным действиям. Как говорится, первый раз выйти страшно, второй раз боязно, ну а на третий – что они с нами могут сделать? Как кричал тот же Навальный в Москве: «*Мы здесь власть!*»

Таким образом, взаимодействие с политическими партиями позволяет заинтересованной стороне использовать их возможности по работе в легальном политическом поле.

Очевидно, что это принципиально иной уровень деятельности, нежели только поддержка маргинального протеста.

Правый край

Выше уже рассматривались практики использования специализированных НКО в рамках формирования устойчивых каналов влияния на внутриполитические процессы в российских регионах.

В настоящем разделе данная тема будет рассмотрена через призму деятельности своеобразных «групп по интересам», которые только на первый взгляд не имеют никакого отношения к политической активности. А по факту, как мы видели на примерах Украины, Сербии и других стран, всегда являются **боевым крылом** «цветных» выступлений.

Так, например, в Свердловской области примерно с 2010 года действует сообщество «**Русский марш Урал**», чья активизация в Екатеринбурге связывается с именем Максима Вахромова. Авиационный инженер по специальности до 2013 года успешно работал по

направлению «авиационная логистика», что, правда, не мешало ему заниматься структурированием националистического сообщества в Екатеринбурге.

Так, например, именно он был организатором в 2012 году «Русского марша», который затем стал ежегодным. Численность акции в разные годы колебалась от 80 до 300 человек, однако, к примеру, в Перми или Челябинске подобные выступления носят эпизодический, а не системный характер, как в Екатеринбурге.

Более того, в последние годы на мероприятия в Екатеринбург приезжали активисты из других городов Уральского федерального округа. Системный характер работы Вахромова проявился в том числе в организации концертов соответствующих музыкальных групп, так сказать, для актива движения, в распространении сувенирной и агитационной продукции, в подготовке визуальной атрибутики и т. д.

Рассматривая свою деятельность как направленную на **патриотическое воспитание молодежи**, Вахромов на определенном этапе стал активистом движения «Русские пробежки». Оставим открытым вопрос, почему пробежки должны иметь национальную окраску.

Созданное в целях популяризации здорового образа жизни неформальное объединение молодежи довольно скоро получило вполне узнаваемую атрибутику – черно-желто-белые «имперские» флаги и «золотого человека», бегущего на красном фоне с летящим над ним соколом^[87].

Привлекательные лозунги в поддержку здорового образа жизни, физическая подготовка, внешняя атрибутика – все это оказалось хорошей базой для вербовки будущих участников националистических мероприятий.

Позже это направление работы трансформировалось в обучение молодежи правилам ведения ножевого боя, и вскоре Вахромову стало не по пути с «Русскими пробежками».

Смена руководства екатеринбургской ячейки сторонников здорового образа жизни трансформировалась в смену их идеологических приоритетов – вместо подчеркивания своей «русскости» новые лидеры движения сделали ставку на восстановление русских народных традиций, спортивный туризм. Очевидно, что Вахромова, а точнее, «Велеяра Коловрата Ария из рода РУС», как он одно время себя величал, не прельщали народные танцы и частушки.

Лидер екатеринбургских националистов вступил в «Союз казаков России», что дало ему право сформировать первичную казачью организацию – так называемый хутор Бранебор, созданный в пос. Первомайский Нижнесергинского района Свердловской области.

Правда, в скором времени Вахромов был объявлен «нереестровым» казаком, однако для своих последователей по-прежнему оставался лидером казачьей организации.

Далее Вахромов стал инициатором проведения в Екатеринбурге так называемых «Будановских автопробегов», а также акций за отмену 282 ст. УК РФ (*«Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации»*).

Следует подчеркнуть, что эти мероприятия были не разовыми, а проводились ежегодно.

Летом 2013 года екатеринбургский «казак» предпринимал попытки организации в Екатеринбурге «народного схода». Поводом стало ДТП, в котором получил травмы двухлетний мальчик (виновник транспортного происшествия – этнический узбек).

Вот как об этом писала местная пресса.

«Одним из первых на происшествие отреагировал Максим Вахромов. Несколько раз он выступал в числе организаторов народных сходов для обсуждения происшествия, организовал в социальной сети группу поддержки, через которую шел сбор средств для помощи мальчику»^[88].

И далее:

«...в качестве “общественных помощников” родителей пострадавшего мальчика активисты “Русский марш Урал” провели еще один пикет – у памятника основателям города. Его целью было заявлено “привлечение внимания общественности и органов власти к проблемам нелегальной миграции, этнической преступности и повышенной аварийности на дорогах со стороны мигрантов”». Правда, тогда почти одновременно проводилась рядом другая акция – в поддержку Навального^[89].

Указанное мероприятие состоялось 18 июля – в этот день был вынесен обвинительный приговор А. Навальному по знаменитому делу «Кировлеса», что спровоцировало серию выступлений в поддержку осужденного в нескольких городах России, включая Москву и Екатеринбург.

Таким образом, в центре Екатеринбурга **одновременно** оказались **националисты и поклонники Навального**, который сам неоднократно выступал за ужесточение миграционной политики.

Насколько случайным оказалось такое соседство, сказать сложно. Однако присутствие на екатеринбургской Плотинке радикалов-националистов и ничуть не менее решительных сторонников Навального – установленный факт. К счастью, провокаций удалось избежать.

Для завершения портрета уральского националиста необходимо добавить, что в июне 2014 года Вахромов был признан судом виновным по статье «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», его приговорили к 280 часам обязательных работ.

Однако обвинительный приговор не остановил лидера уральских националистов в его борьбе за патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Что характерно, с началом конфликта на юго-востоке Украины «Велеяр-Коловрат» занял позицию поддержки действий украинских властей. Вот что об этом писали местные СМИ.

«Вахромов с самого начала майдана активно поддерживал фашистов и писал в своей группе и на странице о поддержке украинских карательных дивизий на юго-востоке страны. Близкие к нему люди отмечают, что он имеет прямые связи с батальонами “Айдар” и “Азов”. В своем заявлении он отмечает, что полностью поддерживает Правый сектор, называет Степана Бандеру “четким и последовательным патриотом”. Также заявляет – “если большинство жителей Украины решит, что все должны говорить на украинском – это их воля”»^[90].

Поэтому, наверное, не стоит удивляться, что на «Марше мира», организованном 21 сентября 2014 года в Екатеринбурге, в одном строю с представителями «РПР-Парнас» оказались молодые сторонники Вахромова.

Впервые в Екатеринбурге на **одной общей площадке оказались представители либеральной оппозиции и националисты**.

Вообще, привлечение националистов, радикальной оппозиции к протестным выступлениям – это очевидный и предсказуемый ход архитекторов соответствующих процессов. Поэтому далеко не случайно в зоне их пристального внимания оказываются представители так называемых «фирм» – объединений футбольных болельщиков, а точнее, хулиганов от футбола.

Еще один элемент подобной активности – это использование ресурса, казалось бы, совсем стороннего. Движения **клубов военно-исторической реконструкции (ВИР)** начало свое бурное развитие с начала 1990-х годов. За это время в России, на Украине, в Белоруссии возникли десятки клубов, объединивших тысячи людей.

Установление дружеских контактов с клубами стран Восточной Европы – Польши, Литвы, Эстонии и др. – не только придало импульс дальнейшему развитию движения, но и вывело его на новый уровень. На смену участию в разовых мероприятиях по случаю памятных дат и полуподвального существования пришли зрелищные фестивали, ремесленные ярмарки, специализированные магазины и прочие характерные атрибуты массовой индустрии.

Условно движение ВИР можно разделить на несколько направлений, тем не менее достаточно тесно друг с другом связанных:

- собственно **реконструкция**, то есть создание аутентичных доспехов, оружия, костюма и пр.;
- спортивная составляющая – историческое фехтование, стрельба из лука, конные турниры, различные национальные виды борьбы (типа бузы, русского стиля и пр.); большинство клубов ВИР как раз специализируется на этом виде деятельности – отсюда многочисленные чемпионаты, турниры и пр.;
- культурно-массовая работа – проведение тематических фестивалей с созданием антуража соответствующей эпохи; проводятся региональные, общероссийские и международные фестивали.

В подавляющем **большинстве** участники движения ВИР в России придерживаются **патриотических или по крайней мере нейтральных взглядов**. Однако принимая во внимание, что движение living history («живая история») получило серьезное

развитие в зарубежных странах, очевидно, что некоторая часть участников российских клубов ВИР стала той **целевой группой**, члены которой оказались как гостями зарубежных форумов, так и проводниками определенных взглядов в рамках концепции soft power («мягкой силы»).

События 2013–2014 годов на Украине продемонстрировали, что члены клубов ВИР активно участвовали в силовом противостоянии с сотрудниками правоохранительных органов в Киеве и других городах Украины.

Кроме того, тематические военно-спортивные лагеря с исторической спецификой стали удобным инструментом для привития украинской молодежи **националистических взглядов**.

Вопрос о том, насколько массовым было участие представителей ВИР в событиях Евромайдана, остается открытым. Однако даже беглый анализ фотоматериалов по итогам этих событий показывает, что речь идет не о единицах, а как минимум о небольших группах.

Более того, есть свидетельства, что представители украинского сообщества ВИР принимали участие и в одесских событиях в мае 2014 года. То есть опыт использования активистов на Евромайдане был признан удачным, что предопределило их задействование на других направлениях.

Обращает на себя внимание то, что этот **канал** донесения определенных взглядов до российской аудитории **использовался** вполне **сознательно**. В качестве примера можно привести прокламацию, подготовленную одним из киевских клубов ВИР. Ниже представлены некоторые выдержки из нее.

«ОБРАЩЕНИЕ

К сообществу военно-исторической реконструкции Российской Федерации

Дорогие Друзья, Единомышленники, Братья!

Началась открытая интервенция Российской Федерации против Украины, грозящая перерасти в крупномасштабный военный конфликт с многочисленными жертвами и непредсказуемыми последствиями для наших стран и всего мира.

Мы с Вами много лет плечо к плечу, реализуя свое увлечение военной историей, встречались на военно-исторических фестивалях и прославляли наше единство и общую боевую славу. Ныне в наши ряды, в наши умы и души хотят внести смуту и раскол, как уже сделали это, вторгшись в суверенные пределы нашей страны вооруженной силой.

Мы знаем, что, к сожалению, Вы не обладали и не обладаете ныне всей полнотой информации о событиях, потрясающих нашу Родину на протяжении последнего времени. Используя всю мощь государственной пропагандистской машины, Вас убеждают в том, что граждане нашей страны и среди прочих – члены военно-исторических организаций, вышли на улицы своих городов, подстрекаемые националистами, “фашистами”, восставшими из прошлого “бандеровцами” и наймитами Запада. Это наглая ложь!

Мы с Вами знаем историю лучше многих наших сограждан и политиков. Проводя аналогии с нынешними трагическими событиями, мы хотим напомнить Вам такие эпизоды, как Гляйвицкий инцидент 1939 г. Агенты-уголовники нацистских спецслужб, переодетые в мундиры польских солдат и офицеров, совершили провокационное нападение на германскую пограничную радиостанцию и были расстреляны своими хозяевами после совершения черного дела. Этот эпизод был использован как повод к войне нацистской Германии против Польши, переросший во Вторую мировую войну. “Гляйвиц-2” происходит сегодня в Крыму! Высадившиеся в Крыму захватчики безо всяких опознавательных знаков, неизвестные, переодетые мифическими “бандеровцами”, но вооруженные самым современным российским оружием, дестабилизирующие ситуацию в Симферополе, блокирующие и захватывающие военные объекты Украины, ведут себя аналогично немецким провокаторам образца 1939 г.

Мы просим Вас и предостерегаем Вас не стать пешками в опасной игре политиканов, использующих власть исключительно для личного обогащения, грабящих и разрушающих наши страны и совершающих страшные преступления перед нашими народами, перед памятью наших отцов, дедов и прадедов, сражавшихся, умиравших и побеждавших вместе.

Молодежная общественная организация “Киевский клуб “Красная Звезда”.

Общественная организация “Департамент военно-культурной антропологии”»^[91]

Вот так вот.

Трудно сказать, насколько эффективным оказалось данное воззвание. Однако совершенно очевидно, что этот ресурс использовался с расчетом воздействия на достаточно широкую аудиторию. То есть это косвенно подтверждает возможности движения ВИР для подключения мягкосиловых механизмов. И в первую голову – через правый край политического спектра.

События Евромайдана показывают, что в условиях силового противодействия сотрудникам правоохранительных органов формы организации протестных активистов, копирующих тактику действий античной и средневековой пехоты (которую используют и правоохранители – строй «черепаха», «фаланга», психологическое воздействие через стук дубинок по щитам и т. п.), могут быть использованы инициаторами беспорядков. Что характерно, участие активистов клубов ВИР на Украине не ограничилось столкновениями с правоохранителями. Были созданы соответствующие «технические средства». Например, настоящая катапульта по античным и средневековым образцам была построена в период противостояния в Киеве и использовалась участниками протестов для обстрела сотрудников спецподразделения «Беркут». К этому необходимо добавить «фортификации», построенные участниками Евромайдана по всем правилам противостояния «тяжелой пехоты» действиям «кавалерии». «Беркут», вооруженный резиновыми дубинками и алюминиевыми щитами, как минимум был бы вынужден использовать спецсредства для преодоления таких «баррикад». После чего «Беркут» обвинили бы в использовании БТРов для разгона безоружных граждан и применении водометов при «тридцатиградусном морозе».

В свою очередь преодоление этой «стены» правоохранителями с их штатной амуницией, безусловно, привело бы к многочисленным травмам всех участников гипотетического столкновения.

Поэтому «сотники» Евромайдана, а в особенности их консультанты, хорошо знали, что и как надо использовать в случае уличных беспорядков. Особенно при условии наличия подготовленных кадров для запуска подобного сценария.

То есть «Беркуту» на майдане противостояли не только противники режима Януковича, но и хорошо подготовленные группы радикалов. Обученные действовать небольшими силами (отряды по 5–10 человек) и использовать холодное оружие, как правило, замененное на свои аналоги – палки вместо мечей и копий, цепи, дубинки и т. д.

К сожалению, некоторые украинские клубы ВИР стали использоваться в качестве легальной тренировочной площадки для приобретения таких специфических навыков.

Процитируем фрагмент из работы В. Лихачева «“Правый сектор” и другие: национал-радикалы и украинский политический кризис конца 2013 – начала 2014 года»^[92].

«Днем 30 ноября на Михайловской площади представители “Правого сектора” (скорее всего, из “Тризуба”) организовали для всех желающих обучение приемам противодействия сотрудникам правоохранительных органов. **Инструкторы организовали тренировки по групповым действиям с подручными средствами, используемыми в качестве холодного оружия**».

Апогеем «насилованных действий» в ходе протестных акций 1 декабря стала попытка прорыва кордона военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции на улице Банковой («штурм Администрации президента») в середине дня.

Драку начали несколько десятков человек, **экипированных так, как рекомендовали готовиться к столкновениям в сообществах «Правого сектора»** в социальных сетях. Они пытались **прорвать шеренгу солдат** внутренних войск МВД, используя **дубинки, цепи, пиротехнику, камни и даже угнанный с майдана грейдер**.

Часть нападавших, которая была **подготовлена наилучшим образом**, имела бросавшуюся в глаза **нарукавную повязку с «волчьим крюком»** – символом СНА и «Патриота Украины».

Подчеркиваем, **мы не обвиняем настоящих реконструкторов**, занятых благим и полезным делом изучения собственной истории.

Но оставленные на произвол судьбы клубы военно-исторической реконструкции в таком ракурсе становятся удобной средой для подготовки радикалов. Бугурты, маневры, турниры – все это составные элементы движения военно-исторической реконструкции. В них отрабатываются как индивидуальные боевые навыки, так и совместные действия в составе небольших подразделений.

Поэтому, наверное, и не следует удивляться, что один из осужденных по делу о беспорядках на Болотной площади в Москве в мае 2012 года оказался участником военно-реконструкторского движения.

Фрагмент статьи журнала The New Times.

«“Очень добрый и отзывчивый человек, нам его не хватает”, – вздыхает Василиса Дробышева. Ей 21 год, она занимается исторической реконструкцией, со Степаном познакомилась ровно год назад на международном фестивале “Были Старого Киева”. К тому времени Зимин был активным участником движения реконструкторов, а она в первый раз в жизни попала на этот фестиваль. В первый день фестиваля, вспоминает Василиса, участники организовывали быт лагеря: ставили палатки, разводили очаг. “Поскольку Степа владеет разными языками, в том числе английским, то он был у нас вроде проводника, – улыбается Дробышева. – Он вообще очень многое умел: показывал шлем, который сам выковал в кузнице, доспехи из кожи, сделанные собственноручно. Еще участвовал в турнире, где воины сражаются один на один. Его привлекали викинги, X век в Скандинавии”».

Имя Зимина в реконструкции – Скьёлд. Он занимался в клубе «Славянский Сокол», до этого в военно-историческом клубе «Дружина Железного Рога». В «Славянский Сокол» его привел 24-летний Борис Тимошкин, с которым Зимин познакомился на фестивале исторической реконструкции в 2010 году. Они называли друг друга «братьями», и своему «брату» Тимошкин дает самые лучшие рекомендации: «Степа всегда был ответственным и добропорядочным членом клуба, которому можно было доверять и в быту, и на соревнованиях. Да, я не сторонник его политических убеждений, я пытался его от них оградить»^[93].

Понятно, что неформальные контакты с зарубежными клубами исторической реконструкции (например, в ходе выездных исторических фестивалей в Прибалтике и Польше) открывают дополнительные возможности по **формированию определенных политических представлений**, особенно если такая цель ставится одной из сторон. При этом системная работа в данном сегменте является эффективной «профилактикой» подобных эксцессов.

Вместе с тем интерес к истории своего народа, к его обычаям и традициям проявляется не только в реконструкции, но и еще в таком современном общественном явлении, как **неоязычество**.

Появившееся в России в конце 1980-х годов новое общественное течение привлекло в свои ряды людей, стремящихся прикоснуться к мировоззрению древнеславянских предков. Они провозгласили своей целью возрождение славянского язычества через реконструкцию соответствующих обрядов, традиций, верований.

Проблема была в том, что с момента крещения Руси, православного периода, а затем атеистического СССР найти реальные исторические источники, аутентичные славянским языческим традициям, было не то чтобы нелегко, а почти невозможно. Поэтому тем логичнее стало «обнаружение» текста так называемой «Велесовой книги», созданной в середине 1950-х (впервые опубликованной писателем-эмигрантом Ю. Миролубовым в русско-американском журнале «Жар-птица»). Современная филология и источниковедение окончательно закрыли вопрос о подлинности этого литературного произведения^[94].

И тут на помощь пришли языческие адепты с Украины, а точнее – представители так называемой РУН-веры, или иначе «Родной украинской национальной веры».

Наравне, ключевым в этом определении является термин «национальная вера». «Культ вышиванки», столь распространенный сегодня на Украине, берет свое начало как раз в РУН-вере. На первый взгляд в таком возрождении религиозных традиций ничего «политического» нет. За исключением одной детали.

Дело в том, что создателем РУН-веры называют Л. Силенко, украинского эмигранта в США, написавшего труд «Мага-вера». В 1966 году в Чикаго была создана первая религиозная община адептов РУН-веры (достаточно интересное совпадение, особенно с учетом времени создания «Велесовой книги»). А в городе Спринг Глен (штат Нью-Йорк) был основан собор святой матери Украины – сердце нового религиозного движения.

Собственно, на Украине официально первые неоязычники появились в 1991 году, что совпало с развалом СССР. Уже в 1994-м в Москве возникает «Московская славянская языческая община», получившая официальную регистрацию в Министерстве юстиции РФ. Еще через два года, в 1996-м, устанавливают связи с общинами РУН-веры на Украине. В 1997 году возникает

«Союз славянских общин родной веры». То есть полуподпольное советско-российское неоязычество становится вполне официальным «новым религиозным движением», объединившим в своих рядах десятки общин в разных городах страны.

Еще одна маленькая деталь: в конце 1980-х годов «Московская славянская языческая община» по составу членов практически полностью совпадала с «Клубом славяно-горицкой борьбы», открывшим свои двери для желающих прикоснуться к славянским древностям.

Поэтому уже в самом начале своего становления российское неоязычество использовало военно-спортивную подготовку в качестве одного из эффективных каналов воздействия для привлечения неофитов.

Понятно, что лозунги здорового образа жизни, возрождения русских народных традиций – как альтернатива вездесущим подвальным клубам карате, повсеместно распространенным в середине 1980-х годов, а также славяно-горицкая борьба, «русский стиль» и прочие виды «национальных» боевых искусств стали востребованными. Ну а то, что позже за «русским стилем» появились волхвы, капища и деревянные истуканы в лесу, – это вторая история.

И конечно, важным отличительным признаком российского неоязычества стало агрессивное неприятие православия. Справедливости ради надо заметить, что структуры РПЦ платили и платят язычникам той же монетой.

Резюмируя, можно констатировать следующее.

1. Существуют каналы взаимодействия между неоязычниками Украины и России.
2. Есть информация о возможном следе зарубежного влияния в становлении неоязычества на Украине.
3. Неоязычество поощряет неприятие существующей власти (хотя бы из-за поддержки РПЦ).
4. Одна из движущих сил Евромайдана – украинский фашизм, замешанный на национализме и подкрепленный эстетической символикой, в том числе языческого происхождения.
5. Неформальные молодежные объединения, пропагандирующие здоровый образ жизни, занятия спортом, в том числе военно-прикладным, и опирающиеся на национально-языческую риторику, оставленные без государственного внимания, становятся источником рекрутирования участников «Русских маршей».
6. Информационная поддержка таких движений, в том числе и «Русских маршей», ведется через неоязыческие каналы.
7. Соответственно, заинтересованные центры влияния на ситуацию в России, находящиеся на Украине, имеют возможность вести идеологическую работу с молодежью через сеть незарегистрированных организаций, пропагандирующих неоязычество и изучение наследия предков.

К сожалению, визуальная атрибутика националистов и язычников часто совпадает. Эта тенденция уходит корнями в самое начало 1990-х, когда действовали такие забытые сегодня структуры, как РНЕ и им подобные. **Неонацисты** вполне осмысленно **присваивают языческие символы**, ведь так поступали и их идейные вдохновители из Третьего рейха.

Следует отметить, что после февральских событий 2014 года в Киеве российское неоязычество перестало быть только сообществом людей, выезжающих в погожие летние деньки на природу, дабы принести жертвы «древним богам», поплясать ночью у костра и на следующее утро вернуться в город.

Отличительной особенностью боевых действий на **юго-востоке Украины в 2014–2016 годах** стало наличие **по обеим сторонам фронта** людей, исповедующих, мнимо или реально, неоязычество. Причем речь идет не об отдельных адептах, а о целых подразделениях, в составе которых проходили службу люди определенных религиозных взглядов.

Любопытно, что помимо участия в боевых действиях неоязычники ведут и просветительскую работу. В частности, летом 2015 года в их среде обсуждалась идея установки памятника древнерусскому князю Святославу в Севастополе.

Вообще, фигура князя Святослава Игоревича оказывается культовой для приверженцев неоязыческих взглядов. Так, например, согласно данным научного альманаха *Colloquium heptaplomeres* (Сост. А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. Н. Новгород: Мининский университет, 2015), подготовленного коллективом исследователей современного российского неоязычества, именно князь Святослав Храбрый является наиболее популярным историческим героем в этой среде.

«Самый популярный исторический герой – князь Святослав Игоревич, а вот на втором месте неожиданно оказался Владимир Святославович – креститель Руси»^[95].

Обращает на себя внимание то, что на увековечивание памяти последнего русского князя-язычника претендуют и представители украинского неоязычества.

Так, в частности, в конце декабря 2015 года в СМИ сообщалось, что так называемые бойцы гражданского корпуса «Азов» установили памятник Святославу на месте снесенного монумента Ленину в центре Мариуполя^[96].

Более того, позже бойцы «Азова» провели «марш ХРАБРЫХ, в котором приняли участие около тысячи человек. Они устроили факельное шествие по главной улице Мариуполя – проспекту Ленина – к площади Свободы, а затем провели митинг ИДУ НА ВЫ»^[97].

Кроме того, в ходе Евромайдана в составе «Самообороны» присутствовала так называемая 2-я сотня им. Святослава Храброго.

Следует отметить, что батальон «Азов» состоит из людей, исповедующих одновременно неоязыческие взгляды и неонацистскую идеологию, о чем неоднократно писали отечественные и зарубежные СМИ.

Члены будущего батальона приняли деятельное участие в событиях Евромайдана. Именно тогда внешняя атрибутика «Азова» была, так сказать, представлена широкой общественности.

При этом корни украинского язычества оказываются на порядок глубже, чем его российские «аналоги». В первую очередь потому, что украинские неоязычники получали **государственную подпитку**. Об этом, в частности, могут косвенно свидетельствовать масштабы деятельности по реинкарнации языческого сознания на Украине. Приведем лишь один фрагмент, наглядно демонстрирующий серьезность вкладываемых ресурсов.

«20 июля 2008 года на горе Богит в Карпатах, где стоял в Средние века знаменитый Збручский идол, установлено **огромное деревянное изображение Перуна, к которому организуются паломничества со всей Украины**. 24 августа 2009 года еще один **огромный идол Перуна был установлен на Подоле в Киеве** – примерно там же, где он стоял до Крещения Руси и откуда в 988 году был сброшен в Днепр. Торжественная церемония **собрала тогда сотни неоязычников и была показана на многих украинских телеканалах**, но осталась незамеченной в России. Помимо существующего на **Старокиевской горе капища еще одно** (уже откровенно новодельное, на кирпичном фундаменте) в 2006 году в канун православной Пасхи **было заложено в Киеве на Замковой горе**, где до революции располагалось кладбище Флоровского женского монастыря.

Следствием того, что многие приходят в неоязычество из соображений откровенно националистического характера, являются **тесные связи украинских РУНистов с правыми организациями различной степени радикальности**. Кто-то просто практикует параллельное членство, но и примеров того, как это сотрудничество проходит на официальном уровне, немало. Например, на сайте крупнейшей националистической партии Украины – ВО «Свобода» – можно найти упоминания о том, как 22 марта с.г. отделение этой организации в городе Борисполь Киевской области организовало лекцию председателя ОРУ Галины Лозко, названной ими «разработчиком современной украинской правой идеи».

На сайте действующего при ОРУ братства «Сварга» можно найти фотографии неоязычников, совершающих 20 марта с.г. обряды на том пресловутом капище рядом с фундаментом Десятинной церкви.

Те же лица запечатлены на фоне знамени Конгресса украинских националистов (КУН). Также есть фото с митинга 16–17 апреля с.г. в Холодном Яру, где рядом со знаменами «Свободы», КУН и других националистических организаций реют флаги организации язычников. Так что **мобилизационные возможности украинских любителей дохристианской старины и их союзников для организации политических протестов достаточно велики»**^[98].

Отметим, что этот материал был опубликован в июне 2011 года – за два года до Евромайдана. И в этом плане, безусловно, является пророческим.

Таким образом, не переоценивая потенциал российского неоязычества и принимая во внимание его неоднородный характер, следует подчеркнуть определенные **риски с точки зрения возможного вовлечения этой среды в «оранжевые процессы»**. Тем более что многие российские неоязычники получили боевой опыт, принимая участие в боевых действиях на юго-востоке Украины.

Более того, наличие общих «идеологических предпочтений» в виде определенных канонических фигур (например, князя Святослава), а также общего исторического наследия славянского мира делает современных российских язычников удобной группой для работы со стороны внешних центров влияния. Отметим, что такое влияние необязательно может оказываться напрямую. Мы видели, что организаторы «цветных» процессов умеют опосредованно поддерживать весь спектр сил, способных в перспективе дестабилизировать ситуацию в той или иной точке приложения усилий.

Все это обретает новые смыслы, в том числе на фоне пресечения деятельности некоторых языческих общин компетентными органами РФ.

В частности, об одной такой операции сообщалось на страницах российской прессы в августе 2015 года.

«Как сообщили тележурналисты, были задержаны “члены религиозной организации, запрещенной на территории России”. Речь, по данным Следственного комитета по Ставропольскому краю, озвученным на сайте ведомства и его пресс-секретарем в репортаже местного телевидения, идет о Древнерусской англиистической церкви православных староверов-инглингов. Учение инглингов уж очень своеобразно – у них свои собственные “Славяно-арийские веды”, в которых повествуется о войнах “великой расы” (“славяно-ариев”, “х’арийцев” и т. д.) с инопланетянами, о живущих в космосе Перуне и прочих богах, которые вскоре вернуться на Землю, после чего наступит конец света. При этом идеология инглингов содержит идеи расового превосходства и активно использует свастику (причем в том числе в варианте, принятом в Третьем рейхе), в связи с чем в 2009 г. англиистическая церковь была запрещена по всей территории России за пропаганду экстремизма, а ее лидер Александр Хиневич был осужден на 1,5 года условно с испытательным сроком 2 года. В 2011 г. его испытательный срок закончился и Хиневич вернулся к пропаганде своего учения, посещая регионы, в том числе Северный Кавказ, где к тому времени уже были его приверженцы.

Как сказано в пресс-релизе Следственного комитета по Ставропольскому краю, последователи Хиневича в крае “объединились в две территориально обособленные религиозные группы, которые осуществляли свою деятельность в Пятигорске и Минеральных Водах” и “распространяли свои убеждения об исключительности и превосходстве одной расы и неполноценности другой”. В итоге отделом по расследованию особо важных дел СК “возбуждено два уголовных дела в отношении пяти участников религиозных групп, подозреваемых в совершении преступлений, предусмотренных п. “в” ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти и вражды)”»^[99].

Многие эксперты, занимающиеся проблемой российского национализма, отмечают глубокий **раскол** в их среде по **«украинскому вопросу»**. То же самое видно и на примере неоязычников, сражающихся по обе стороны фронта.

Вместе с тем и в среде язычников, и в среде националистов отмечается тренд на снижение публичных акций при одновременной **интенсификации физической и военно-прикладной подготовки**. Об этом, в частности, сообщается в докладе Информационно-аналитического центра «Сова» (А. Верховский), подготовленного летом 2015 года по тематике процессов, проходящих в националистической среде.

«Несмотря на то что тема украинского противостояния все еще является для националистов одной из самых важных, количество посвященных ей акций существенно сократилось с прошлого года как среди оппозиционных и националистических объединений, так и среди лояльных Кремлю.

Русские националисты, вне зависимости от отношения к политическому режиму, все более систематически занимаются организацией боевой подготовки. Порой это прямо связано с отправкой добровольцев на украинские фронты, но, несомненно, подготовка нацелена в первую очередь на будущее внутривнутриполитическое применение»^[100].

Таким образом, украинские события запустили процессы по жесткому размежеванию в среде националистов, что, с одной стороны, привело к снижению их публичной активности и хаотизации, а с другой, конечно, способствовало структуризации и объединению уже не только в рамках идеологических предпочтений, но также и по участию в боевых действиях по обе стороны украинского конфликта.

Очевидно, что такие структурные подвижки затронули меньшую часть националистического сообщества. Однако их **систематическая работа в молодежном сегменте** вкупе с реальным боевым опытом, получаемым в зоне конфликта, способствует и расширению «корпоративных» связей, и укреплению «ядерной» базы сторонников.

Информационная поддержка СМИ

Одной из ключевых особенностей технологий демонтажа политических режимов является широкое **использование средств массовой информации** для формирования необходимого «заказчику» информационного фона.

При этом в данный процесс вовлекаются не только СМИ, имеющие официальную регистрацию, но все активнее и социальные сети, и «независимые журналисты», и разного рода журналисты-стрингеры и т. д. Отдельный инструмент – транснациональные СМИ, генерирующие информационную (прежде всего телевизионную) картинку за пределы страны.

Очевидно, что их основная задача – обеспечить максимальное распространение «своего» новостного фона. Та самая «добрая машина пропаганды», но уже в масштабах СМИ, обладающих официальным статусом.

Понятно, что следует различать освещение в информационном поле собственно протестов и фоновую кампанию, направленную на перспективу, где речь идет не о круглосуточном вещании, посвященном жизни и быту майдана, а о формировании общественного мнения по определенным конкретным проблемам.

Рассмотрим в качестве иллюстрации приведенных тезисов некоторые примеры подобной информационной работы.

В апреле 2014 года на информационных ресурсах, ориентированных на представителей националистических кругов, стали появляться анонсы «Манежки 2014».

13 мая 2014 года 22-летний Леонид Сафьянников, фанат футбольного клуба «Спартак», «был жестоко избит в Пушкино после уличной ссоры с Жахонгиром Ахмедовым и еще одним мужчиной. После избиения Ахмедов пытался представить все как аварию и разбил BMW Сафьянникова, врезавшись на нем в столб. После этого он вместе с таксистом отвез Сафьянникова в больницу, где тот скончался»^[101].

Чуть позже в СМИ появилась информация, что убийца Сафьянникова мог скрыться на территории Узбекистана.

15 мая «около 500 человек, среди которых были знакомые убитого в подмосковном Пушкино фаната “Спартака”, его родственники и обычные горожане, собрались в четверг вечером на железнодорожной станции Пушкино. В процессе митинга несколько особенно активных футбольных фанатов устроили публичные выступления, после повели за собой часть собравшихся по улицам города. Безопасность обеспечивали сотрудники правоохранительных органов и ОМОН. Полицейские задержали 43 человека, на которых были составлены административные протоколы, в настоящее время все они отпущены домой»^[102].

Казалось бы, инцидент исчерпан – беспорядков не допущено, убийца пойман. Но в информационном поле это событие интерпретируется весьма своеобразно. Вот, например, как об этом написал известный московский журналист.

«Два месяца вся российская государственная машина очень громко и убедительно говорит, что народ имеет право на восстание.

И несмотря на это, первое массовое столкновение граждан с полицией в России происходит только сейчас, в середине мая, то есть на третий месяц пропаганды по поводу “русской весны”. Впервые за эти два месяца где-то в России люди без разрешения выходят на улицу, дерутся с полицией и, в общем, ведут себя примерно так (только, конечно, несопоставимо более робко), как все это время их учила российская пропаганда.

И самое смешное, что события в Пушкино вообще никак не связаны ни с этой пропагандой, ни с “русской весной”, ни с Украиной вообще. Это просто очередной сюжет из вечного сериала про отношения футбольной общественности с мигрантами. **Ни полиции, ни задержанным не придет в голову сравнивать Пушкино и Донецк.** Человек вышел из отделения полиции, оштрафованный за мелкое хулиганство, пришел домой, включил телевизор, а там ему расскажут про новые подвиги ополченцев Славянска. **И он вообще не поймет, что по телевизору показывают его самого, просто помещенного в украинское зазеркалье.** Вот как это работает?

Стоит человек, не знаю, с бульжником перед полицейским оцеплением, смотрит на щиты омонцовцев. **Неужели у него в голове ничего не шевелится по поводу того, что в “Вестях недели” показывали такие же щиты, и говорили, что люди, которые отбирают их у полицейских, – хорошие?**

Апдейт: Нас поправляет очевидец Сергей Смирнов из Москвы: “Ты правда думаешь, что люди не сопоставляют? Я только что из Пушкино, ну ты чего. К примеру – **про народный сход ментам: “Путин же разрешил на Украине”**. Вот так все примерно”.

Ну и еще. В принципе вся история “русской весны”, по крайней мере до Славянска, была вполне виртуальная – бегал себе безумный Губарев, бывший Дед Мороз, по Донецку, его показывали по российскому телевидению и говорили, что он народный губернатор. **Спровоцировать народные волнения по типу пушкинских в российском райцентре – задание тоже на полчаса, берешь сводку происшествий, выбираешь, где нерусский убил русского, ну и все.** Украинцы жалуются, что один Стрелков и один Бабая погрузили у них целый регион в пучину хаоса – но найти Бабая для российского райцентра задача тоже, в общем, не такая невыполнимая. **Если бы у Украины были спецслужбы, такое Пушкино (или, в старой терминологии, Бирюлево) случилось бы на следующий день после захвата областной администрации в Донецке**, и украинское телевидение показывало бы какого-нибудь Васю и говорило бы, что это народный губернатор Курганской области (а Васю бы забрали в ФСБ, и он доказывал бы, что он просто был директором агентства по организации праздников). Но это если бы у Украины были спецслужбы»^[103].

То есть убийство фаната «Спартака» в статье интерпретируется в контексте происходящего в тот период на Украине. Ставится знак равенства между действиями футбольных болельщиков и активистов майдана. Утверждается, что лишь пример непрофессионализма украинских спецслужб не позволяет поднять народное недовольство в России. И все это на фоне размещаемых в социальных сетях анонсах «Манежки 2014».

Что характерно, в регионах к подобной «активности» отнеслись более чем серьезно. Так, например, в Екатеринбурге 18 мая 2014 года вокруг администрации города выставили оцепление.

«В районе девяти вечера здание администрации города оцепили по периметру люди в форме и бронжилетах. От кого они защищают мэрию, бойцы, назвавшиеся сотрудниками службы охраны спецобъектов, пояснить не смогли. Или не захотели.

В пресс-службе ГУ МВД Свердловской области уточнили, что никто о бомбе в здании администрации не сообщал. И никакого протестного митинга под окнами мэрии сегодня вечером не планировалось.

По данным нашего корреспондента, автобус с военными, которые никак себя не проявили, уехал в 22:13. Вскоре выяснилось, что **силовики нагнали, чтобы предотвратить возможные провокации оппозиционно настроенных граждан.**

Сегодня, **по сообщениям активистов в соцсетях, в крупных городах России должны были пройти марши несогласных с политикой Кремля и Путина, в частности. Как выяснил корреспондент E1.RU, на площадь 1905 года действительно пришли оппозиционеры. Но они, остерегаясь задержаний, не стали объединяться в одну компанию и доставать какие-либо плакаты, выкрикивать лозунги»**^[104].

Приведенный пример – лишь один из образцов формирования определенного информационного фона.

Любопытные подробности **об особенностях следующего этапа информационной войны** размещены на сайте уже упомянутого Института современной России. В частности, речь идет об итогах прошедших слушаний Комитета по международным отношениям Конгресса США: «Вторжение Путина на Украину и пропаганда, угрожающая Европе».

Слушания проходили в рамках заседания подкомитета по Европе и сотрудничеству в области региональной безопасности. Согласно открытым данным, сенаторы выслушали показания четырех экспертов по российской пропаганде и одного сотрудника администрации США.

Сначала показания дал Бенджамин Зифф, заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии. Затем выступили эксперты: Леон Арон, директор российских исследований Американского института предпринимательства, Петр Померанцев, старший научный сотрудник Института «Легатум», Максимилиан Чуперски, специальный помощник

президента Атлантического совета, и Хизер Конли, старший вице-президент по делам Европы, Евразии и Арктики Центра стратегических и международных исследований. Председателем на слушаниях выступил сенатор Рон Джонсон (республиканец, шт. Вайоминг)^[105].

Отмечается, что «в 2015 (фискальном) году Госдепартамент и USAID выделили \$66 млн на поддержку гражданского общества и независимых СМИ в Евразии и Юго-Восточной Европе. Эти средства были направлены на такие программы, как обмены и тренинги для журналистов и лидеров общественного мнения. В 2016 году Барак Обама планирует запросить у Конгресса \$83 млн»^[106].

Приводятся рекомендации по новым направлениям информационной работы:

• «поддержка креативного использования Интернета и “органичных” местных усилий по распространению правдивой информации будут более эффективными мерами, чем традиционные техники холодной войны»;

• «более активно финансировать местные НКО и помогать журналистам, лидерам гражданского общества и обычным гражданам, чтобы они сами могли развенчивать пропагандистские мифы»^[107].

Резюмируя сказанное, можно отметить такие тренды, как:

• увеличение финансирования на поддержку НКО и гражданских лидеров (на 17 млн долларов, или на 1,1 млрд рублей);

• смещение акцентов в информационной работе на активность местных лидеров общественного мнения. Как следствие, повышается легитимность размещаемой информации, обеспечивается ее «ускоренность» в местной повестке;

• подготовка информационно-аналитических материалов по принципу слоеного пирога: часть фактологического материала или вектора по его «вскрытию» задается извне, и уже на этой базе местные активисты раскручивают всю «спираль», причем опираясь на подчеркнута «открытые» данные (то есть в некотором роде это продолжение «кейсов» антикоррупционных расследований Навального, только по другим темам).

Поддержка федерального протестного движения

Ранее уже отмечалось, что региональный разрез федерального протестного движения – важное направление работы в рамках реализации «оранжевых» сценариев. Как с точки зрения вербовки массовки для участия в протестных митингах в столичных городах, так и для формирования картинки широкой поддержки протестного движения за пределами условного МКАДа.

Следует учитывать и эффект кадрового лифта, позволяющий отдельным лидерам протеста на местах занять прочные позиции в федеральном оппозиционном истеблишменте.

Любопытно, что «истории успеха» персонажей подобного толка в некотором роде являются «кейсами» использования «мягкой силы» на периферии, поскольку привлекается классический инструментарий в виде программ академического или гражданского обмена, грантовой поддержки, взаимодействия со СМИ, образовательных программ и т. д.

Важную роль при отработке соответствующих стратегий играет совпадение интересов разных элитарных групп – местных, региональных, федеральных и внешних.

На первый, так сказать, академический взгляд представить подобный гибрид сложно. Тем не менее есть несколько примеров, доказывающих как минимум возможность реализации таких сюжетов-схем.

Что характерно, финансовые ресурсы в данном случае играют далеко не основную роль. И с точки зрения мотивации действий конкретных людей, и с точки зрения первоначальной ресурсной базы, позволившей им в конечном итоге достигнуть соответствующих позиций.

Иными словами, те самые «печеньки госдепа» оказываются механизмом, который используется для налаживания взаимодействия прежде всего с «пехотой» условного майдана. В то время как его «офицеры», в полном соответствии со всеми установками эффективно действующей армии, получают свои «должности» за счет личных качеств, навыков, умений и компетенций.

В этом плане задача архитекторов «оранжевых» процессов – найти таких людей, провести их через многочисленные фильтры отбора и в конечном итоге предоставить возможности для реализации своих талантов в широком коридоре поставленных целей.

Характерный пример успешного «кейса» такого рода – профессиональная оппозиционная карьера экс-депутата Екатеринбургской городской думы **Леонида Волкова**, который оказался главой избирательного штаба Алексея Навального на выборах мэра Москвы в 2013 году, а чуть позже возглавил штабы «ПАРНАСа» на выборах в Новосибирске и Костроме.

Следует заметить, что, как математик по образованию, Волков, бронзовый призер чемпионата мира по программированию 1997 года, подошел к проблеме своей интеграции в оппозиционное движение системно.

В 2009 году он избирается в состав Екатеринбургской городской думы по Кировскому одномандатному округу. И практически сразу же выбирает стезю противостояния областным органам власти.

Первой громкой публичной акцией начинающего политика становится митинг в центре Екатеринбурга против строительства храма Св. Екатерины на площади Труда.

Далее депутат Екатеринбургской городской думы стал последовательным критиком реформы системы управления Екатеринбургом, инициатором которой были областные власти.

На публичных слушаниях, где рассматривался вопрос о введении в структуру управления муниципалитетом должности сити-менеджера, Волков швырял на сцену сотовые телефоны, показывая свое единство с аудиторией, настроенной против реформы.

Затем последовала история с «Аргус-лесом» – компанией, которой якобы оказывал особое покровительство новый глава Свердловской области. И примерно в этот же период Волков впервые знакомится с А. Навальным. Причем не на уровне телефонных бесед, а в формате приглашения «восходящей звезды» российской оппозиции в Екатеринбург.

Это становится тем рубежом, который отделил Волкова – регионального политика от Волкова – члена федерального оппозиционного движения.

С 2007 года он начал работать с Ассоциацией наблюдателей «ГОЛОС», являясь ее региональным координатором^[108]. Надо заметить, что это сотрудничество оказалось весьма плодотворным.

«Я давно уже формально называюсь “координатор ассоциации ГОЛОС по Свердловской области”, но реально-то работали только в Екатеринбурге. Сейчас – не так. В прошлую пятницу, 17 февраля, провел семинар для наблюдателей в Нижнем Тагиле; 26 февраля будет обучение наблюдателей в Каменск-Уральском, а 29 февраля – в Первоуральске.

Сейчас у нас в базе 620 подготовленных наблюдателей, на последние семинары ходит по 60–80 человек (!), реально, с учетом городов области, есть шансы выйти на отметку в 1000 подготовленных нашей командой наблюдателей. А ведь недавно 220 обученных к выборам 4 декабря казались нам непомерным, рекордным числом!»^[109]

Итогом этой бурной деятельности стало открытие 4 марта 2012 года (день выборов Президента РФ) в Екатеринбурге так называемого iCenter.

«Независимый ситуационный центр по выборам iCenter будет развернут в городе Екатеринбурге 4 марта 2012 года. Мы его делаем силами и на базе информагентства “Политсовет” (Ф. Крашенинников), регионального отделения ассоциации ГОЛОС, при помощи многих примкнувших к нам друзей из числа журналистов и гражданских активистов.

iCenter будет решать две задачи: а) оперативный сбор и обработка всей информации, имеющей отношение к выборам 4 марта; б) ее распространение. Сбор информации будет происходить с информационных ресурсов ассоциации “ГОЛОС”, с помощью собственных корреспондентов в лице сотен наблюдателей, которых мы подготовили и которые будут работать в городах Свердловской и Челябинской областей, с помощью независимых наблюдателей в других регионах, а также из мобильных приложений для наблюдателей, которые создавались многими командами разработчиков перед выборами (лично я принимал небольшое участие в проекте “Веб-Наблюдатель”, и всем, кто собирается быть наблюдателем, горячо рекомендую скачать и установить приложение).

В режиме реального времени мы будем оповещать по регионам о явке на избирательные участки, а также подводить итоги голосования (как только это будет возможно по закону) по тем копиям итоговых протоколов, которые будут у наших наблюдателей. Таким образом, уже вечером 4 марта в эфире нашего телевидения будет объективная информационная картина происходящего, подкрепленная свидетельствами очевидцев, видеороликами и копиями протоколов»^[110].

Этот центр действительно заработал 4 марта 2012 года, но в чуть меньших масштабах, и ощутимых результатов, способных повлиять на итоги голосования, разумеется, не достиг^[111].

Однако есть основания полагать, что iCenter в Екатеринбурге был частью более обширной сети, охватывающей многие города-миллионники РФ. На Урале был развернут лишь один из ее филиалов. С учетом прямого участия в этой работе представителей «ГОЛОСа» очевидно, что основной задачей сформированной сети являлась дискредитация итогов голосования 4 марта 2012 года. Масштабы проведенной работы свидетельствуют о серьезном финансировании подобного проекта.

Таким образом, за время своей деятельности в качестве координатора «ГОЛОСа» в Свердловской области Волков не только обеспечил подготовку многих сотен наблюдателей для работы на избирательных участках, но в первую очередь сумел эпизодическую прежде деятельность организации в регионе поставить, что называется, на поток.

Его усилия не пропали даром, иначе бы он не получил возможности реализации в Екатеринбурге проекта iCenter. Нельзя не упомянуть и тот факт, что по итогам работы iCenter Волков получил возможность заявить о себе в иноязычных СМИ.

«Беседовал с Оливером Кэрроллом из opendemocracy.net, рассказывал про наш мегапроект iCenter, показывал всякие сюжеты о том, что у нас тут было в день голосования 4 марта.

У нас был очень классный проект, на самом деле, и очень много души на самом деле было вложено... в то, чтобы доказать еще раз, что мы здесь можем хоть десять раз выше головы прыгнуть, но глобальные перемены должны, увы, начинаться со столицы. Потому что наш проект, в котором было задействовано больше 30 человек, журналисты сделали 220 новостей, каждые полчаса мы выходили в прямом эфире с новостями и ток-шоу, более десятка прямых включений с разными городами, полтора десятка живых интервью с наблюдателями, инфографика, заставки, две студии – вот все это вылилось суммарно где-то в 20 тысяч просмотров; как бы и неплохо для очень начинающего “интернет-телевидения”, но объективно-то – крохи. Притом что в Москве может быть просто одна растяжка в качестве фона и просто какой-то разговор на общие темы без особых акцентов – и сотни тысяч просмотров»^[112].

Отметим, что Оливер Кэрролл – достаточно известная фигура в мире политической журналистики стран Восточной Европы и России. Выпускник Кэмбриджского университета в разное время сотрудничал с такими изданиями, как The Independent, Newsweek, Politico, The Times of London, DieZeit, Foreign Policy, The Daily Beast, BBC, Sky и др.

Посетив впервые Москву в 2004 году, он вскоре начал работу в русской версии журнала Esquire. Затем вернулся в Великобританию, где работал редактором проекта Open Democracy Russia.

А в 2014 году Кэрролл уезжает на Украину, где готовит репортажи сначала о Евромайдане в Киеве, а затем о конфликте на юго-востоке страны^[113].

Любопытно, что в этот период своей трудовой деятельности Кэрроллу удалось взять обширное интервью у И. Коломойского^[114] – так сказать, для понимания уровня персон, с которыми работал британский журналист.

В конце февраля 2012 года Волков дебютировал и в эфире немецкого телевидения ARD.

«В эфире ARD, первого канала немецкого телевидения, будет вечер документальных фильмов о политике и гражданском обществе в России. Сначала – 45-минутный фильм о Владимире Путине (включающий в себя несколько эксклюзивных интервью), потом 45-минутный фильм о “новой оппозиции”, состоящий из сюжетов о трех “героях” – Алексее Навальном, Noize MC, Леониде Волкове».^[115]

Таким образом, взаимодействие с «ГОЛОСом» позволило Волкову не только заработать репутацию оппозиционного политика, но и расширило его связи в мире политической журналистики за пределами страны.

Понятно, что для муниципального депутата из Екатеринбурга, занимавшегося борьбой с нелегальными парковками, это открыло новые возможности.

Однако работа с «ГОЛОСом» – лишь небольшой эпизод в профессиональной карьере политика Волкова.

С декабря 2010 года он является членом федерального политсовета «Партии народной свободы». С января 2011-го Волков приступает к созданию регионального отделения «Партии народной свободы» в Свердловской области. Сопредседатели «Партии народной свободы» в тот

период – М. Касьянов, Б. Немцов, В. Рыжков. Эти имена говорят сами по себе достаточно много об ориентирах, которые избрал молодой политик.

С 2008 года Волков является членом движения «Солидарность».

Объединенное демократическое движение «Солидарность» (ОДД «Солидарность») – оппозиционное российское общественно-политическое движение. ОДД «Солидарность» – коалиция, в которую вошли сторонники таких радикальных оппозиционных структур, как «Объединенный гражданский фронт», «Союз правых сил», «За права человека», «Российский народно-демократический союз», «Оборона», «Яблоко» и т. п. Основной заявленной целью протестного движения является смена режима «Путина – Медведева», ликвидация монополизма в области политики, экономики и информации, демократизация страны. В качестве основного политического принципа провозглашен отказ от сотрудничества с нынешней властью.

«Формой ведения политической борьбы сторонников “Солидарности” является осуществление протестных акций, в том числе в деструктивных формах, негативной информационной политики, критикующей действующую власть на фоне финансово-экономического кризиса, а также пропагандистская работа с населением путем распространения соответствующих газет и листовок, организация экономических и правозащитных консультационных центров»^[116].

Принимая во внимание членство Волкова в многочисленных оппозиционных структурах, складывается впечатление, что начинающий политик из Екатеринбурга как минимум стремился привлечь к себе внимание максимально широкого количества деятелей российского оппозиционного движения.

Но взаимностью они ему ответили не сразу. Фактически его включение в орбиту федеральной оппозиции произошло за счет установления тесных связей с Алексеем Навальным.

Во всяком случае несмотря на то, что Волков неоднократно выступал принимающей стороной визитов Немцова в Екатеринбург, это никак не конвертировалось в публичном поле в его продвижение во внутреннем «табеле о рангах» федеральной оппозиции.

Более того, в мае 2012 года Волков довольно шумно выходит из «ПАРНАСа», заявив, что намерен заниматься собственным политическим проектом, создаваемым на принципах «электронной демократии», в силу того, что провести реформу «ПАРНАСа» изнутри не удалось.

Уже в августе инициативная группа^[117] под руководством В. Ашуркова, директора Фонда по борьбе с коррупцией А. Навального, направляет документы на регистрацию партийной организации «Народный Альянс» в Министерство юстиции РФ.

«По словам Албурова, технологической площадкой для партийного строительства будет система “Демократия 2” (www.democrata2.ru). Это сайт-платформа для всех проектов, которые были реализованы Навальным и его сторонниками, где каждый зарегистрированный пользователь может вносить предложения и голосовать. Здесь будет вырабатываться идеология партии, структура управления и выбираться один или несколько лидеров»^[118].

Стоит отметить, что примерно за год до описываемых событий Волков опубликовал в соавторстве книгу «Облачная демократия», посвященную перспективам развития института выборов.

Любопытно, что работа над книгой совпала со стажировкой Л. Волкова в США в аппарате Государственного секретаря штата Индиана, в Indiana Elections Department, как раз занимающегося организацией выборов и электоральным мониторингом. Проект для реализации – внедрение системы electronic voterlists (электронных списков избирателей).

Учеба проходила в рамках программы LFP (Legislative Fellows Program) – американской программы краткосрочных стажировок для молодых политиков, политологов и журналистов из разных стран, пишущих о политике. Документы Волков подавал дважды, оба раза прошел. Первый раз (октябрь 2010 года) не поехал, поскольку занимался организацией протестного движения против введения в Екатеринбурге двухуровневой системы управления («сити-менеджер»). В марте 2011 года вторично прошел отбор и отправился на учебу за Атлантику.

Книга, представленная широкой общественности в июне 2011 года, начинает широко распространяться в оппозиционных кругах.

«19 июня Леонид Волков рассказал о своем проекте участникам гражданского форума “Антиселигер”.

3 июля на заседании Федерального политсовета “Солидарности” концепция “облачной демократии” была названа перспективной для реализации проекта интернет-демократии, одного из четырех стратегических проектов движения.

2 октября на гражданском форуме “Последняя осень” прошла презентация сайта “Демократия 2”, созданного в русле концепции “облачной демократии”. Тогда же началась регистрация участников на сайте.

22 октября появилась улучшенная версия сайта, включающая новый дизайн, уведомления о новых комментариях, личные сообщения, делегирование голосов, механизм петиций и газету “Демократия сегодня”.

27 декабря Андрей Илларионов выступил с программной статьей “Декабрьские тезисы для граждан России”, в которой, в частности, рекомендовал использование сайта “Демократия 2” для обсуждения и решения всех вопросов, относящихся к общегражданскому движению и организации голосований участников. Статья Илларионова была опубликована на многих оппозиционных сайтах. После этого численность участников сайта “Демократия 2” быстро возросла и в середине января 2012 г. была близка к 3 тысячам»^[119].

Трудно не согласиться с тем, что это был настоящий прорыв для оппозиционного политика из Екатеринбурга. Неудивительно, что в мае 2012 года Волков покидает «ПАРНАС», учитывая те перспективы, которые развернулись перед ним буквально через месяц после выхода из партии.

В конце июля того же года возникает идея создания Центрального выборного комитета для формирования Координационного совета российской оппозиции.

«Создание органа, который легитимно представляет российское протестное движение, – это очень важная и правильная история. Выявить новых людей, обладающих потенциалом в публичной политике, найти новые идеи, уйти от споров на тему “кто все эти люди” при согласовании и подготовке очередных митингов, круглых столов или даже переговоров, просто попрактиковаться в нормальной политике – все это может расцениваться только положительно.

Вот поэтому, когда оргкомитет протестных действий доверил мне провести и организовать такие выборы в качестве председателя Центральной выборной комиссии (ЦВК), я согласился».

31 июля рабочая группа оргкомитета протестных действий сформировала Центральный выборный комитет и объявила о начале кампании по выборам в Координационный совет российской оппозиции.

«7 октября в России впервые за долгие годы пройдут свободные, демократические, общенациональные выборы, на которых будет избираться представительный орган (координационный совет) российской оппозиции.

В выборах могут участвовать все граждане России, зарегистрировавшиеся в качестве избирателей этого Совета и тем самым определившие себя как сторонников системных изменений в стране – от авторитарного режима к представительной демократии, с реальным разделением ветвей власти, ответственностью власти перед обществом и ее регулярным обновлением в результате честной конкуренции по прозрачным правилам»^[120].

Технически выборы в Координационный совет должны были пройти в формате электронного голосования.

Стоит отметить, что механизмы «электронной демократии» были апробированы российским оппозиционным движением в 2010–2011 годах в рамках проекта «Путин должен уйти».

Так, в частности, была создана социальная сеть, объединяющая сторонников указанного проекта, правда, в достаточно ограниченном масштабе – в Москве и Краснодарском крае.

Выдержки из Правил работы сети:

«1.1. Политическая сеть прямой электронной демократии (далее – Сеть) объединяет подписавших обращение “Путин должен уйти”. Участники Сети разделяют изложенную в обращении оценку кризисной ситуации в стране и стремятся добиться мирной ликвидации авторитарного режима Владимира Путина. Решения о совместных действиях принимаются на основе прямой электронной демократии, в связи с чем каждый из участников принимает на себя обязательство использовать только один аккаунт (учетную запись).

2.1. Стратегическая цель Сети: добиться проведения подлинно демократических выборов всех уровней власти в стране, формирования гарантированного Конституцией РФ демократического, социального, правового государства.

2.2. Основная тактическая задача Сети – отставка правительства Владимира Путина. Сеть призвана помочь подписавшим обращение “Путин должен уйти” объединить усилия для реализации этих целей и задач.

2.3. Методы реализации задач Сети: активное участие в политической жизни страны, организация ненасильственных протестных акций, борьба с нарушениями органами власти прав и свобод граждан.

2.4. Для эффективной реализации целей и задач Сети в ее рамках будет сформировано политическое социально-сетевое движение, управляемое участниками на основе прямой демократии (подробнее – см. пункт 4).

4.1. По мере роста количества участников Сети (но не менее 3000 человек и не позднее 1 июля 2011 г.) инициируется формирование политического социально- сетевого движения, которое на основе принципов прямой демократии самостоятельно определяет собственную структуру, повестку дня, формат и состав Общественного Совета Сети»^[121].

Предложил идею «политической сети прямой электронной демократии» И. В. Эйдман^[122]. Поэтому неудивительно, что с момента широкой презентации книги «Облачная демократия», а также проектов на ее базе, в первую очередь выборов в состав Координационного совета российской оппозиции, Эйдман выступил последовательным критиком Волкова вплоть до обвинений в плагиате своих идей^[123].

Впрочем, эта критика не остановила процедуру голосования. Выборы в состав Координационного совета состоялись. Их итоги в полном соответствии с традициями российских несистемных либералов были признаны многими участниками движения, мягко говоря, спорными.

Однако сам Волков в качестве образца для выборов в состав Координационного совета российской оппозиции рассматривал систему электронного голосования, созданную в Эстонии.

Вопросы прежде всего вызывает процедура идентификации избирателя. На этот раз, уверяют **Волков и Навальный**, проблем возникнуть не должно: **в июле они оба ездили в Эстонию**, где электронное голосование давно стало обычной практикой на выборах всех уровней.

«В Эстонии я увидел, что это вполне эффективно работает, – рассказывает Навальный. – Там я окончательно понял, что технических препятствий никаких нет, потому что в Эстонии и на настоящих выборах голосуют через Интернет, и все эти байки про то, что обязательно там будут накрутки или боты, что это нерепрезентативно, – полнейшая ерунда. И это не так дорого, как традиционные выборы»^[124].

Поэтому собственный генезис «электронной демократии» российской оппозиции оказался достаточно сложным. Как минимум можно говорить о наличии американского и эстонского опыта, который с той или иной степенью свободы перерабатывался относительно российских реалий. Разумеется, существует и «автохтонная» теория ее происхождения.

Как бы то ни было, остается бесспорным, что Волков сумел за счет проекта электронных выборов занять одно из ведущих мест в структуре обновленной российской оппозиции. Параллельно опыт российского программиста от политики оценили за рубежом.

В июне 2013 года российская платформа оппозиционных выборов использовалась в Иране на очередных выборах президента страны^[125]. Любопытно, что участниками проекта помимо Волкова стали Гарри Каспаров, Фрэнсис Фукуяма, Дэвид Поллок, Ларри Деймон и др. Более чем представительная компания.

Экс-депутат Екатеринбургской городской думы так пояснял свой интерес к иранским выборам:

«Нам эта задача была интересна в технологическом плане, поскольку Россия становится Ираном на глазах, и нам аналогичные задачи предстоит учиться решать очень скоро: в частности, **типичный гражданин Ирана категорически не хочет, чтобы кто-либо знал об его участии в таком опросе**, потому что любит, чтобы его голова находилась в непосредственной близости от его туловища, а не где-то еще. **И мы решали очень интересные задачки из сферы безопасности. Так, одноразовый пароль рассылается не в виде обычной СМС, а закодирован в виде невинного рекламного сообщения и отправляется одновременно на несколько десятков телефонов, чтобы сложнее было установить конкретного получателя**, и так далее»^[126].

Впрочем, как и результаты выборов в Координационный совет российской оппозиции, особого эффекта электронное голосование в Иране не принесло. Однако на реноме Волкова это никак не повлияло.

В июле 2013 года он становится главой предвыборного штаба А. Навального на выборах мэра Москвы.

Поработав некоторое время в компании по производству 3D-принтеров, Волков снова оказывается в центре российского оппозиционного движения. Думается, что украинский кризис сыграл здесь далеко не последнюю роль.

Летом 2015 года в Новосибирске, будучи главой избирательного штаба «ПАРНАСа» на выборах, Волков становится фигурантом уголовного дела по ст. 144 УК РФ^[127].

История политического пути Леонида Волкова демонстрирует и его участие в «локальных политических войнах», и иностранные стажировки, и сотрудничество с «профильными НКО», и взаимодействие с федеральными лидерами протеста, и работу в других странах.

Безусловно, талантливый программист, успешный IT-предприниматель Волков последовательно, шаг за шагом добивался своей интеграции в федеральное протестное движение, преодолевая противодействие прежних лидеров оппозиции, внедряя новые подходы и технологии.

С его отъездом из Екатеринбурга сформированная сетка активистов и сторонников существенно просела, ярких акций долгое время не проводилось.

Глава 6. 2016 => 2018

Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции.

В. И. Ленин. Крах II Интернационала^[128]

Россия вступила в новый длинный **электоральный цикл**. Впервые с разной долей успеха проведены «предварительные выборы» разных политических сил. Прошли выборы парламентские – не за горами президентские. Все это заставляет политологов и экспертов по деструктивным политическим технологиям напряженно всматриваться в те общественные процессы, которые так или иначе бурлят в России, – от федерального центра до каждого отдаленного, но от этого не менее важного российского региона. Мы видели, что выборы как момент самообновления любой системы делают ее очень уязвимой для внешнего вмешательства. Именно к таким периодам готовятся те технологии, о которых мы говорили выше.

Участие США в смене власти на Украине, в других самых разных государствах окончательно подтвердило, как нам кажется, очевидную координирующую роль американской (глобальной корпоративной финансовой) элиты в подготовке и реализации государственных переворотов. И было бы крайне наивным считать, что острие этой атаки больше не направлено в сторону России.

При оценке массивной антироссийской кампании, проведенной в последние месяцы американской администрацией, трудно игнорировать систему методов и средств, иллюстрирующих специфику многоуровневого воздействия на нашу страну. Их цель – приведение России к общему знаменателю. Эффективным оружием здесь может стать «цветной» государственный переворот и перехват власти, а значит, смена парадигмы развития. Чем заканчивается гражданский хаос, наша страна видела не один раз – и в феврале 1917 года, и после 1991 года. Итог – по-капиталистически деловой раздел ресурсов и территорий. Его предельное выражение – расчленение страны на мелкие враждующие «княжества», подконтрольные транснациональному капиталу и его объективным интересам. Это было очень точно сформулировано министром иностранных дел России С. В. Лавровым: *«Публично лидеры западных стран заявляют: надо санкции сделать такими, чтобы они разрушали экономику и поднимали народные протесты... Запад однозначно показывает, что дело не в том, что он хочет попытаться изменить политику Российской Федерации, что само по себе иллюзорно, а они хотят сменить режим»*.

Сценарий США в отношении России можно смело назвать развязыванием **гибридной хаосовойны** (в формулировке С. Ю. Глазьева). В нем откровенно просматривается попытка сочетать подрывную деятельность, направленную на дестабилизацию ситуации внутри страны, с

одновременной целенаправленной работой по втягиванию России в глобальную военную конфронтацию. В идеале, конечно, с Китаем.

Одним из главных и активно совершенствуемых инструментов создания мирового порядка по-американски является описанная нами в данной книге технология госпереворотов («цветных революций»), последовательно отработанная на постсоветском пространстве, в странах Ближнего Востока и Северной Африки и поступательно шлифуемая с учетом местной специфики от государства к государству.

Обидным исключением стала Россия, решительно противодействующая попыткам осуществления у себя «реплики» киевского майдана. При этом западные проектировщики очевидно увязывают **экономический вектор** (раскручивание социально-экономического кризиса как базового условия поддержки протеста) и **общественно-политический** (участие западных «грантополучателей» в подготовке беспорядков в России).

Сегодня наибольшую угрозу для сохранения устойчивости российской государственности в ее существующей форме представляют:

- *постепенное углубление социально-экономических противоречий и диспропорций;*
- *непрямое разжигание межнациональных и конфессиональных противоречий;*
- *«коллорабационизация» заметных общественных и политических деятелей с целью их подключения к подрывным проектам;*
- *привлечение лиц из системы госуправления и силовых структур;*
- *использование молодежной протестности;*
- *работа по раскачке российских регионов.*

Нужно при этом отдавать себе отчет в том, что федеральные и региональные «цветные» группы и организации, чья активная политическая деятельность направлена на демонтаж политического режима, зачастую напрямую получают как материальную, так и информационную поддержку из-за рубежа.

Юридические барьеры могут здесь серьезно помешать их подрывной деятельности – как в случае с федеральным законом, обязывающим организации, участвующие в политической деятельности в России и получающие финансовую подпитку из других государств, регистрироваться в качестве **иностранных агентов**. Однако такие шаги могут служить только профилактике угроз, но не их купированию. Необходимо понимать, что крайне неэффективно было бы менять нормативно-правовую базу непосредственно во время событий – предвестников «цветной революции». Например, по такому пути пошел В. Янукович – и проиграл. Причина проста – **эффект оказался противоположным** и лишь катализировал протестность на Украине. Особенно самоубийственны для политической системы такие маневры в рамках электоральных циклов – они дают внешней управляющей силе **дополнительные «болевые точки»** для воздействия на политическую систему через кристаллизацию протестных настроений.

Безусловно, организация любой «цветной революции» невозможна без привлечения наемного персонала «на земле», которое напрямую зависит от внешнего финансирования. Отслеживание финансовой непрозрачности при привлечении средств на счета НКО, через которые оплачиваются «услуги» рекрутов по проведению «цветных акций», – важная задача, которая может быть решена с помощью дальнейшего совершенствования отечественного законодательства.

Антимайданная нормативно-правовая база должна содержать совокупность запретительных мер, направленных на устранение **потенциальных угроз экстремизма**, с созданием в стране таких социально-экономических условий, которые смогли бы в массе нейтрализовать протестные настроения среди наиболее активных социальных слоев населения, включая молодежь и студенчество. Требуется и масштабная просветительская кампания для разъяснения широкой российской аудитории специфики работы зарубежных стратегов с использованием наработок по **психологии масс**, например наработок Тавистокского института человеческих отношений (Tavistock Institute). Работу эту необходимо строить, исходя из понимания того, что та же украинская трагедия не возникла в одночасье, – это результат двадцатилетнего претворения в жизнь стратегии, включавшей постепенную подмену ценностей и культурных кодов, усиление русофобии в молодежной среде, фальсификацию истории на страницах школьных и вузовских учебников, уничтожение исторической памяти целого народа.

Информационные контрмеры играют ключевую роль в предотвращении применения технологии госпереворотов. Отечественные информационные ресурсы должны научиться эффективно отражать атаки из-за рубежа и на основе лучших советских практик возвращать забытый вкус победы в пропагандистском противоборстве по всему миру. При этом речь не идет о государственном контроле за редакционной политикой СМИ – секрет успеха заключен в адекватном балансе свободы мысли и рамок приличной интеллектуальной дискуссии. Отрадно, что на этом поле у России наметились определенные успехи.

В отличие от репетиции «цветной революции» 2011–2012 годов, которая эксплуатировала «манифестные» формы реализации и так называемый креативный класс, попытка «госпереворота 2.0» в России может вовлечь в «оранжевое» движение новые силы, участие которых способно значительно затруднить противодействие антигосударственным планам. Уже сейчас западные специалисты говорят об использовании возможной социальной протестности учителей, врачей и других работников бюджетной сферы. А также рабочих, в том числе из отраслей ВПК. Повышение уровня именно такого протестного потенциала открыто было провозглашено целью наложенных на нашу страну экономических санкций.

Поэтому одним из главных барьеров для реализации технологий «цветных революций» в России остается необходимость **взвешенных шагов в социальной политике** (особенно на фоне вполне осязаемой угрозы извне) в сочетании с новейшими методами и формами разъяснительной работы^[129]. Особенную сложность все эти задачи представляют в регионах России, где, как мы увидели на примере Урала, положение вещей становится все более угрожающим. Эту **слабость внутриполитических построений** действующей власти попытаются использовать против нашей страны, если угроза не будет купирована в самом ближайшем будущем. Тем более что опыт подобного раскола «империи» через национальные окраины – падение СССР – у наших заокеанских оппонентов имеется.

Что касается конкретных действий, то любому государству постоянно требуется оперативная корректировка подходов. С одной стороны, сетевым структурам способны результативно противодействовать только другие сети, создающие основу для «игры» и победы на «домашнем поле» соперника. Эффективность отражения гибридных атак напрямую связана с пониманием новых долгосрочных реалий мирового порядка – социальных сетей и блогосферы, сетевых войн как инструмента переворотов, информационных и кибервойн, ненасильственного сопротивления, **высоких гуманитарных технологий** и постоянно обновляемой правозащитной концепции как инструмента вмешательства во внутренние дела суверенного государства и т. д.

С другой стороны, необходимо отметить, что классики марксизма завещали нам одну простую, но крайне глубокую мысль относительно любой революционной смены власти: революционная ситуация создается не народом, а правящим классом, который своими собственными действиями приводит народ к осознанию необходимости смены системы управления и даже общественного строя. Как мы теперь знаем, русских классиков революционной деятельности наши западные партнеры изучают со всем необходимым вниманием. А практика показывает, что все успешные «цветные» госперевороты срабатывали именно там, где **внутренняя ситуация была так или иначе готова к манипуляции извне**.

Россия – в соответствии с Конституцией – социальное государство, и было бы крайне неумно раз за разом испытывать терпение социума, уже доказавшего свою принципиальную способность изменить существующее положение вещей – в том случае, если понятие социальной ПРАВДЫ в мировоззренческих основах народа находится в противоречии с объективной реальностью за окнами наших домов.

Как мы видим, внешние силы никогда не перестанут строить планы по извлечению собственной выгоды из **хаотизации** России. Ничего странного или неестественного в этом нет. Таковы законы исторического и социального развития. А в их подоснове – еще более глубокие, фактически биологические слои конкуренции за ресурсы в рамках одного, пусть даже очень успешного вида.

Но это означает лишь то, что ускоренная модернизация страны при сохранении цивилизационной идентичности – основная и единственная задача любого национально ориентированного правительства. У такого правительства будет вся возможная поддержка населения и иммунитет к любым «цветным» болячкам на долгосрочную перспективу.

Глава 7. Выборы-2016 – «цветные» отошли на реформирование

Мы не отступаем – мы наступаем в другом направлении.

Д. Макартур

18 сентября 2016 года завершилась избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы РФ нового созыва. Первый этап большого электорального цикла прошел без каких-либо массовых протестных выступлений, хотя бы отдаленно напоминающих события декабря 2011 года в Москве.

Партия «Единая Россия» одержала убедительную победу, получив по итогам голосования конституционное большинство в парламенте. Общий партийный результат существенно превосходит предыдущий «рекорд» 2007 года – 343 депутатских мандата против 315 мандатов.

Очевидно, что единороссы в ходе сентябрьской избирательной кампании были вынуждены вести предвыборную борьбу в заведомо более сложных условиях, чем почти десять лет назад. Беспрецедентное внешнее давление на Россию со стороны «коллективного Запада», жесткая санкционная политика, существенное снижение мировых цен на нефть – лишь некоторые элементы, моделировавшие политическое поле в период выборов.

Формула «конкурентность, открытость, легитимность», созданная В. Володиным, первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ (в настоящее время – председатель Государственной Думы РФ), предъявляла особые требования к процедуре голосования как на уровне администраций субъектов РФ, так и в целом по стране. Предвыборная борьба должна была проходить в легальном избирательном поле, без соблазна использовать инструментарий давления на неугодных оппозиционных кандидатов или накрутки голосов.

Кроме того, впервые в масштабах всей страны партия «Единая Россия» запустила систему предварительного отбора своих кандидатов на выборные должности через организацию праймериз. Этот шаг предсказуемо привел к всплеску конфликтов среди ресурсных участников, оказавшихся неготовыми к процедуре праймериз, предполагающей как предоставление обширного пакета необходимых документов, так и личную агитацию, участие в дебатах и т. д. Тем не менее процедура выдвижения кандидатов в рамках решения общероссийского партийного съезда была соблюдена, и большинство обозначившихся конфликтов было улажено посредством внутривнутрипартийной работы.

Параллельно формировались все необходимые условия для свободного участия в выборах представителей оппозиционных сил – от кандидатов М. Ходорковского, поддержанных «Открытой Россией», до «ПАРНАСа» в его наиболее радикальных ипостасях.

Тем не менее многие политологи и эксперты оценивали шансы российской оппозиции на победу в ходе голосования как призрачные. В первую очередь по причине наличия лишь узкой группы ее сторонников в обществе, а также в связи с имеющейся «историей успеха» российских либеральных оппозиционеров, не продемонстрировавших в ходе прежних электоральных циклов необходимого потенциала для прохождения в состав Государственной Думы РФ.

Исключением стала партия «Яблоко», которую ряд политологов рассматривали в качестве основного бенефициария итогов выборов на либеральном политическом поле.

Следует отметить, что новому руководству партии «Яблоко» удалось в некоторых регионах, особенно на северо-западе России, сформировать потенциально сильные списки, включив в них известных политиков и местных лидеров общественного мнения.

По всей видимости, угроза победы одного-двух одномандатников от партии «Яблоко» была вполне реальной и спровоцировала со стороны команды Навального своеобразный удар в спину: бывшая звезда «болотных процессов» через соратников за пару дней до голосования призвал своих сторонников не голосовать за кандидатов, поддержанных партией «Яблоко». Вот, например, пара цитат Л. Волкова.

«По всем социологическим исследованиям – от “Левады” до ВЦИОМа – “Яблоко” не набирает и 2 %; мы дважды проводили опросы ФБК, которым я лично доверяю полностью; вот он, кол-центр, вот в соседнем кабинете волонтеры сидят и звонят – и получали те же цифры. В Москве – 5–7 % в разных округах. В региональных кампаниях 2015 года – от 1 % до 3 % в

разных регионах. Если быть честным с собой и объективно смотреть на эти цифры, то вывод можно сделать только один: скорее всего, “Яблоко” не наберет 3 %»^[130].

Очень «порядочный» ход в отношении демократической оппозиции за пару дней до голосования – объявить, что они все равно проиграют.

А также добавить следующее.

«Эти люди (имеются в виду Бюро партии. – *Прим. ред.*) принимают все решения в партии “Яблоко” и несут за них ответственность. Они распределяли и продолжают распределять сотни миллионов рублей бюджетных средств, которые партия получила после 2011 года, благодаря голосам, полученным при голосовании “за любую другую”. Эти люди выставили Сергея Митрохина спойлером на мэрских выборах 2013 года. Эти люди отказали в выдвижении всем сильным независимым кандидатам на выборах в Мосгордуму в 2014 году. Эти люди несут ответственность за то, что партия “Яблоко” проигрывала все выборы, в которых участвовала в течение последних лет, при этом отказываясь от любых союзов и коалиций. Эти люди брали в региональные списки партии местных олигархов и вели на их деньги спойлерские кампании на региональных выборах 2015 года. Именно благодаря им партия “Яблоко” воспринимается как синоним затхлого, недоговороспособного, упертого».

А вот еще одна цитата бывшего депутата Екатеринбургской городской думы.

«Если партия “Яблоко” наберет меньше 3 % голосов, то это будет никак. Возможно, она наконец-то прекратит свое существование, а ее унылая партноменклатура пойдет искать себе работу».

Как уже отмечалось выше, в Свердловской области по спискам «яблочников» баллотировались Е. Петрова^[131] и Д. Головин – лица, активно поддерживавшие «болотные» события 2011 года. Наверное, для них выкладки Л. Волкова оказались, мягко говоря, неожиданными.

Вообще, к моменту официального старта избирательной кампании российские либералы от оппозиции подошли **четырьмя неравными колоннами**:

- во-первых, это ветераны демократического движения 1990-х годов, сконцентрировавшиеся в «ПАРНАСе»;
- во-вторых, это активные участники событий 2011–2012 годов, так называемые рассерженные горожане, на лидерство среди которых претендует А. Навальный;
- в-третьих, это представители партии «Яблоко» – как старые участники демократического движения, так и новые лица;
- в-четвертых, это так называемые независимые кандидаты, поддержанные проектом Ходорковского «Открытые выборы».

По старой доброй традиции российские демократы, идущие на выборы, попытались объединиться. Разумеется, эта инициатива предсказуемо завершилась полным провалом. Сначала от сотрудничества с «ПАРНАСом» в лице М. Касьянова отказался А. Навальный. Затем такую же позицию в отношении «Партии народной свободы» занял Г. Явлинский. Переговоры между Л. Шлосбергом и А. Навальным также не увенчались успехом. Единственным видимым результатом этих титанических усилий договориться между собой (напомним, что большинство участников этих переговоров прекрасно знают друг друга много лет) стали кулуарные договоренности не выставлять отдельных сильных кандидатов в определенных одномандатных округах друг против друга. Правда, даже это соглашение оказалось нарушенным, когда выяснилось, что по одному московскому округу выдвинулись М. Зубов и М. Баронова.

Таблица, представленная ниже, со всей убедительностью показывает, что российская либеральная оппозиция (как системная, так и несистемная) по результатам выборов потерпела **сокрушительное поражение**. Проиграла в условиях, в чем-то гораздо более благоприятных для мобилизации протестных масс, чем в 2011 году. Проблема низкой явки принципиально эту ситуацию не меняет, так как получается, что оппозиция не сумела мобилизовать своих сторонников для прихода на избирательные участки. Соответственно, заявлять о том, что люди проигнорировали выборы и потому их результаты «ничего не решают», фактически означает для руководства федеральной демократической оппозиции признание своей несостоятельности в части организационно-агитационной работы в период избирательной кампании.

Партия «Яблоко» не сумела пройти 3 %-ный барьер на выборах депутатов ГД РФ, получив поддержку менее 2 % избирателей по партийному списку. Точно так же «яблочникам» не удалось провести ни одного одномандатника. В результате партия потеряла государственное финансирование. Кроме того, «яблочники» теряют льготу участия в избирательной кампании без сбора подписей на выборах нового созыва федерального парламента через пять лет. Эти результаты одной из старейших демократических партий РФ сторонники А. Навального считают чуть ли не основным позитивным итогом избирательной кампании на оппозиционном фланге.

Итоги выборов в Государственную Думу РФ нового созыва в разрезе оппозиционных непарламентских партий^[132]

Субъекты выдвижения	Одномандатные округа	Федеральный избирательный округ			ВСЕГО в ГД	
		%	Кол-во голосов, тыс. чел.	Кол-во мандатов по списку	Кол-во мандатов	Доля фракции в ГД, %
1. «Яблоко»	0	1,99	1051	0	0	0
2. «Парнас»	0	0,73	384,6	0	0	0
3. Самовыдвижение	1 ¹	–	–	–	1	0,22

В целом поддержка чуть более 1 млн человек по всей стране является для представителей партии «Яблоко» не просто неприятным сюрпризом, а очевидным индикатором того, что в нынешнем виде партийная идеология не вызывает доверия у населения страны.

Еще более обескураживающими являются итоги голосования для «Партии народной свободы» – во всей России не набралось даже 400 тысяч человек, разделяющих «западные ценности» М. Касьянова. При этом члены предвыборного списка «ПАРНАСа» принимали участие в предвыборных дебатах на федеральном канале, Касьянов в ходе подготовки к выборам посетил целый ряд регионов России, где проводил встречи со сторонниками. И несмотря на такие мобилизационные мероприятия, кандидаты от «ПАРНАСа» оказались настоящими маргиналами по результатам голосования 18 сентября 2016 года.

Результаты голосования за некоторых одномандатников, выдвинутых партией «Яблоко» на выборах 18 сентября 2016 года

№	ФИО кандидата	% голосов
1	Д. Гудков	20,4
2	С. Митрохин	12,5
3	Ю. Галямина	14,7
4	К. Гончаров	11,3
5	И. Николаев	13,8
6	А. Бабушкин	14,7
7	О. Демичева	10,2
8	М. Песков	10,9
9	Е. Русакова	12,2
10	М. Амосов	13,3
11	Е. Рыбаков	13,9

Столь же «успешными» для оппозиции оказались выборы в мажоритарных округах – ни один кандидат-одномандатник от российских либералов не сумел завоевать доверие избирателей, достаточное для того, чтобы представлять их интересы в новом созыве федерального парламента.

Максимальный результат предсказуемо оказался у Д. Гудкова – экс-депутата ГД РФ от партии «Справедливая Россия» и сына Гудкова-старшего – одного из активных участников «болотных» процессов. По словам начальника предвыборного штаба М. Каца, в избирательной кампании Гудкова участвовало более 3 тысяч человек – получение на этом фоне чуть более 20 % голосов является очевидным поражением.

Точно так же потерпели фиаско и кандидаты-самовыдвиженцы, часть которых участвовала в выборах, имея поддержку структур «Открытой России», например М. Баронова.

Лучший результат у К. Янкаускаса, набравшего чуть более 8 % голосов избирателей, за которого призывал голосовать своих сторонников А. Навальный. То есть в целом условные «кандидаты от Ходорковского» не сумели получить поддержки и 10 % избирателей в своих одномандатных округах.

Означают ли эти результаты в выборах российской либеральной оппозиции, что протестный «дух угас» и протестное движение в целом изжило себя?

Результаты голосования за некоторых кандидатов-одномандатников, получивших поддержку от фонда «Открытая Россия» на выборах 18 сентября 2016 года

№	ФИО	% голосов	Число голосов
1	Ю. Юзик	0,25	1226
2	И. Новиков	2,49	8746
3	А. Лукин	1,13	4630
4	Р. Мингалимов	1,74	7240
5	Д. Семенов	3,52	9974
6	К. Николенко	1,25	2673
7	В. Ходаковский	1,76	4128
8	О. Жакова	2,42	3752
9	М. Васильев	2,06	3543
10	Я. Святославский	3,43	7309
11	А. Шальнев	4,78	8939
12	Е. Савин	3,05	5980
13	М. Белова	4,49	10650
14	А. Куниловский	1,56	6897
15	М. Баронова	7,92	13197
16	К. Янкаускас	8,22	14244
17	Н. Грязневич	3,8	6185
18	А. Пивоваров	3,18	5013

Думается, что такой взгляд на вещи является, к сожалению, слишком оптимистичным. Коротко обозначим маркеры, которые могут свидетельствовать в пользу гипотезы о том, что **несистемная российская оппозиция использовала предвыборную кампанию в федеральный парламент для своей реконфигурации.**

1. Очевидное злорадство над итоговыми результатами «Яблока» со стороны условной «команды Навального» и ремарки ее отдельных членов, что наконец-то «яблочники» потеряли возможность участия в федеральной политической жизни без ограничений, может указывать на то, что **несистемные либералы приветствуют существенное сужение пространства для диалога власти с приверженцами либеральных идей.**

Вот, например, как подвел итоги кампании «Яблоко» Л. Волков.

«Понял, почему так сильно, отдельной строкой, раздражают Касьянов и Явлинский.

Потому что “Парнас” и “Яблоко” – это типа партии про европейские ценности и европейский путь. Они так про себя говорят, и голосуют за них люди, которые себя с такими ценностями ассоциируют.

Но только это все обман.

Вы извините, но Касьянов даже во время кухонных разговоров с Пелевиной говорит: “Если осенью проиграем – уйду”. И не уходит. Явлинский не просто не уходит, а еще и – набрав 1,9 % – заявляет о своем “моральном долге” баллотироваться в президенты. (Моральный долг, возможно, и есть; но только он не уточняет, перед кем, – я готов биться об заклад, что именно о выдвижении Явлинского как удобного спарринг-партнера на президентских выборах и шла речь на его предвыборной встрече с Путиным, которую он так не хочет комментировать.)

Ну то есть они ведут себя настолько не так, как европейские политики, насколько это возможно. Этот обман, эту фальшь, это несоответствие деклараций и дел не могут не чувствовать избиратели. Собственно, чувствуют – это и видно по результатам 18 сентября»^[133].

Собственно говоря, приведенные оценки со всей очевидностью показывают, что «команда Навального» демонстрирует курс не на сотрудничество, а на разрыв с лидерами нынешней несистемной либеральной оппозиции. Это предполагает по меньшей мере наличие своего «уникального» проекта участия в будущих выборах главы государства.

2. Достаточно неординарной новацией избирательной кампании «Партии народной свободы» стал **альянс с националистами**, трибуном которых стал малоизвестный В. Мальцев, блогер из Самары, ведущий часовой youtube-программы «Артподготовка» (теперь он частый гость радио «Эхо Москвы»). То есть можно говорить о состоявшемся продуктивном диалоге между националистами и либералами с последующим совместным участием в протестных акциях разного толка.

Стоит добавить, что такие шаги после завершения выборов вызвали неоднозначную реакцию среди членов «Партии народной свободы». Так, член федерального политсовета партии В. Прохоров дал следующий комментарий относительно политического альянса с националистами.

«При Немцове считалось, что нельзя состоять в одной партии с зоологическими антисемитами и националистами. Есть подозрение, что команда Касьянова сделала ставку на них, и, если реакции руководства не последует, это и будет подтверждением». Политик напомнил, что предвыборный союз с блогером Вячеславом Мальцевым так и не был признан ошибкой. По словам Прохорова, если его опасения подтвердятся, тогда ему надо будет бояться не исключения, а соседства в политструктуре с националистами и антисемитами: “Это уже не партия Немцова. Только они, видимо, считают, что это хорошо, а я считаю, что это плохо”»^[134].

3. Представители либеральной оппозиции **не предприняли попыток по организации акций, ставящих под сомнение легитимность полученных результатов голосования** на выборах в федеральный парламент, несмотря на обескураживающие итоги для своих кандидатов.

Не исключено, что результаты парламентских выборов не имели принципиального значения для российских демократов, как это было в 2011 году. Соответственно, от них можно ожидать иных действий, связанных с политической и/или протестной активностью в поствыборный период.

Любопытно, что первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, М. Касьянов выступил с инициативой о «слиянии» с партией «Яблоко», хотя ряд экспертов считают, что в данном случае речь идет о «предвыборном маневре» Касьянова в преддверии съезда «ПАРНАСа», на котором будет обсуждаться широкий круг вопросов^[135].

Одновременно о запуске нового политического проекта заявил В. Мальцев, при этом подчеркнул, что речь не идет о партийной структуре.

«В ближайшее время – нет. Мы должны прийти в себя после думской кампании. А вопрос о партии должны решать мои сторонники. Если они сочтут это нужным, тогда создадим».

Это будет партия, рассказал источник «НГ», близкий к руководству демократов. А зампред «ПАРНАСа» К. Мерзликин подтвердил план по сотрудничеству с Мальцевым, но уточнил, что входить в эту политструктуру либералы не намерены. Московский сторонник Мальцева Марк Гальперин сообщил «НГ», что планируется создание неких **«комитетов сопротивления», которые затем объединятся в единую сеть**.

По словам Мальцева, комитеты создаются его сторонниками по всей стране. Это некие ячейки в его поддержку. Между ними налажена горизонтальная связь, непосредственно им они не контролируются. Соответственно, продолжил Мальцев, возникают эти отделения иногда и без его ведома: сторонники общаются между собой в основном посредством Интернета – это люди, которые смотрят онлайн-передачу «Артподготовка» и читают мальцевский блог^[136].

По всей видимости, предложения Касьянова и инициативы Мальцева являются звеньями одной цепи, направленной на **объединение существующих оппозиционных сил**. Серьезное поражение «Яблока» на выборах, вытеснившее партию из парламентского поля, открывает для несистемных либералов новые возможности по выстраиванию гипотетического оппозиционного демократического фронта.

Включение в него представителей националистических кругов, с которыми по факту в ходе кампании в регионах взаимодействовали и «яблочники», и «парнасовцы», не исключает намерений Касьянова **предложить сотрудничество и неким левым политическим силам** – проигравшим участникам выборов в федеральный парламент.

Что касается целей лидера «ПАРНАС», то в связи с завершением избирательного цикла в ГД РФ очевидным предметом его интереса могут быть только выборы главы государства. Соответственно, именно сейчас необходимо обеспечить формирование максимально широкого тактического альянса разнородных политических сил, в основе которого может находиться неприятие текущей ситуации в стране.

В свою очередь данное объединение не должно иметь жесткой структуры по типу некоей новой партии, а должно отвечать сетевому принципу, который позволяет создать самые разные политические комбинации в соответствии с изменениями текущей обстановки.

Так, например, в случае обострения социальных вопросов очевидным и естественным выразителем интересов пострадавших слоев населения могут быть как раз левые силы. Их членство в одном альянсе с националистами и несистемными либералами открывает дополнительные возможности по мобилизации протестных настроений за счет использования соответствующих региональных структур этих политических сил.

Собственно говоря, отдельные элементы такой конфигурации «сотрудничества, а не соперничества» были продемонстрированы в ходе выборов 18 сентября 2016 года, в том числе в Свердловской области.

Так, например, приблизительно в начале сентября 2016 года в группе «Русский марш Урал» появился пост представителя ассоциации «ГОЛОС-Урал» с призывом к потенциальным наблюдателям принять участие в работе ТИКов для покрытия 10 % выборки по избирательному округу № 170 (Свердловский округ на выборах депутатов ГД РФ).

Координатор «ГОЛОСа» подчеркнул, что у него есть финансовые ресурсы для организации работы в день голосования – в части обучения, проживания, питания, транспорта и компенсации связи, но не заработной платы для наблюдателей. Также в материале формулировалась просьба к кандидатам, выдвинутым от «ПАРНАСа», привести людей для обучения в качестве наблюдателей.

Далее события развивались более стремительно.

Во-первых, в екатеринбургском сегменте сети «ВКонтакте» появилась страница «Артподготовка. Екатеринбург», посвященная избирательной кампании В. Мальцева – одного из списочников «ПАРНАСа».

Во-вторых, накануне голосования в этой группе был размещен список кандидатов, которых предполагалось поддержать на выборах.

В-третьих, на улицах города листовки и стикеры в поддержку кандидата-националиста В. Мальцева стали размещать завсегда и таких протестных акций, как «Стратегия б», и иных, инициированных группой «Екатеринбург за свободу».

В-четвертых, дело «ловца покемонов» видеоблогера Соколовского привело к участию в мероприятиях в его поддержку и кандидатов от партии «Яблоко», и представителей «ПАРНАСа», и активистов националистических кругов.

По всей видимости, **«протокоалиция»** разнородных политических сил, формируемая М. Касьяновым, станет еще одним инструментом по **нагнетанию социально-политической ситуации в стране накануне выборов главы государства**.

Глава 8. «Розовая» революция в США

Это не значит, что всегда, когда попытка к перевороту удавалась, основная масса населения поддерживала происходящее. Во многих случаях население может быть на самом деле против, но при этом не знает, как ему действовать.

Дж. Шарп

Парадоксальным образом инструментарий «цветника» был недавно использован и в самих Соединенных Штатах. Президент Трамп официально вступил в должность 20 января 2017 года, но глобалистские элиты с этим неприятным для себя фактом решительно не смирились. В этой связи известный отечественный социолог и философ А. Дугин отметил: *«Трампу либеральный слой в самой Америке объявил такую же войну, как Путину, России и нам. Сегодня момент истины, можно так сказать, the moment of disclosure – момент открытия, момент проявления»*^[137].

Нужно иметь в виду, что за непродолжительное время существования Соединенных Штатов Америки были убиты четыре американских президента: Авраам Линкольн (15 апреля 1865 года), Джеймс Гарфилд (19 сентября 1881 года), Уильям Мак-Кинли (скончался после ранения 14 сентября 1901 года), Джон Кеннеди (22 ноября 1963 года). Так что даже такой неприятный метод устранения негодных оппонентов вполне вписывается в рамки заокеанской политической культуры.

В день инаугурации «неожиданно» возникшие на улицах Вашингтона протестующие пытались заблокировать подступы к Капитолию и устраивали беспорядки с поджогами и погромами. Называлось эта акция **«#DisruptJ20»**. Координировались участники бунтов через Интернет. Подробно ознакомиться с организацией флешмоба можно по ссылке <http://www.disruptj20.org/>. Данный ресурс содержит исчерпывающую информацию о сроках, местах проведения (с отметками на интерактивной карте) и смысле всех мероприятий.

Купировать «бунты» удалось только жесткими и оперативными действиями сил правопорядка, которые в США никогда не отличались сентиментальностью по отношению к любым проявлениям «народного возмущения». Достаточно вспомнить ставшие уже хрестоматийными события в Сент-Луисе в августе 2015 года.

По сообщениям американских СМИ, шесть полицейских были ранены, 217 демонстрантов задержаны. Бесчинствовали, как это мы видели раньше в других странах, всего несколько сотен человек, но многие тысячи американских граждан толпились вокруг, создавая эффект массовых выступлений. «Оппозиционеры» обвиняли Трампа в сексизме, исламофобии, фанатизме, нацизме, связях с Россией («Трамп – марионетка Путина!») и т. д.

Вторым номером организаторы запустили так называемый женский марш, который, по информации организаторов, прошел в 600 городах мира. Даже в Тбилиси несколько десятков женщин прошагали маршем по проспекту Руставели до здания грузинского парламента с лозунгом **«Woman Rights = Human Rights!»**. Любопытно, что использовались уже хорошо нам известные приемы консолидации протестности – единообразная атрибутика майдана (в данном случае ЛГБТ и гротескные изображения женских половых органов), а также привлечение медиаперсон для поджога толпы. Денег, что называется, не пожалели. В Вашингтоне на «розовый марш» вышли несколько сотен тысяч человек. Экс-кандидат Хилари Клинтон поддержала протестующих на своей странице Twitter. В полной мере отработали финансирование и все мировые либеральные СМИ, включая российские.

Как любят говорить американцы: *«Нельзя обучить старую собаку новым трюкам»*. Вот и здесь, похоже, западные политтехнологи и их хозяева решили попробовать повторить «цветную анархию» в США – как один из способов насильственной смены режима.

Кто эти влиятельные люди? Расследованием на эту тему заняты различные американские общественные организации, например сообщество Donald Trump for President. На его странице в сети Facebook можно прочесть: *«Мы не позволим Соросу и компании: 1) захватить СМИ; 2) разжигать беспорядки; 3) свергнуть демократически избранное правительство, как он это сделал на Украине»*. По данным портала, Дж. Сорос перечисляет средства из своего фонда организации MoveOn.org, которая на местах распределяет деньги субподрядчикам в разных городах Америки и за рубежом. А еще «по данным информгентства РИА “Новости”, на крупнейшем в США сайте объявлений Craigslist.org можно найти предложения по работе, суть которой заключается в “борьбе” против Трампа. В объявлении с заголовком *“Остановите Трампа – работа на выборах”* говорится, что каждый желающий может заработать от 15 до 18 долл. в час. Таким образом, на неделю заработок может составить порядка 1,5 тысячи долларов. Как отмечается в объявлении, опыт работы не требуется...»^[138]

Напомним, что в ходе форума в Давосе, который, вероятно, не случайно совпал по времени с инаугурацией Трампа, сам Дж. Сорос крайне негативно высказывался о новом американском президенте: *«Но он [Трам] лишь потенциальный диктатор, поскольку я уверен, что Конституция и политические институты Соединенных Штатов достаточно сильны... Он стал бы диктатором, если бы мог выйти сухим из воды, но он не способен на это»*^[139]. Выглядит это как объявление войны.

По сообщениям СМИ, значительную роль в планировании антитрамповских акций сыграл также «Демократический альянс» (Democracy Alliance), известный как «клуб доноров» внутри Демпартии США. Финансируется он все тем же Соросом и его идейными единомышленниками.

В ноябре 2016 года «Демократический альянс» организовал закрытую встречу в Вашингтонском отеле «Мандарин Ориентал», где выступили все лидеры либерального «обкома», а также влиятельные члены палаты представителей Конгресса – К. Эллисон, Н. Пелоси и сенатор Э. Уоррен. Тема докладов – план дискредитации Трампа и противодействия его программе «Первые 100 дней».

Так что новоизбранному президенту предстоит крайне сложный и крайне увлекательный период борьбы с внутренней «болотной», которая, в отличие от отечественной, хорошо организована и очень хорошо обеспечена всеми видами ресурсов – от финансовых до информационных.

Глава 9. The Power to Coerce – «Сила принуждать»

Тот, кто проклинает Вселенную, кричит в ее глухие уши.

М. Муркок

В начале 2016 года аналитический исследовательский центр **RAND Corporation**, имеющий давнюю связь с американским разведсообществом, подготовил доклад «Сила принуждать» (P2C) о перспективных «невоенных» стратегиях воздействия на противников и конкурентов США^[140] с пометкой *Prepared for the United States Army («Подготовлено для армии США»)*^[141].

Основное обоснование логики подготовленного документа выглядят очень прямолинейно и откровенно.

- «США становится труднее, дороже и рискованнее использовать военную силу, чтобы противостоять многим угрозам международной безопасности, которые появятся в ближайшие годы. Несмотря на то что в отдельных случаях не может быть никакой альтернативы военной силе, для политики США нужно большее число невоенных вариантов, из которых можно выбирать невоенные способы принуждения, сдерживания, ослабления и наказания тех стран, которые угрожают **миру, безопасности и интересам США**».

- «Для принуждения могут использоваться следующие инструменты управления государствами: экономические санкции, карательные политические меры, кибероперации, скрытые разведывательные операции, военная помощь, пропаганда, ограничение или манипулирование торговлей, запрет перемещения товаров и движения людей, поддержка политической оппозиции».

Россия, Иран и другие менее устойчивые, чем Китай, государства – более привлекательные цели для принуждения (more inviting targets for coercive power).

- В более общем плане правительство США должно готовиться к использованию P2C **в том же формате**, как и для ведения войны, в том числе в части анализа вариантов, оценки потребностей и возможностей, и планировать **совместные действия с союзниками**.

Хотя Соединенные Штаты имеют средства, чтобы уничтожить силы противника, прежде чем те смогут разрушить силы США, подобные операции могут потребовать глубоких и обширных атак на территорию врага, что создает значительную опасность эскалации по крайней мере в случае Китая и России.

- Эти инструменты имеют в общем потенциале **задачу изменить политику, сломать волю** или ослабить способность противника удержать власть.

- Глобализация увеличивает возможности для принуждения, так как большинство стран, включая Китай, Россию и Иран, **все больше зависят от мировых рынков, ресурсов, информации.**

Глобальная экономика, финансовые сети, распределительные системы, инфраструктура, информационные домены, углеводородные рынки, транспорт, путешествия, потребительский спрос, идеи, учреждения, а также другие функции предлагают варианты рычагов воздействия против всех, даже «герметических» государств, таких как Северная Корея.

- Соединенные Штаты **либо полностью владеют, либо контролируют долю лидерства** в большинстве важных учреждений, в том числе тех, которые регулируют глобальную экономику.

- Китай, Россия и Иран все больше полагаются на мировую **межбанковскую сеть**, все больше зависят от киберпространства, в этих странах все большую роль играет внутренняя оппозиция, включая социальные сети и глобальные СМИ.

По мнению американских экспертов, основные альтернативные инструменты достижения собственных целей следующие.

Экономические санкции:

- «Глобализация торговли, инвестиций, финансов, информации и энергии дает Соединенным Штатам **перспективные варианты принуждения**, особенно в отношении противников, которые зависят от доступа к таким рынкам и системам».

- **«Прекращение доступа к глобальным межбанковским системам** может повлечь серьезный ущерб и болезненные экономические последствия».

- «Участвовать в **финансовых санкциях** должны ключевые страны с ведущими банками».

- «В дополнение к этим инструментам Р2С Соединенные Штаты могли бы развивать **способность использования энергетических поставок** в качестве силы принуждения».

- «Соединенные Штаты должны отточить свою способность **контролировать финансовые** активы и потоки и изолировать непокорные государства и банки, которые вступают в хозяйственные отношения с враждебными странами».

- Умелое и целенаправленное сочетание перечисленных способов может **нарушить функционирование** и доверие государств и рынков, и, таким образом, иметь высокое принуждающее значение (для враждебных режимов).

Поддержка «ненасильственной» оппозиции:

- «Поддержка демократической оппозиции может быть очень опасной (для враждебных режимов) и быть очень действенным способом достижения цели».

- «Социальные сети и глобальные медиа помогают внутренним процессам (во враждебных странах) и их внешним сторонникам».

- Государственный департамент США и разведывательное сообщество должны совершенствовать свои методы для поддержки ненасильственных демократических оппозиционных сил во враждебных и репрессивных государствах и оценивать риски и выгоды использования этих методов.

Наступательные кибероперации:

- Наступательные кибероперации также вариант с высокой отдачей, но и с высокой степенью риска.

- Учитывая свои уязвимые места, США, возможно, потребуется повысить собственные пороги чувствительности в случае кибервойны.

Получается, что по всем трем направлениям США в силу своей ведущей роли в глобальных процессах **могут подвергать «принуждению» ключевые страны мира.** Формы и виды использования американской принудительной власти более эффективны, чем у любого из противников по следующим причинам:

- «Благодаря своему центральному положению в системах глобального мира Соединенные Штаты имеют превосходство в том, чтобы изолировать страны и причинить ущерб».

- Соединенные Штаты на сегодняшний день обладают наилучшими разведывательными возможностями.

- Соединенные Штаты имеют непревзойденную политическую способность к обеспечению международной поддержки со стороны других стран, неправительственных и международных организаций, которые могут иметь решающее значение для успеха Р2С.

• Экономика США является сбалансированной и устойчивой (в отличие от России и Ирана, которые в значительной степени зависят от производства ископаемого топлива, и Китая, который в значительной степени зависит от экспорта продукции обрабатывающей промышленности)».

Глава 10. Угрозы определены

Я не согласен со знаменитой фразой Ключевского, что история ничему не учит. История как раз учит – но тех, кто хочет учиться. Люди, которые не желают извлекать уроков из истории, допускают майданы^[142].

С. Карпов

Некоторое время назад консервативный журнал «Американский интерес» опубликовал весьма любопытную статью с хлестким заголовком «Авторитаризм становится глобальным» (*Authoritarianism Goes Global*)^[143]. Ее авторы – люди малоизвестные в широких кругах. Но для специалистов по современной международной политике структуры, которые они представляют, давно и хорошо знакомы. Кристофер Уокер – вице-президент «Национального фонда в поддержку демократии» (National Endowment for Democracy, NED), а Марк Платтнер и Ларри Даймонд – сопредседатели аффилированной структуры NED – «Исследовательского совета международного форума демократических исследований» (International Forum for Democratic Studies, IFDS).

Как мы видели, они практически эталонные представители заокеанских «фабрик мысли», связанных напрямую с Госдепом США и ЦРУ. Следы кипучей деятельности этих структур, в том числе грантовой, видны во всех точках мира, где в той или иной форме когда-либо происходили «цветные революции», – от Югославии до Киргизии и далее повсеместно. Например, в 2015 году NED открыто отчитался, что выданные им гранты сыграли важную роль на начальном этапе украинского Евромайдана в 2013–2014 годах.

В том же прошлом году деятельность Фонда в России была признана нежелательной, то есть «представляющей угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны и безопасности государства». По данным СМИ, в 2014 году организация официально потратила на работу в нашей стране порядка 9,4 млн долларов.

Именно поэтому опубликованный материал может рассматриваться как некая фиксация «абстрактных идей», на основе которых осуществляется выработка совершенно конкретных внешнеполитических шагов. Что не менее важно – их легитимация и даже сакрализация.

Отметим отдельно, что «русские хакеры» и прочие страшилки о «красной угрозе» не покидают первых полос американских СМИ. И это, как мы увидим ниже, полностью укладывается в тот набор идей, который сформулировали господа из NED.

Первая базовая мысль – очень знакомая. Мир разделен на два лагеря: демократический и недемократический (**undemocratic**). Новое глобальное «соревнование» в «мягкой силе» между «демократией» и «авторитаризмом» развязали те самые, всем культурным людям понятные «силы зла» – Китай, Россия и Иран (отметим, что материал готовился американскими экспертами задолго до того, как действующий президент Трамп вновь вывел Иран в список «основных угроз»). Именно эти «силы зла» делают авторитарную модель глобальной («диктаторы кооперируются, учатся друг у друга»), в том числе через обмен авторитарными «ноу-хау». Среди которых – контроль за свободой выражения идей в Интернете, подавление свободы СМИ, попытки изменения неких «международных ценностей и норм» в целях ограничения глобального стремления к демократии.

Авторы особо отмечают, что, по их мнению, самым заметным и опасным явлением стало создание международных «авторитарных» медиахолдингов (таких, как RT, CCTV и IRIB), которые работают на всех континентах и на десятках языков мира. Например, американские аналитики пишут о том, что в 2015 году «русский прогосударственный новостной портал “Спутник”» начал вещание на сербском языке «в то время как независимые новостные ресурсы в Сербии быстро теряют аудиторию». А иранский IRIB вещает на 25 языках. Китайское радио невидимой рукой снабжает информацией 33 станции в 14 странах мира. В том числе с тревогой говорится о том, что русские и китайцы вышли на аудиторию в самих США – Нью-Йорке, Майами, Лос-Анджелесе.

Подводя некоторый теоретический итог, авторы постулируют, что в рамках нового глобального соревнования авторитарные силы сконцентрировались на регионах и странах, где демократические стандарты и ценности подвергаются некоторому «внутреннему противостоянию». О ценностях какого рода в данном случае идет речь, совершенно несложно догадаться. Например, на Балканах и у «новых членов ЕС», по мнению экспертов NED, будущее демократии «под вопросом». Явной угрозой демократии называется и активная деятельность Китая «в сфере культуры и образования» в Африке и Латинской Америке.

Однако «новый авторитарный вызов» не ограничивается манипуляцией информпространством – он также проявляется в усилиях по ослаблению «демократических и правочеловеческих механизмов» в ОАГ, Совете Европы, ОБСЕ. При этом автократоры создают новые механизмы распространения своей идеологии – ШОС, ЕАЭС, ССАГПЗ.

Что же «силы демократии», то есть Соединенные Штаты, должны предпринять для отражения описанных угроз? Задача в данном случае определяется предельно понятно. Прежде всего необходимо противодействовать «тревожной перспективе» того, что влиятельные антидемократические режимы не просто заняты сдерживанием демократии, а, напротив, намерены пересмотреть итоги «демократического всплеска» конца XX века. И сделать это через проекцию своих нелиберальных ценностей и стандартов за пределами национальных границ – в масштабах, представить которые было невозможно всего лишь 10 лет назад.

Авторы четко характеризуют и причину происходящих изменений – отход США и Европы от линии на борьбу за повсеместную демократию, вызванный в том числе объективными глобальными экономическими неурядицами и неспособностью коллективной западной элиты решить эти проблемы. Американские аналитики отмечают, что, несмотря на сложности, с которыми в свою очередь сталкиваются авторитарные режимы, включая «массовую неподконтрольную коррупцию», не стоит недооценивать «угрозу, которую они представляют».

Итак, если кратко, то противодействие России, Китаю и Ирану необходимо вести по следующим направлениям.

1. Демократии должны предпринять значительно более осознанные усилия в идейной сфере, например, в части общественного мнения и общественных представлений. Это потребует серьезной работы международных СМИ и публичной дипломатии – вплоть до перевода и распространения демократических знаний и идей.

2. Демократии должны заняться серьезной трансформацией своей внутренней структуры власти, чтобы успешно конкурировать с «антидемократиями». (Кстати, как мы видим, Д. Трамп занялся именно такой трансформацией.)

3. Демократии должны противодействовать России, Китаю, Ирану и их союзникам в рамках региональных и глобальных международных организаций. Например, блокировать усилия по созданию универсального «кодекса поведения» в Интернете.

4. Старые демократии должны демонстрировать солидарность с «нарождающимися демократиями», такими как Украина и Тунис.

Основной итог, который подводят господа из NED: растущие амбиции авторитаристов слишком серьезны, чтобы западные демократии могли себе позволить отсиживаться на скамейке запасных. При этом общая тональность статьи окрашена даже некими экзистенциальными красками.

Вот такой у господ политтехнологов получился смысловой материал. Какие выводы из него можно сделать в плане непосредственных последствий для нашей страны и будущего всего мира?

Во-первых, в толще американской элиты, взятой в ее неразделенной совокупности, созрела идея нового «крестового похода», который потребует от всех сторон конфликта серьезных затрат – как финансовых, так и мыслительных. При этом противостояние вновь фактически официально выносится в сферу идеологического столкновения систем – либерального (или не очень) глобализирующего постмодерна и всего остального мира. Здесь Россия, Китай и Иран представляют как раз эту **разноцивилизационную угрозу Западу**. А это значит, что эпоха гибридных войн только начинается. Целью этих войн вновь объявляется идеологическая и культурная уравниловка – приведение мира к общему знаменателю в интересах совершенно конкретной внешней управляющей силы. Заметим попутно, что интересы эти также носят вполне осязаемый геоэкономический характер, но по природе своей куда глубже и значительнее.

Развитие событий от Бразилии до Белоруссии и Казахстана говорит о том, что «цветные революции» как хорошо отработанная модель будут использоваться и в дальнейшем. Более того, авторы статьи почти прямым текстом намекают, что **механизм этот должен совершенствоваться, продолжать крепить связку с информационными технологиями, социальными сетями, «сетевой протестностью»**. Впрочем, эти тенденции были заметны и раньше.

Во-вторых, появляются новые моменты. С учетом результатов американских выборов можно говорить о том, что необходимость трансформации внутренних механизмов системы управления США осознают не только в академической среде. Так или иначе, но концентрация сил и средств ради достижения целей глобальной корпоративной элиты через американский политический контур уже начата. А значит, объемы финансирования структур, подобных **NED**, будут неуклонно возрастать. **Победа Трампа не означает, что десятилетия упорного труда глобалистов будут в одночасье сброшены с «корабля революции»**.

В-третьих, необходимо констатировать, что в качестве механизма активации технологий смены политических режимов все активнее будет использоваться «антикоррупционная» повестка дня. Эта линия подъема протестных выступлений в точках, представляющих интерес для внешней управляющей силы, отчетливо видна на Украине, в Египте, Бразилии и т. д. Более того, по мнению ряда экспертов, «антикоррупционный» тренд мышления западных политтехнологов постепенно вытесняет «правочеловеческий». Это очень хорошо видно на примере деятельности в России местных НКО, аффилированных с различными западными структурами.

Очевидность именно технологического подхода к теме коррупции становится понятна при сравнении списков «жертв» антикоррупционных атак и тех сил, которые ничуть не более прозрачны в этом смысле, но при этом лояльны к интересам заказчиков «политической музыки». В общих чертах деятельность глобальных антикоррупционеров укладывается в следующую схему: Стросс-Кан, Русеф и Янукович шельмуются как завязые коррупционеры, борются с которыми должны все поборники «истинной демократии», а Порошенко, Кэмерон и им подобные, включая целый ряд ближневосточных и африканских политических деятелей, странным образом «кристально чисты» и «рукопожатны». По крайней мере братские объятия с бывшим президентом США для них дело обычное и хорошо задокументированное фотографически. Совершенно не случайно тема коррупции выбрана основным полем борьбы в ходе репетиционных выступлений «оппозиции» в марте 2016 года.

Обращает на себя внимание и спортивная составляющая антикоррупционного направления идеологического удара. Особенно отчетливо это видно в контексте кризиса вокруг ФИФА и мельдониевого скандала. Думается, что этот новомодный инструмент накачки «цветной технологии» только начал приносить его авторам свои дивиденды и не будет быстро отправлен в запасники. Приближающийся чемпионат мира по футболу 2018 года наверняка будет использован в политических целях всеми нашими недоброжелателями.

Французский философ Ж. Деррида писал, что весь мир разрывается не между национализмом и его противоположностью, а между разными типами национализма^[144]. И речь здесь идет о том, на что именно те или иные национальные элиты (сегодня уже и наднациональные) готовы пойти ради удовлетворения идей собственного превосходства, включающего в себя и экономическое доминирование. Можно ли ради такой не вполне гуманистической цели провоцировать войны и хаос, можно ли свергать законные правительства, в результате чего целые регионы будут тонуть в огненном и кровавом пожаре? Как представляется, западные постмодернистские капиталисты с этим вполне определились.

В завершение отметим, что все описанные угрозы будут иметь силу против России только в том случае, если уроки истории, даже не самой отдаленной, в нашей стране не будут должным образом осмыслены и учтены. В преддверии без преувеличения судьбоносных президентских выборов 2018 года нам придется мужественно принять этот вызов или раствориться.

Глава 11. Вместо эпилога

Всякий феномен человеческой жизни – звено цепи, проходящей через века^[145].

М. Блок

Марк Блок, один из основателей французской исторической школы «Анналов», тонкий мыслитель, прекрасный писатель, предельно точно и поэтично выразил суть исторического процесса. Непонимание взаимосвязей прошлого и настоящего – болезненная ошибка, ведущая к игнорированию диалектического по своей природе закона инерции любых социальных систем. Все новое несет в себе элементы старого, производным чего оно является. Неслучайно другой великий иностранец Джордж Оруэлл в 1949 году написал: *«Тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое»*^[146].

Единственным лекарством, способным хотя бы в какой-то мере влиять на мировоззрение и способ мышления общества, в данном случае видится начало поэтапного внедрения в научный и популярный оборот **концепции геополитического пространственно-временного континуума**. Действительно, подавляющее большинство современных очагов нестабильности (Ближний Восток, Центральная Азия, Балканы, Балтика, Северное Причерноморье, Южно-Китайское море) на протяжении всей записанной человеческой истории были зонами столкновения геополитических интересов государств и цивилизаций. Новый пример нам дает текущая ситуация в Сирии, которая, наверное, в сотый раз в своей истории стала ареной столкновения региональных и внешних политических сил. На одном этом примере видно, что многие современные проблемы самых разных регионов напрямую унаследованы из весьма далекого прошлого. И их решение, конечно, в случае наличия реального желания, возможно только при полноценном понимании тех механизмов и закономерностей, которые определяют сущность этих геополитических пространств.

Географическая судьба России лучше всего описывается следующим общим тезисом. «Россия – это 40 % полезных ископаемых мира, 14 % территории и лишь 2 % населения Земли». Такой подход стал одним из наиболее употребляемых в среде российской демократической общественности, тесно связанной с образовательными программами за рубежом. В их риторике такое положение вещей создает многочисленные проблемы для страны – экономические, инфраструктурные, социальные. Весь список. Источник появления такой логики, как нам кажется, неслучаен. Конечно, прямых документальных доказательств западной (не только американской) *deep state*^[147] стратегии в отношении нашей страны с неперенным ее дроблением вы не найдете. Но если мы способны делать выводы из собственной истории, хотя бы по аналогии (*«Инстинкт разума дает почувствовать, что то или другое эмпирически найденное определение имеет свое основание во внутренней природе или роде данного предмета, и он в дальнейшем опирается на это определение»*^[148]), рассматривать ее с объективных позиций – то сейчас самое время.

На всем протяжении истории России общая схема действий внешних сил в целом не менялась. Любое внутреннее «нестроение» вело к попыткам интервенции и разрыва государства на управляемые «княжества» под руководством компрадоров в разных вариантах, в том числе в настоящее время в форме современной буржуазии. «Нередко ее политические интересы совпадают с интересами всего класса национальной буржуазии, частью которого она является. Однако и в этих условиях в силу того, что по характеру деятельности эта буржуазия наиболее тесно связана с иностранным капиталом, она в наибольшей степени испытывает на себе его экономическое и политическое влияние»^[149].

Принципиально важно осознать, что минимум 50 % ответственности за каждый эпизод, ассоциирующийся у нас с попытками уничтожения российской государственности – Смутное время, Гражданская война, разрушение СССР, – лежит на местных элитах, их неспособности встать над сиюминутными корыстными интересами и межклановыми разборками. Конечно, внешние силы всегда принимали участие в этой внутренней борьбе. Исторические источники полны документов, доказывающих как минимум попытки подобного рода. Но все же прямые агрессии военные или невоенные всегда начинались после того, как ствол вертикали власти сгнивал, а политическое руководство оказывалось совершенно неспособно влиять на ситуацию. Удивительно и тревожно, что в первых двух упомянутых исторических прецедентах вернуть порядок фактически удалось только прямым историческим «творчеством масс».

Использование любых неурядиц, поддержка внутренней оппозиции, ее возвращение и подпитка – это в некотором роде классический рецепт, неоднократно апробированный недругами России для ее ослабления на протяжении всего нашего тысячелетнего пути. И в Киеве при дворе князя Святослава Игоревича, наверное, были те, кто не одобрял воинственности князя и его

стремления воевать с Византией. Не говоря уже об эпохе ордынского вторжения, когда завоеватели легко ориентировались в преимущественно покрытой лесами стране, находя удобные пути, переправы, города, городища и тайные укрывалища. История Ивана Грозного и Ливонской войны уже дает нам реальные отечественные и европейские документы о внешних и внутренних угрозах. Настоящим апофеозом стратегии по внутреннему подрыву единства нашей страны оказалась эпоха Смутного времени, когда целая плеяда Лжедмитриев при активной поддержке Речи Посполитой стремилась утвердиться на российском престоле. В этом плане бросаются в глаза явные параллели с «царевичем Петром», чье имя активно использовалось на заре царствования Екатерины II разного рода самозванцами и бунтовщиками, выступавшими против центральной власти. Борьба с ними всегда была тяжелой и кровавой. Как тут не вспомнить слова Ивана Грозного: *«Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников; а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою»*^[150].

Все это лишний раз напоминает нам о том, что менялись эпохи и костюмы, трансформировались общество и производственные отношения, а технологии по внедрению своих ставленников во власть, их подпитки оружием и деньгами неизменно активно использовались недругами российской государственности. Отметим в скобках, что Россия в данном случае совершенно не уникальна. Примеры подобного рода встречаются повсеместно. Эта норма международных отношений в прошлом и настоящем.

Важным представляется другое: если в обществе, не знавшем газет, радио и телевидения, не представляющем, что такое Интернет и соцсети, могли апробироваться методы внедрения агентов влияния, а также донесения определенной идеологической установки, то наша цифровая эпоха по определению становится временем информационных войн, когда «боевые действия» фактически добиваются до вашего личного компьютера, смартфона и игровой приставки. И если раньше людей призывали выходить на улицы языком плаката, то сейчас на смену ему приходят верные рассылки электронных писем, мессенджеры и другие доступные коммуникационные сервисы.

Обычно в качестве контраргумента против «тотальной информатизации», которая обрушивает на человека гигабайты и терабайты сведений в самых разных форматах (от новостей до личных дневников), приводят «информационную открытость», имея в виду, что всегда можно проверить те или иные сведения. Но в этом случае, как правило, не учитывается, что информационное воздействие может быть целевым, то есть подчиненным определенной логике действий, направленных на достижение определенных целей. И соответственно, опровергнуть такое информационное воздействие гораздо сложнее, чем обычный «информационный шум».

Как бы то ни было, однако сегодня арсенал поддержки внутренней оппозиции неизменно шире, чем даже в начале XX столетия – века революций и мировых войн. Разрушение границ привычного информационного окружения современного человека, возможность глобальных коммуникаций в реальном времени, транслировании видео- и аудиопотоков, визуальных изображений 24 часа в сутки по совокупности воздействия заметно превосходят как печатные «манифесты» российских самозванцев, так и военную пропаганду середины XX века.

Еще тогда военный теоретик Е. Э. Месснер, при всей неоднозначности его судьбы, в своих работах, посвященных мятежевойне, предупреждал, что в конфликтах будущего линия фронта будет проходить внутри страны-мишени, а главными фронтами войны будут политический, социальный и экономический. При этом ключевое значение будет отводиться деструктивному давлению на различные группы гражданского общества:

«Воюющая сторона будет на территории другой стороны создавать, поддерживать партизанское движение, будет идейно и материально, пропагандно и финансово поддерживать там оппозиционные и пораженческие партии, будет всеми способами питать там непослушание, вредительство, диверсию и террор, создавая там мятеж. Правительство и войско этой воюющей стороны будут привлекать все население своей страны и ею оккупированных областей к борьбе против вражеских агентов мятежа»^[151].

В итоге Месснер выделил семь основных способов ведения мятежевойны: пропаганда, саботаж, вредительство, диверсия, террор, партизанство, восстание. Ключевую роль в ведении мятежевойны Месснер отводил пропаганде. Действительно, в мире XXI века, если вы не создаете

своей пропаганды, то неизбежно становитесь объектом чужой. И даже более того: если вы не выработали своей идеологии, то будете работать на благо чужой. Таковы суровые реалии.

И тем не менее опыт прошлого показывает, что несмотря на изощренность приемов, использующихся для демонтажа российской государственности, в конечном итоге торжествуют логика здравого смысла, понимание того, что стабильность и патриотизм являются двумя якорями, удерживающими в самый свирепый шторм корабль по имени Россия. И тогда нашей общей задачей становится постоянная модернизация этого корабля, его подготовка к бурям и штормам ближайшего будущего, которые, как любое явление природы, цикличны.

Примечания

1

Монтескье Шарль Луи. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. – М.: Гослитиздат, 1955.

2

Димитров Г. «Наступление фашизма и задачи коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» в кн.: VII конгресс Коминтерна и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975. С. 204.

3

Грамини А. Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Издательство политической литературы, 1991.

4

Прекрасное определение Wiki: «Bromance (рус. броманс) – тесные несексуальные отношения между двумя или более людьми, как правило, мужчинами, форма гомосоциальной близости».

5

<https://russian.rt.com/inotv/2016-11-24/Bzhezinskij-Rossiju-nado-demokratizirovat-i>.

6

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989.

7

<http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-novom-tcheloveke.pdf>.

8

Беспилотный летательный аппарат.

9

Как говорят в Америке – To kick smb.'s ass.

10

Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. – М., 2014.

11

О данной акции см.: <https://lenta.ru/news/2013/11/10/redsquare/>.

12

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

13

«История гораздо в большей степени продукт хаоса, чем заговора». (Збигнев Бжезинский).

14

<http://www.kommersant.ru/doc/3253994>.

15

<https://cont.ws/@iliabelous/573615>.

16

<https://cont.ws/@iliabelous/573615>.

17

По оценкам МВД, в московских «гуляниях» принимали участие 6–8 тысяч человек.

18

http://www.minchenko.ru/analitika/analitika_68.html.

19

<http://veved.ru/press/85761-obshhestvenno-politicheskij-vuajeri769zm-v-ekaterinburge.html>.

20

Например: *Филимонов Г., Юраков М., Данюк Н.* Переворот. – СПб., 2016.

21

<http://www.iarex.ru/articles/53651.html>.

22

Точно описывает аналогичную ситуацию фраза «удушение экономики и потеря всяких перспектив индустриализации страны» на примере африканской страны Камерун. Подробнее об этом см. <http://russianview.com/dossier?id=23&lang=ru>.

23

<http://www.rosinfonet.ru/print/131531>.

24

Кратко о нем: <https://regnum.ru/news/cultura/2060820.html>.

25

<https://www.unian.net/politics/887869-obnarodovan-tekst-soglasheniya-ob-uregulirovanii-krizisa-v-ukraine.html>.

26

<https://ria.ru/world/20140422/1004886020.html>.

27

Эммануэль Огюст Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: В 2 т. – М., 2014.

28

Чернов В. М. Предпоследние ошибки // Мысль: Альманах. (Пг.). 1918. № 1. С. 262–268.

29

«Любой, кто не способен осудить ненависть, угнетение и насилие, присущие радикальному исламу, не имеет нужной моральной чистоты, чтобы служить на посту нашего президента. Эта битва не ограничится только ИГ. Мы жестоко уничтожим “Аль-Каиду”, постараемся перекрыть каналы финансирования “Хамаса” и “Хизбаллы”, которые поддерживает Иран». (*Д. Трамп, 15.08.2016*).

30

ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в России.

31

Термин, придуманный советскими фантастами братьями Стругацкими.

32

<http://www.imf.org/external/russian/np/blog/2016/091616r.pdf>.

33

Здесь и ниже: *Зайцев Д. Г., Карастелев В. Е.* Протестное движение в России 2011–2012 годов: проблема субъектности / Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука. Ежегодник. Руководитель авторского коллектива А. И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2013.

34

Здесь и далее цитируется по ссылке <http://civilfund.ru/mat/view/37>.

35

<http://www.politonline.ru/provocation/12525.html>.

36

Ленин В. И. Советы постороннего. Сочинения. Т. 21. – Л., 1936.

37

Очень точное определение этого понятия приведено в издании «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (М. Попов, 1907): «Демагог (греч. *Δεμαγωγος*) – управляющий народным мнением, человек, воздействующий на население и ведущий его за собою, потворствуя инстинктам толпы и разжигая народные страсти, вождь народной партии».

38

Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995.

39

Один из первых политическим мемов, введенный У. Черчиллем.

40

<http://matveychev-oleg.livejournal.com/213361.html>.

41

<http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-california-secession-idUSKBN1572KB>.

42

Ленин В. И. Советы постороннего. Сочинения. Т. 21. – Л., 1936.

43

Цатурян С. А. Ненасильственная революция. От теории к практике: Монография. – М.: РУДН, 2015.

44

<http://vz.ru/opinions/2015/7/21/757157.html>.

45

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Собр. соч., 2-е изд. Т.3. – М.: Политиздат, 1955.

46

Ознакомиться можно по ссылке <https://vimeo.com/58111839>.

47

Менделеев Д. И. Докладная записка С. Ю. Витте о результатах поездки на Урал для изучения уральской железной промышленности. Сочинения. – Л.; М., 1949. Т. 12. С. 68.

48

То есть отдельные массивы горной породы, оставленные выветриванием, эрозией, воздействием воды и т. д.

49

На Урале и в Приуралье тайгу называют «пармой», «пармами», «пармицами», слова эти по происхождению принадлежат к пермской группе финно-угорских языков.

50

Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972.

51

Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. – Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1990.

52

Подробнее см. *Джанполадян Р. М., Киртичников А. Н.* Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале. Эпиграфика Востока. Вып. XXI. 1972.

53

Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. – Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1990.

54

В нем состояли устюжане, вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки.

55

Беляев И. Л. О географических сведениях в Древней России / Зап. Русск. геогр. об-ва. Кн. 6. – СПб., 1854. С. 248.

56

Земцова В. Н., Лялина В. А. Екатеринбург в мундире: форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII – начала XX века. – Екатеринбург, 1992.

57

Там же.

58

<http://museum.sbras.ru/?q=node/555>.

59

Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 7. – М.: Кучково поле, 2012. С. 140.

60

<http://газета-уральский-рабочий.рф/society/14077/>.

61

Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 7. – М.: Кучково поле, 2012. С. 140.

62

Здесь и далее <http://orv.gov.ru/Regions/Details/50>.

63

<http://regnum.ru/news/1671224.html>.

64

Включен в реестр организаций – иностранных агентов 25.05.2015, исключен из реестра 11.09.2015.

65

<http://www.odnako.org/blogs/k-obshcherossiyskoy-konferencii-po-raspadu-rossii/>.

66

http://kavpolit.com/articles/federalizatsija_teper_i_v_rossii-8365/.

67

<http://ermalex76.livejournal.com/923184.html>.

68

<http://ria.ru/world/20150225/1049620624.html>.

69

<http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/10/01/610961-vse-znayut-pitkah>.

70

https://www.znak.com/20151221/byvshiy_prodyuser_telekanala_sobyanina_pomozhet_na_vyborah_spisku_hodorkovskogo.

71

<http://ura.ru/articles/1036266910>.

72

Руководитель Московского бюро «Фонда Фридриха Наумана» Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен.

73

См.: <http://www.dw.com/ru/жанна-немцова-выступит-с-речью-о-свободе-в-берлине/a-18478199>, например, по ссылке

74

<http://www.dw.com/ru/фонд-наумана-опасается-за-будущее-сотрудничество-с-российскими-нк-о/a-16254152>.

75

Добавим, что в настоящее время Э. Слабунова и Л. Шлосберг включены в федеральную часть списка партии «Яблоко» на выборах депутатов ГД РФ.

76

<http://www.ridus.ru/news/156259>.

77

<http://politrash.livejournal.com/130921.html>.

78

<http://imrussia.org/ru/мнения/2453-как-построить-жизнеспособную-оппозицию>.

79

http://www.echo.msk.ru/blog/veduta_a/1287470-echo/.

80

<http://veved.ru/news/45768-ekaterinburg-stal-simvolom-podderzhki-nacizma-na-sovbeze-oon-spasibo-evgeniyu-rojzmanu.html>.

81

<http://www.intermonitor.ru/rojzman-na-tropinke-geopolitiki-gde-budet-finish-2/>.

82

<http://politsovet.ru/45199-v-ekaterinburge-sobirayut-dengi-na-gazetu-navalnogo.html>.

83

<http://politsovet.ru/45971-v-ekaterinburge-vozlozhili-cvety-k-konsulstvu-ukrainy.html>.

84

О чем не преминули сообщить на «Голосе Америки» – см. по ссылке <http://www.golos-ameriki.ru/contentlive/ukraine-developments-live/1854761.html#liveblog6135>.

85

См., например, по ссылке <http://politsovet.ru/46011-aksiya-v-podderzhku-federalizma-v-ekaterinburge-zavershilas-zaderzhaniyam.html>.

86

Здесь и ниже цит. по ссылке <http://politsovet.ru/46090-leonid-volkov-o-vyborah-federalizacii-i-dolgosrochnyh-proektah.html>.

87

<http://aktualno.ru/news/view/probezhka-zdorovya-13251>.

88

<http://pravdaurfo.ru/articles/aktivist-russkogo-marsha-dovedet-ekaterinburg-do-sagry>.

89

http://nr2.com.ua/News/Kiev_and_regions/kto-podtalkivaet-ekaterinburg-k-mezhetnicheskim-konfliktam-foto-33652.html.

90

<http://www.nakanune.ru/news/2014/10/31/22375185/#sthash.HOV0HTsA.dpuf>.

91

<http://rkka.kiev.ua/?p=9008>.

92

Цит. по сборнику «Россия – не Украина: современные акценты национализма» (под ред. А. Верховского).

93

<http://www.newtimes.ru/articles/detail/65467>.

94

<https://www.youtube.com/watch?v=80nOUdtGodU>.

95

http://www.ng.ru/ng_religii/2016-02-03/7_matushki.html.

96

<http://korrespondent.net/ukraine/events/3605456-maryupol-azov-smenyl-lenyna-na-kniazia-sviatoslava>.

97

Там же.

98

http://www.ng.ru/ng_religii/2011-06-15/5_perun.html.

99

http://www.ng.ru/ng_religii/2015-08-19/5_extremism.html.

100

<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/07/d32502>.

101

<http://ria.ru/incidents/20140515/1007932115.html#ixzz479Nvieqp>.

102

<http://ria.ru/incidents/20140515/1007954702.html>.

103

<http://kashin.guru/2014/05/15/pushkino/>.

104

http://www.e1.ru/news/spool/news_id-405559.html.

105

<http://imrussia.org/ru/панорама/обзор-мероприятий/2467-слушание-комитета-международным-отношениям-конгресса-сша->.

106

Там же.

107

Там же.

108

Ассоциация создана в апреле 2000 года и традиционно сотрудничает с Национальным демократическим институтом международных отношений (США) и рядом российских экспертных центров: Московской хельсинкской группой, «Индем» и др.

109

<http://leonwolf.livejournal.com/363199.html> от 20.02.2012.

110

<http://leonwolf.livejournal.com/366950.html>.

111

С работой центра можно ознакомиться по ссылке <http://leonwolf.livejournal.com/369101.html>.

112

<http://leonwolf.livejournal.com/2012/03/15/>.

113

<http://www.ollicarroll.uk/new-page-1>.

114

<http://m.gordonua.com/news/politics/kolomoyskiy-zhdu-publikacii-svoego-intervyu-v-independent-111919.html>.

115

<http://leonwolf.livejournal.com/360357.html>.

116

<http://k-kiselev.livejournal.com/199570.html>.

117

В нее также вошли Л. Волков, Ф. Крашенинников, В. Наганов, Г. Албуров и др.

118

http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/08/01/partiya_ashurkova.

119

http://ru.futuro.wikia.com/wiki/Электронная_демократия.

120

<http://2012.vybor-naroda.org/stovyborah/22572-naznacheny-vybory-v-koordinacionnyy-sovet-rossiyskoj-oppozicii.html>.

121

<http://maxpark.com/community/13/content/3017007>.

122

По открытым источникам, двоюродный брат Б. Немцова (см. по ссылке <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/703689>).

123

См. http://ru.futuro.wikia.com/wiki/Электронная_демократия.

124

<http://newtimes.ru/articles/detail/56332/>.

125

См. http://it-eburg.com/text/article/oppozicija_v_irane_vybiraet_uralskuju_it_platformu/.

126

<http://leonwolf.livejournal.com/500359.html>.

127

<http://www.leonidvolkov.ru/p/50/>.

128

Ленин В. И. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч. – М.: Издательство политической литературы, 1975. Т. 26. С. 218–219.

129

<http://georgefilimonov.com/articles/the-point-of-attack-aimed-at-russia/>.

130

Здесь и ниже цит. по <https://www.facebook.com/leonid.m.volkov/posts/1183857308303567>.

131

С апреля 2017 года глава офиса «Трансперенси Интернешнл» в Екатеринбурге (см. аккаунт в «Твиттере»: Госпожа Петрова @radujsa).

132

В. Резник, одержавший победу в Адыгейском округе. Ранее В. Резник, член Высшего совета «Единой России», не участвовал во внутрипартийных праймериз.

133

<https://www.facebook.com/leonid.m.volkov/posts/1189041761118455?pnref=story>.

134

http://www.ng.ru/politics/2016-09-29/1_parnas.html.

135

Подробнее по ссылке http://www.ng.ru/politics/2016-09-30/1_democracy.html.

136

http://www.ng.ru/politics/2016-09-30/1_maltsev.html.

137

http://tsargrad.tv/articles/cvetnaja-revoljucija-v-ssha-zhizn-trampa-v-opasnosti_34369.

138

<https://newinform.com/33405-za-protesty-protiv-trampa-v-ssha-predlagayut-dengi>.

139

<https://www.bloomberg.com/news/videos/2017-01-19/in-conversation-with-george-soros-at-davos-2017>.

140

http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1000/RR1000/RAND_RR1000.pdf

141

<http://www.tadviser.ru/>.

142

<http://portal-kultura.ru/articles/history/45732-sergey-karpov-lyudi-ne-izvlekayushchie-urokov-iz-istorii-dopuskayut-maydany/?print=Y&CODE=45732-sergey-karpov-lyudi-ne-izvlekayushchie-urokov-iz-istorii-dopuskayut-maydany>.

143

<http://www.the-american-interest.com/2016/03/28/authoritarianism-goes-global/>.

144

Жак Деррида в Москве / Пер. с фр. и англ. / Предисл. М. К. Рыклина. – М.: Культура, 1993.

145

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986.

146

Оруэлл Дж. 1984. – СПб.: Азбука, 2003.

147

«Глубинное государство – гибридное слияние государственных чиновников и представителей верхнего уровня финансистов и промышленников, которые эффективно управляют... не спрашивая об этом избирателей, нарушая суть политического процесса». (The State: Past, Present, Future, Bob Jessop, page 224, December 2015 John Wiley & Sons.).

148

Цит. по: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1975. Т. 29. Конспект книги Гегеля «Наука логики».

149

Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

150

Переписка Ивана Грозного с князем Андреем Курбским // Хрестоматия по древнерусской литературе / Под ред. М. Е. Федорова, Т. А. Сумникова. – М., 1969.

151

Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. – М.: Кучково поле, 2004.